

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ ПЕРЕД ЗАКАТОМ

*Как бы я хотел
разделить его с тобой.*

CARE`S

Павел вполне доволен своей семейной жизнью, он любит свою жену, любит свою дочь, но в один момент всё может оборваться, жизнь может пойти по-другому пути, ведь Павел, после ссоры с супругой уезжает в дом, что достался ему по наследству — в деревне, где он провёл почти всё детство, но кажется, что Павел уехал абсолютно в другую жизнь, где главное — выжить.

Последний вздох перед закатом

Глава 1

Ты знаешь, в октябре так быстро рассеивается летнее тепло, а ведь до этого растягивалось на весь сентябрь, тогда оно словно не хотело покидать эту землю, чего не скажешь о местных жителях, которые изо дня в день, изрядно напившись ненавистью ко всем и ко всему вокруг, проклинаят белый свет почём зря. Зелёная листва, висевшая на громадных и могучих деревьях нехотя желтеет, а позже, постарев, падает из своего родного дома — дерева, которое растило эту листву на протяжении какого-то установленного промежутка времени. Но всему приходит конец. Дни плывут, цикл преследует цикл. Кто-то живёт, кто-то умирает, но никому нет дела до течения времени вокруг него самого, ведь свою старость человек так и не увидит в суете своего жизненного круга, наполненного вихрем событий. Да, всё происходит именно так, но это та правда, которую кто-то пишет для себя. Он отказывается верить во всё остальное, ему всё равно, он в своей зоне комфорта, которая состоит из его мыслей, догадок, убеждений. Вот, уже не успеешь обернуться — а в воздухе начинает веять прохладой, ещё не зимней, но ты уже не чувствуешь того самого летнего тепла, которое так приходилось тебе по душе. Сколько октябрей за свою жизнь повидал — но они не кажутся обыденными, наоборот, ты возвращаешься к ним опять, и ты знаешь, что будет дальше — новый год, снег, который позже растает, день рождения, пасха, лето, осень. Но встречаешь ты эту банальность всё более старым, уже с новыми мыслями, новыми этапами и обстоятельствами жизни. И для кого-то эта картина может угасать, а для другого и вовсе сможет обретать новые краски, которыми человек нарисует свою дальнейшую судьбу. В голове Павла переплеталось множество мыслей о насущном, они на протяжении многих лет не давали ему спокойно жить и существовать в этом мире, оставляя раны от скрежета на сердце и душе, словно напоминая о себе. В воздухе, над давно знакомой ему улицей, на которую он смотрел с тоской из окна, нависла какая-то странная и пугающая Павла атмосфера. Это уже был не тот октябрь. Это уже была не та жизнь. На дне бокала разлёгся довольно таки неприятный, но крепкий и отдающий какой-то терпкой стариной виски. Названия его Павел не помнил, да и оно не нужно было ему сейчас. Он хранил у себя эту бутылку, подаренную коллегами (наверное, а может и не ими) для особого случая, и Павел с грустью осознал, что тот случай настал, пусть и не радостный, как ему хотелось бы, и как бы он мечтал. Да, даже здесь его мысли дали понять ему одну истину: не важно, что ты хочешь, ведь грёзы не материальны, и они никогда не окажутся перед тобой в твоих руках, а будут оседать лишь в твоей голове, оставаясь чем-то недоступным для тебя и твоего мира. Павел не был пьющим, и не любил никогда выпить особо, но почему-то сейчас, он с одновременно злобным и грустным видом, вертел уже пустой бокал в правой руке.

— Давай! Иди, своим друзьям ещё раз пожалуйся, на то, какая я стерва! Козёл! Вся жизнь мне ...! — Позади Павла раздался грохот, на который он не обернулся. Окно в квартире открылось из-за сильного сквозняка, и комнату наполнил холодный, мрачный воздух, которого Павел также не ощущал. Жена, а точнее, наверное, уже бывшая жена Павла — Вера, худенькая и темноволосая барышня с пронзительно глубокими голубыми глазами и татуировкой бабочки на левом плече, всхлипывая, пнула сумку, наполненную личными вещами Павла и словно влетела в другую комнату, громко хлопнув за собой дверь. За окном погасло солнце, его заменил пасмурный мрак, который расстилался на серых многоэтажных домах Смутевска. Плыли дни, а пламя любви Павла и Веры постепенно

угасало, и наверное уже потушилось, не оставляя за собой ни фитиля, ни уголька. У Павла уже не оставалось сил кричать на свою супругу, всё было решено, и ему всё было так безразлично, что Павел не видел смысла что-то предпринимать. Он просто не знал, что будет дальше, он просто молчал. Павел убрал стакан в сторону, встал, отряхнулся, перевесил сумку через плечо, после чего его взгляд замер на портрете, на котором он красовался со своей супругой. И кто знал, что такие беззаботные, молодые, сидящие в обнимку два любящих сердца, разобьются спустя десять лет? Павел познакомился с Верой абсолютно случайно, он тогда думал, что их свела судьба, хотя Павел в неё до этого никогда и не верил. Как-то раз, Павел возвращался из училища, его настроение было настолько убитое, что он тогда решил в очередной раз пройтись до небольшого сквера за городом, куда он любил ходить каждый раз, когда в его душе главенствовала тоска, но это было так часто, что эта тихая опушка уже стала для Павла если не вторым домом, то любимым местом точно. Тогда он увидел девушку, которая тяжело дышала, и всхлипывая, перебирала верёвку в руках. Павел наблюдал за ней, но вскоре перестал обращать внимание, пока краем глаза не увидел, что девушка стала забираться на большое дерево, обмотав верёвку вокруг своей шеи. Павел не задумываясь подлетел к ней, и схватившись за талию, резко потянул девушку к себе. Девушка стучала по спине Павла лёгкими от бессилия ударами, а Павел замечал в тот момент лишь то, что обнимает её. Павел чувствовал тепло, которое он не знал до этого. Это тепло заставило его забыть обо всех своих проблемах, и девушка с каждой секундой слабела, переставала наносить удары, а потом и вовсе повисла в руках Павла тихо зарыдав.

— Я не хочу жить — шептала Вера.

— Я тоже — отвечал Павел, подняв голову к небу — А хочешь, я тебя кофе угощу? — Девушка кивнула. Она долго рассказывала ему обо всём, а он лишь слушал. Она была словно брошена на произвол судьбы, и решила, что жизнь пришла к её логическому завершению. Детдом, долги, работа за копейки на стройке, где она вдоволь надышавшись краской, падала голодной и обессиленной в холодную кровать в старом общежитии. Да, в Краснароссии не баловали хорошей работой и зарплатой людей с улицы, без каких-либо связей. Павел с тех пор во всём её поддерживал, и никогда не расставался с ней, он начинал видеть смысл жизни, он радовал её каждый день пусть самыми незначительными знаками внимания, но как она это любила! Но на этот раз Павел решил, что эта ссора переросла во что-то большее, и хоть мосты пока не сожжены, нужно уехать ненадолго, чтобы отдохнуть друг от друга, ведь потерять Веру для Павла значило потерять всё. Его терзали смутные ощущения своей неправоты. Угольки любви всё угасали, но не потухли в нём. Интересно, а в Вере? Павел взял также свой наградной карабин «Сайга» с начатой пачкой патронов, бумажник, и уже казалось можно было выдвигаться. Павел снова посмотрел на портрет, справа от него висела фотография его родителей, ныне покойных, что и завещали ему один дом в безлюдной деревенской глуши. Павел взял фотографию со стены, сложил пополам, приложил к сердцу, постоял так около минуты, после чего убрал её в карман. Сколько всего ужасного раздирало его душу на данный момент! Какая-то непонятная смесь горечи, ностальгии по родителям, недобитой любви к своей семье, и, наверное, грусти за прошедшую жизнь легли на его голову. Да, ведь грёзы не материальны. Павел, перекрестившись, открыл дверь комнаты и прошёл по коридору квартиры. Переложив ключи от автомобиля в карман куртки, он, под звуки всхлипывания, начал надевать чёрные, тяжёлые ботинки.

— Анну дай напоследок, Анечку то... — полупьяным голосом и в приказном тоне тихо молвил Павел.

— Хренов тебе, урод, псину свою вон забирай, а Анечке я скажу, что ты помер уж давно от пьянки, и что не было в нашей жизни и семье такого человека — шмыгая носом почти после каждого слова, дрожащим голосом молвила Вера. Она сидела на кухне неподвижно, опустив голову вниз, и держа в правой руке сигарету, с которой постоянно падал пепел, так как в этот момент рука её сильно дрожала. Павел не отвечал ей агрессией. Никогда. Быть может угля в нём было более чем достаточно. Он кинул грустный взгляд на завязанные ботинки, и дойдя в них до кухни, прислонился ко спящей двухгодовалой дочке и поцеловал её, ему даже показалось, что она улыбнулась в этот момент. В этом поцелуе он почувствовал некий уход энергии из своего тела, словно что-то окутывало его, не отпуская вовсе. Пелена? Он последний раз посмотрел на неё, повернул голову в сторону Веры, и постояв словно вкопанным ещё немного, положил правую руку на плечо супруги, которая, не поворачиваясь, шмыгнула носом, и лишь стряхнула его прикосновение с себя, словно грязь с тела. Гордость ли, безысходность ли, не позволяли ему извиниться, обнять её, и жить дальше. Павел покинул кухню, окинул взглядом квартиру, и вздохнув, окликнул своего друга, который, прижав лапки, всё это время лёжа наблюдал за хозяевами, и наверное не мог понять, отчего они кричат друг на друга? Еда то есть, а чего им ещё нужно? Крон, так его звали, годовалый, уже не щенок немецкой овчарки, завиляв хвостом, побежал в сторону Павла. Вроде всё готово, можно выходить.

— Пока — и в ответ тишина. И из-за этого прощания в воздухе нависла ещё более ужасающая атмосфера, словно закончилась эпоха. Маленькая, но эпоха. Павел захлопнул дверь квартиры, но постояв немного на лестничной площадке, вернулся, и забрал тот самый портрет, убрав его в сумку. Веры уже не было. Ни на кухне, ни в прихожей, ни в душе.

1. Начало конца

На лестничной площадке витал ужасный запах кислой рыбы, который въедался в ноздри, и не позволял насладиться свежим осенним воздухом, что доносился из открытой форточки около лестницы. Исписанные стены лифта были чем-то вроде особенного дополнения в каждом подъезде жилых домов Смутевска, это были не какие-то непонятные граффити, а настоящие произведения искусства так называемых местных «уличных художников». Павел разглядывал их, пока лифт вёз его и Крона на первый этаж, но не понимал точного смысла, который хотел передать автор. «Возвращение стоит разлуки» — ярким, красным цветом над кнопками расстилалась надпись над женщиной с мечом в правой руке и весами в левой. Она, кажется, была нарисована по образу медузы горгоны, но с завязанными глазами. Павел уставился в одну точку, абсолютно не шевелясь, он не придавал особого значения каким-то непонятным ему калякам-малякам. По его мнению подобного рода философия была абсолютно бесполезной, ведь можно нарисовать любую чушь, или предположить абсолютно любую гипотезу, сопровождая её такой же случайной подписью, и любой будет думать данное на свой лад, ведь хоть и в мире царит коллективизм, мысли — индивидуальны. А здесь людям было особенно некогда думать о чём-то прекрасном, кто же тогда оставляет эти надписи? Кого не спроси — у всех всё плохо, у всех вокруг их души мертвы, кому это нужно? Гуманитарные науки Павел никогда не любил, не учил, и толком не понимал, но философия, в любом её виде, была неотъемлемой составляющей его жизни. Красный индикатор показал первый этаж, двери лифта открылись, и Павел, держа правой рукой поводок Крона, шагнул к выходу из подъезда. На небо уже

натянулись тучи, немного моросил дождь, Павел вдохнул последний раз городской воздух, собрался с мыслями, и достав ключи из кармана, направил их в сторону своего старенького автомобиля, и открыл его нажатием на кнопку.

— Пашка, Пашка, чего, на дачу собрался пооди? Дак не сезон сейчас, чего там делать то в самом деле? Вон я ... — позади Павла раздался до боли знакомый ему голос местного любителя выпивки Санька, с которым разговаривать сейчас у Павла не было никакого желания. Голос приближался всё ближе к автомобилю, бессвязная речь становилась всё более раздражительной для Павла.

— Да так, проведать нужно хозяйство своё, что да как — буркнул под нос Павел, не поворачивая голову в сторону любителя поболтать, при этом трамбуя сумку в багажник автомобиля. Закрыв багажник, Павел, стоя спиной к Александру, незаметно для него закатил глаза, словно показывая Крону своё недовольство в общении с малознакомыми ему личностями.

— Ну ладно, поеду я, времени нету, да и пробки там ... — Павел, наотмашь махнув рукой, словно прощаясь, приказал Крону занять место сзади, и сам сел на водительское сиденье.

— Ну давай, давай, занятой, я понимаю, а Верка то как там? — почесав затылок поинтересовался Александр. Павел лишь завёл машину и нажал на газ.

Главная дорога В-19 была на удивление пустой, была пятница, и странно, что народ не ломился на дачу как обычно. Десять часов вечера, смеркалось, Крон спал на заднем сиденье, по бокам дороги уже около ста километров не заканчивался лес. Иногда лишь проезжали мимо дальнобойщики. На улице начало холодать, и Павел прикрыл окна в автомобиле, после чего включил свет в салоне, так как на улице уже стало слишком темно. Из рта Павла торчала тонкая ароматизированная сигарета, из пачки, которую он перед отъездом взял у Веры. Он не знал зачем, он не курил никогда, и романтики не видел в табачных изделиях столько, сколько видела в этом Вера. Мундштуки с сигаретами не перебивали в нём любовь к ней, напротив, это добавляло какую-то изюминку к Вере. Павлу нравилась какая-то случайно попавшая в его поле зрения цитата, которую он когда-то случайно прочитал на стене своего подъезда, от неё не отдавало «фальшивой» философией, которая ему так не нравилась. «Как бы я хотел пепел в сигарете моей заменить на прах любви нашей, чтобы дышать тобой» — и в этих строках были настолько цепляющиеся к сердцу слова, что Павел уставился в конец длинного шоссе, и лишь держал правую руку на руле, а левой иногда размахивал табачный дым. Он даже не заметил, как на ближайшем посту ГПР, сотрудник махнул полосатой палкой сначала в сторону его автомобиля, а потом к себе. Павел, матерно выругавшись, заметил, как бешено бьётся его сердце. Хоть бы эти скоты не учуяли едкий запах старого виски, и не попросили бы дыхнуть в трубочку! Остаться в 200 километрах от дома без автомобиля, прав, с огромным багажом вещей и собакой на руках, было бы очень плохим завершением и без того трудного дня. Припарковав машину у обочины в ста метрах от сотрудника, Павел, лихорадочно, дрожащими руками, начал запихивать себе в рот мятные конфеты одну за другой, а когда милиционер подошёл к авто, то откинул пачку в сторону, и ещё раз размахнул табачный дым. Крон даже проснулся, протяжно зевнул и посмотрел с любопытством на сотрудника. Павел открыл окно, фальшиво и нехотя улыбаясь

незваному гостю. Перед ним стоял низкий, толстоватый, с отчётливой щетиной на лице милиционер. Большое, круглое лицо устало заглянуло в салон автомобиля.

— Добрый вечер — сотрудник приложил правую руку к своему виску — младший лейтенант ГПР Рыглов, документы ваши можно посмотреть? — Павел, услышав фамилию тихо и кратко посмеялся, потянулся в бардачок машины, и достав нужные документы, сунул их гостю.

— Тааак — лейтенант перелистывал паспорт и водительские права, иногда посматривая на Павла, и сразу же обратно в документы. Рыглов постоял ещё несколько секунд, и отдав документы обратно, пробежался взглядом по автомобилю.

— А огнетушитель в машине у вас имеется? — Павел, на этот раз не закатив глаза, достал из кармана свой кошелёк, и зацепив пару купюр, швырнул их в сторону полицейского.

— Упало у вас — не поворачиваясь, с каменным лицом отрезал Павел. Рыглов с удивлением обернулся по сторонам, после чего как бы взерошился от такого поворота событий, хотя этого он и ожидал, и на «вознаграждение» надеялся.

— Это что же, что вы, взятка что ли, как это, да я ж, вы к чему такого мнения то о себе высокого? —

— А вы к чему эти формальности? — Павел всё не отрывался от красивого и тёмного ночного неба, оно словно чёрная роза, вроде злая на вид, с шипами, но что-то есть в ней такое прекрасное и притягивающее. Милиционер, оглянувшись по сторонам, поднял бумажки с земли, и торопливо начал совать их себе в карман.

— Вижу у вас всё нормально, и соответствует техники безопасности, счастливого пути! — Рыглов вытер пот со лба, приподняв фуражку —

— И тебе не помереть — Павел, закрыв окно, как можно быстрее завёл автомобиль, и нажал на газ. Рыглов посмотрел на него, и огрызнувшись, приподнял свой жезл правой рукой, но передумав, убрал его обратно. Дорога расстилалась дальше, лес по бокам дороги всё не заканчивался, полумрак лежал на проезжей части, машин вроде как прибавилось, стали появляться дачники, которые ехали на легковых автомобилях то в сторону Павла, а то и от него. По радио играла какая-то старая песня в жанре рок, её автор был неизвестен, и никто точно не знал, кто её исполняет, по радио её так и объявил низкий и монотонный голос: «Нам не удалось узнать, кто же написал эту композицию, так что послушайте вы, может быть вы узнаете в этой песне запись вашего друга, или знакомого музыканта». Но никто в Краснароссии не узнавал. Павел слышал её впервые, но ему казалось, что он был знаком с этой песней с малых лет, и точно слышал её в детстве. Павел задумался насчёт человеческого бытия, ведь жил своей жизнью какой-то музыкант, и не известно, жив ли он сейчас, и вот, по радио крутят его песню. Быть может он об этом и мечтал, какой же музыкант не желает славы? Но если он мёртв, то к чему уже эта слава? Павел обычно держал у себя в сумке или портфеле (в зависимости от того, где он находился, на работе или на занятиях спортом) свой личный дневник. Это была небольшая тетрадка, исписанная фломастерами разных цветов его дочуркой. Его совсем не разозлило, когда он однажды увидел Аню, сидящую на коленях Веры, которая с улыбкой на лице, видимо, пыталась что-то нарисовать на рабочей тетради Павла, которая была предназначена для ведения служебных заметок, что были нужны ему на работе. Павел тогда посмотрел на счастливые лица своей дочери и жены, и подумал, что ну и ладно, и вырвал первые два начатые листа, окрестив отныне данную тетрадь своим личным дневником, где он последнее время и вёл свои

заметки, доводы и мысли, ведь какая-то гордость не позволяла ему выговариваться и жаловаться кому-нибудь. Павел не мог сейчас сделать ещё пару записей в дневнике, так как нужно было следить за дорогой, а бутылка давала о себе знать тем, что насылала на Павла сонливость. А жаль, что нет времени, ведь хотелось бы столько всего сейчас записать, столько всего навалилось! Павел записывал в свой дневник не всё, что приходило ему в голову, и не всё, что он видел когда-либо, а только лишь самое важное, самое цепляющее.

13 июня 2019 года.

Четверг.

21:42

Сегодня, благодаря Анечке, решил переоборудовать свою рабочую тетрадь «ПП-13». У неё даже кажется сегодня почти получилось сказать первое слово. Надеюсь, оно будет «мама», ведь если что-либо другое, то Вера сама не своя ходить будет. Ей, видите ли, нужно, чтобы всё было в её пользу. Это в ней и раздражает. Вчера зарядку от телефона выдернуть забыл, и как ты думаешь, что она устроила? Да абсолютно в разы худшее, чем устраиваю ей я, когда она регулярно раздолбайничает намного больше меня. Я если писать буду про всё, где она тупит, или портит что-либо, то я не знаю, хватит ли мне этой тетради! Но люблю её, да, где не соврать там не соврать. Ведь и я не без греха! Встретились два одиночества на стыке судеб. Но да ладно, хватит сопли разводить, сегодня на работе какой-то опарыш додумался в станок записать рабочую перчатку, да и оставить его включённым! Это оказался Витёк, вроде так его зовут, ладно бы просто не опытен был, так идиот же! Всё наперекосья специально делает, и не сознаётся, гад! А Антону Ефимычу из-за этого чуть руку не отчекрыжило, это ведь совсем не то место, где нужно выключать мозги! Думаю, уволят его скоро, ну или сам уволится, Антон ему и так надавал по шапке хорошенько за несоблюдение правил безопасности, но вот руководство мне, как старшему бригадиру, поручило распоряжаться самому с увольнениями, но мне жалко их как-то, от хорошей ли жизни к нам на завод прут? Ведь сидят и терпят рядовые сотрудники нашу абсолютно идиотскую организацию. Жирные хари высших хрен знает когда в цеху появляются, на закупку материалов они тоже класть хотели! Про зарплаты они слышать не хотят, нету денег говорят. Про кондиционер тоже, и всё равно на то, что зайти в цех летом просто невозможно, не то что там работать. Рядовые сидят голодные, в порванных тряпках, которые когда-то были одеждой, дядьки взрослые у шпаны сигареты стреляют, а эти твари с курортов каких-то возвращаются, рожки их ещё от загара не отошли, и вместо обычного свиного лица теперь нам предстаёт загорелая рожка, которая докладывает, что денег нет! Вы держитесь, не знаем мы где они! Не платят нам клиенты! Нет и всё! Вера и так мозги уже выносит, что на то не хватает, на это. А я что сделаю? Где эти уроды в нашей стране вообще находят способы загорать? Давно у нас курорты есть? Может покажете где? Может какие-то аппараты для загара существуют, и им за деньги наворованные их привозят, нам знать не дано. Отправить бы этих ублюдков в Смерчеево, чтобы они жизнь нюхнули, им не помешает. Подобное отношение сеет в наших рядах полнейшую анархию и беспредел. Недавно Еграфыч, с голодухи видимо, шарился по курткам своих же, пока все были на обеде. Он уже делал это не раз, и не два. Кто ворует —

никто не знал. А как застукали — ясное дело отмудохали так, что тот ещё неделю на работу не мог прийти чисто физически, а там и уволился из-за стыда видимо. Увольнения бухгалтер подписывала не читая, ей было всё равно, она вроде в каких-то шашиях с одним из высших, и соответственно, все кроме неё зарплату то и не видят. А Виталич, взрослый и статный мужик, склонил голову над Еграфычем, когда тот лежал без сознания, и промолвил речь о том, что не он виноват, что его вынудили, и что не тех мы бьём. Из-за его речи Еграфыча бить то и перестали. К слову, высшие к рядовым уже подходить боятся, и делают всякого рода заявления с лестницы на втором этаже, где открывается вид на станки, и при этом закрыв за собой дверь. Потому что уже было несколько случаев, когда рядовые, устав терпеть настолько наглое к себе отношение, кому-нибудь из высших что-нибудь да сломают. То челюсть, то нос. И после этого ходят эти важные с охраной по бокам, два-три шныря в костюмах. У меня это просто недоумение вызывало, относись ты к пролетарию по-человечески, и не нужна будет тебе эта охрана, да и ты работаг наших видал? Два метра с кепкой, чуть терпения лопнет, не поможет тебе никакая охрана, это же смешно! А дома всё как обычно, Анечка рисует что-то.

14 июня 2019 года.

Пятница.

22:03

Сегодня в раздевалке был абсолютно нешуточный разговор о том, что неплохо было бы подкараулить автомобиль кого-нибудь из высших, да и мягко говоря, поинтересоваться, где деньги честных работаг, для начала подвесив того за ноги. В раздевалке стоял бешенный гул, и завод разделился на два лагеря, одни за, вторые против. Против не из-за того, что боялись, а из-за того, что не видели смысла у козла пытаться отнять капусту. Никто не верил в то, что у завода, у которого постоянно есть заказы, нет денег на зарплату. Это не работа, это какой-то затянувшийся антиутопический фильм про то, как людей заставляют работать за идею. Но главная утопия — это надеяться, что всё когда-то станет хорошо. Не знаю, может кто-то сливает информацию высшим, но те, словно услышав про бунт, собрали всех в главном холле и выплатили зарплату. Правда за месяц, а не за три. Лица у всех сразу стали круглыми, улыбочивыми, кто за сигаретами побежал, кто в магазин. О начальстве подавно забыли, а после работы созвали всех отметить такое дело, я вежливо отказался. И прямо в третьем часу дня, более половины состава накидались недешёвого пойла, просядив на него, наверное, более половины зарплату. А после, кто передрался, кто станки начал ломать. Зачем — не знаю, я лишь стоял, и прикручивал гайки. У меня совсем не было мотивации успокаивать всех, но это приходилось делать, так как это было дело принципа, ведь имея статус старшего бригадира, я не позволял бардаку у себя в составе. Вот на кой эти животные так просили заплатить им, если так бездарно потом ведут себя, подставляя друг друга? Так промолвил сегодня Виталич, наблюдая за очередной дракой двух работаг. В этот момент, двое из высших стояли всё там же, на лестнице, и попивая кофеёк с коньяком, с лёгкой улыбкой поглядывали на драку, но как увидели, что я смотрю на них, сделали каменные лица и удалились. Домой я ехал сегодня с подарком для Веры, хоть сегодня злой не будет.

15 июня 2019 года.

Суббота.

20:37

Не понимаю, чем опять недовольна Вера, толи пошутил как-то глупо, толи сказал что-то не то, но сегодняшняя прогулка по парку оставляла желать лучшего. Анечка почти научилась самостоятельно ходить, и лишь иногда спотыкается, благо я и Вера всегда держим её. Очень больно на самом деле чувствовать, как Вера холодеет ко мне, ей абсолютно всё равно на мои рассказы о работе и о прошедшем дне, хоть когда бы её что-нибудь заинтересовало обо мне! Но мне не всё равно.

19 июня 2019 года.

Среда.

16:21

Сегодня уволили с работы, как и всех остальных. Ну как уволили, бесследно исчезло руководство, и на следующий день весь состав не мог зайти на территорию завода, так как ворота были закрыты, будка охраны также пустовала. Когда все изрядно переругавшись, собрались уходить, к нам пожаловал один из высших. Он лишь молча проехал на своём джипе, открыл ворота завода и велел всем стоять и ждать. После чего, вышел с неким маленьким чемоданом, который он пытался спрятать под куртку, но всё не мог и лишь ёрзал, и улыбнувшись, ехидно поблагодарил всех за ожидание, пройдя в свой автомобиль. Недолго думая, Виталич, который долго читал монологи о любви к ближнему своему и всепрощении, взял высшего за шкирку, после чего вежливо попросил его объяснить, что происходит. Высшему это видимо не понравилось, и тот начал кричать на него, и пытаться вырваться, после чего взял его за шею, и сорвал нательный крест с Виталича, который был привязан к старой нитке. Нарочно ли или нет, никто не знал, да вот только лицо у Виталича поменялось, он поставил высшего, наклонился за крестом, и яростно посмотрев на начальство, прописал ему апперкот, отчего тот упал замертво, и изо рта и носа у него пошла кровь. Рывкнуть на двухметрового бородатого Виталича никто никогда не решался. Он лишь перешагнул через тельце, глянул в чемодан, и бросив его в толпу, «ушёл в закат», попутно завязывая нитку у себя на шее. Он вроде как даже попрощался со мной, когда уходил, или мне показалось. Деньги эти животные собирались просто разорвать из-за своей жадности, пока не вмешался я, и не раздал молча каждому поровну. За это всем нам грозила уголовная статья, но всем было всё равно. Всем было всё равно даже на то, что высший видимо помер уже, и проходя, кто-нибудь да ударит тело ногой, кто рукой, а кто и плюнет на него. Мне не очень хотелось домой, я представлял, что сейчас будет. И ожидания оправдались, радостно меня встретил только Крон.

25 июня 2019 года.

Вторник.

15:56.

Оставшиеся дни я лежал дома и лишь слушал длительные и оскорбительные монологи в свою сторону. И когда ответил так же грубо, то Вера обиделась, заперлась на кухне, а я дальше лежал без дела. Тот высший, кстати, всё-таки умер. Им оказался Никита Аннерштейн, он был у самых главных что-то типо в шестёрках. Со своими то деньгами, кстати, высшие могли бы ускорить работу милиции, но они просто бросили его. Я созванивался с Виталичем, мы с ним несколько раз встречались в местном кабаке, и разговаривали абсолютно обо всём. Так вот, он на днях ходил разведывать, что же происходит у завода, говорил, что высшим абсолютно наплевать на смерть своего, они даже оборвали связи с его родственниками, и отказались давать какие-либо показания и комментарии. К слову, случай освещали в местных теленовостях. Ко мне в дом даже наведывалась милиция, но я лишь говорил, что ничего не знаю, что в тот день на работу не вышел. Вера создавала дополнительную панику и нервотрёпку по этому поводу. «Люби своих любимых, и врагов своих люби, но как только кто-то из них заборзееет, то врага — убей, а любимого обними и прощения попроси» — говорил мне подвыпивший Виталич. Я так и сделал, купил безделушку, шоколад и шампанское, и даже когда Вера начала кричать на меня о необдуманной растрате, я лишь обнял её. Её это успокоило, она даже обняла меня в ответ. Не помню, когда последний раз она касалась меня, не считая случаев рукоприкладства. Вечер мы провели вместе, также в обнимку. Я на днях начал писать стихи, и начал зачитывать Вере свой последний. А она, обняв меня, внимательно слушала.

*Никотин не поможет здесь выветрить слёзы,
Забывшись уйти, и как будто прекрасно,
Алкоголь не сумеет проявить мои грёзы.
Ведь видно — что было, что есть — всё напрасно.
И чувство такое, что хочется верить, Что это всё сон — не бывает такого.
Открыть мои мысли, закрыть, но проверить: Что нету пути здесь по жизни иного.
Как будто во сердце вогнуты пули: Четыре, и не могут рассыпаться в прах,
Ведь из золота, меди, беду се надули: Зависть, паника, ненависть, страх.
Осмотревшись — не вижу, того чего надо, Покуда застрял в этой жизни на век,
Колючие цепи, повсюду, ограда, Может выбраться? Нет, не смогу и вовек.
Кому интересно? И кто это слышит?
И кто прочтёт эти строки хоть раз?
С кем всё расставляю? Никого не колышит.
Не смерти, не жизни, но сердца рассказ.
И можно побольше понять, и подумать:
За что, как же так, что я сделал, зачем.
Но смысл? Причина? Всё надо обдумать:
Уехать на месяц, иль насовсем?
Уехать, и мысли оставить, сказав им:
«Мешаете, будьте же здесь до конца»*

*«Исчезните, впредь не докучайте, И не обретите опять вы отца»
«Вы — монстры, коварны, вы можете сделать,
Существование подле гнилым, И что же с того, что всё это правда?
Мне знать обязательно?» — «Да, не иным»
Ну что же, ну ладно, присядьте со мною, Разлейте тоску по бокалам моим,
Разбейте мечты — се утопии, помню, Вы это сказали мне утром другим.
Так что не знаю, что лучше здесь будет, Но вы не отстанете, верно же? — «Да»
Что было то было, от меня не убудет, Но верно се сказано: Мысли — вода.
Что-то застыла сегодня надолго, Вода эта, и не могу я пройти.
Быть может конец это? Должен погибнуть? На кого вы останетесь, мысли мои?
Сказала, что ей понравилось.*

3 октября 2019 года.

Четверг.

19:37.

Напряжение в отношениях нарастает. Вера не в шутку заикнулась про развод, наверное, ничего не осмыслив перед этим. Развод ей! Она совсем чоли? Я же люблю её, мразь такую. Я на кой столько терпел её? Столько добивался? Не знаю, что писать, силы терпеть всё это уже на исходе. Не разговариваем уже четвёртый день, за Аню страшно. Эта тупица даже не понимает, что разводом мы нанесём травму ребёнку, сделаем мир в её глазах ещё более жёстче, чем он есть на самом деле. Это и страшно. Не раздел имущества, не брачный контракт, а нанесения близким своим увечий на душе. Но этой всё по боку. Она только и интересуется, когда же квартиру ей отдадут, и сколько доли ей перепадёт. Второй день пью и даже начал курить. Иногда, правда, вкус сигарет и поила мне совсем не нравится. Я думал, когда был молодым, что если в твоей жизни всё будет прекрасно, то они тебе никогда не понадобятся. И не нужно будет лишний раз погружать себя в мир невкусных «антидепрессантов». Но люблю её.

4 октября 2019 года.

Пятница.

22:25.

Ненавижу эту тварь! Пошла она на все четыре стороны! На кой ляд столько любви вкладывать в человека, если он всё равно пойдёт тебя по причине «мало зарабатываешь»? Не отдала даже Анечку, и не знаю, когда её увижу. Попытался приголубить её в последний момент, что-то во мне ёкнуло тогда, и я на секунду решил остаться, но она, видимо, не пожелала моих прикосновений на своём теле, так что я решительно развернулся и ушёл из этого дома. Анечка, не знаю как, но если я не вернусь, и ты будешь читать эти строки, то знай. Хоть я тебя и никогда не видел толком, я пропал на заработках для твоего же будущего. Мне ничего не платили толком, сама понимаешь. Не знаю, что наговорит тебе

Она, но я всегда любил тебя, я даже не сказал Ей, что первое твоё слово было «Папа». Это самое лучшее, что я слышал за жизнь. Мы тебя очень любили и всегда будем любить, даже когда нас не будет. Мы это я, и Крон. И ВСЁ. Из дома я ушёл. Ближайшее время буду жить в деревенском доме в родной Верховке, я там знаю каждый сучок. Страшно правда, вымерла почти деревня ведь. Но я должен выдержать любые удары судьбы. Я — сильный. Я — воин.

«Что я несу?»

Павел отбросил в сторону бардачка дневник с шариковой ручкой, и поставив стакан с кофе на держатель, завёл автомобиль и отъехал на В-19 от придорожного кафе. Павел около часа назад проехал указатель «Верховск 40», значит скоро должен подъехать к нему, а там и до Верховки не далеко. Верховск был маленький провинциальный город с населением около 50000 человек, не представляющий из себя ничего необычного, наоборот, отличался особой безнадёгой и низким уровнем жизни по сравнению с другими населёнными пунктами округа. Его держала самая настоящая преступная шайка, работать было негде, да и уехать оттуда было трудно, а молодёжи почти и не было. Павел заезжал туда несколько раз, когда там ещё жил его дядя, но даже он, закалённый и когда-то сидевший в тюрьме в прошлом военный, не выдержал жизни там, да и перебрался в город получше. Спустя некоторое время, Павел всё-таки доехал до больно знакомого ему пейзажа. Заправка с мини-магазином слева, кладбище с могилами его родителей справа, и нескончаемый лес вперемешку с полями вокруг. Старый, загрязнённый, и уже почти свалившийся указатель гласил «Верховка» и около надписи виднелась длинная стрелка, показывающая налево.

Справа от заправки, через дорогу, которая вела на Верховку, прямо у В-19, располагалась другая деревушка — «Посадовка». Павел свернул с В-19 на старую, но не поменявшуюся для него дорожку. В округе повисла ночная тьма, и дальше носа ничего не было видно, лишь фары автомобиля давали возможность видеть хоть что-нибудь, свет на заправке постепенно отдалялся в зеркале заднего вида.

— А в городе в это время светло, гуляют все, а тут вон, как страшно, того гляди и утащит неведомое что-то из кустов — Павел бормотал себе под нос, и оглядываясь на Крона, истерично улыбался, но сразу же сменил покосившуюся улыбку на взволнованное лицо. Крон всё спал. Павел медленно пробирался по узкой дорожке. На улице было так тихо, что Павел слышал только своё дыхание и гул автомобильного двигателя. Он наблюдал за дорогой, и с трепетным страхом думал только об одном. Он до смерти боялся темноты, а тут придётся одному ночевать в полупустой деревне. Эта мысль не давала ему покоя. Павел проезжал дальше, объезжая старые ямы и колдобины, что расстилались дорожкой, словно давая понять, куда ты приехал. Ведь где ты ещё сыщешь такой старый асфальт в Богом забытом крае? Наконец, после того, как Павел проехал ещё пару сотен метров, минуя маленький мост, под которым протекала уже почти засохшая речка, впереди показался указатель «Верховка». Павел сразу же увидел у начала деревни горящий свет в доме, и это его успокоило, он даже вздохнул с облегчением. Ведь нужно быть просто роботом, или же непоколебимым и чёрствым со стальными нервами человеком, чтобы после 21:00 выходить на дикую территорию, которая разделяла Верховку и трассу В-19. Произойти в тех краях в общем то ничего и не могло со случайно забредшим путником, да только атмосфера там

была страшнее некуда. Где тёмные сосновые джунгли, где поле, в котором не было видно конца, а где и вовсе непроходимые чащи, которые днём выглядели очень даже привлекательными и живописными для местных, но ночью... Опасные случаи перестали в этих краях происходить ещё в 2000-ых, а до этого то дезертир из ближайшей военной части с оружием сбежит, то ограбление на заправке, то рэкет фур на В-19. А сейчас гробовая тишина, и на первый взгляд бесконечная, и кто знает, что страшней? Местные бабушки знают. Как затравят вечером у стола за кружкой чая байки про проклятую дорогу, из которой нечисть к вечеру выходит, про призрачные силуэты у кладбища, которых животные даже опасаются, про русалок, что сидят у соснового бора и поджидают путников. Мифология в этих краях была даже своя, отличавшаяся от общей славянской с лешими и бабой Ягой, и русалки, например, здесь были обыкновенные на вид девушки, да только кто-то видел, как они сухими из воды выходят, станцуют с платочком, и обратно заходят, а кто-то просто у дороги странную девушку в белом встречал, которая молчит, да вот только отойдёт — и след её простыл, и никто не понимал, когда она незаметно уйти успела. Бабушки рассказывали это, чтобы пощекотать нервы внукам, которые так просили их поведать им очередную историю, после чего убегали к печке, и укутавшись одеялом, дрожали, уткнувшись в стенку. Бабушки посмеются, хлопнут по плечу дитя, скажут, чтобы не выдумывали себе ничего, сказки всё это, не существует нечисти, да вот только сами потом подолгу у окна сидят и вдаль глядят с каменным лицом, и к чаю даже не притронутся. Но Павла обрадовала какая-никакая цивилизация, и то, что деревня ещё жива. Павел проехал начало деревни, дом располагался на её золотой середине. Свет горел почти в каждом окне. Сама деревня, также, как и остальные, разделялась асфальтной дорожкой, и была окружена так называемыми «задворками», которые состояли из непроходимых лесов, и больших полей. Павел испуганно дёрнулся, когда увидел, как на свет от фар автомобиля на дорогу вышел человеческий силуэт. Павел объехал его справа, и из-за кромешной темноты не мог разглядеть, кто это был, но когда поравнялся, с облегчением улыбнулся. Павел старался себя как можно чаще тешить весёлыми мыслями.

— Здравствуйте, баб Валь — Павел кивнул головой в сторону старушки, и проехав дальше, свернул в сторону своего дома. Бабушка видимо не поняла, кто это проехал, и лишь проводила взглядом автомобиль, недоверчиво прищурившись. Павел припарковал машину у старого дома, который знаком ему с детства. Ещё тогда, давно, он приезжал сюда будучи маленьким сорванцом. Тогда всё казалось по-другому. Деревня была более живая, деревья зеленее, солнце светлее, счастье так и висело в воздухе, не давая здешним жителям унывать от тоски и печали. И все были живы, и родители моложе. А сейчас осень. Даже не в осени дело. Сейчас взрослая жизнь. Никто уже не позовёт с крыльца отведать малину с клубникой с огорода, не напоит чаем с кучей сладостей, и не уложит спать у печки. За окном хоть и лето, но на улице ночью очень даже прохладно, а маленький Павел лежит, укутавшись в одеяло, и с улыбкой наблюдает за ночной природой под звуки сверчков. А где-то сзади крадутся мама и бабушка, которые так не хотят разбудить его. А сейчас никто не позовёт. Сейчас некому. Павел включил дополнительный свет в салоне автомобиля, открыл дверь, багажник, и принялся доставать пакеты с продуктами.

— Крон, вставай, приехали наконец, слава тебе, Господи — Павел потрепал Крона за шею, и тот, завиляв хвостом, вынырнул из машины, и резво отряхнулся.

— Крон, нельзя, потом, сейчас в дом зайдём, я тебе налажу — Павел отодвинул нос Крона от пакета. Павел не спешил идти в дом, он лишь стоял, и смотрел на тёмно-синее

ночное небо, которого так не хватало ему в городе. Тишина, звёзды. Прекратить любование Павла заставил противный писк над ухом и резкий укус в шею. Здесь комары были особенно надоедливы, их была тьма. Если после вечера выйдешь на улицу в открытой одежде — пожалеешь, что не с титановой бронёй вместо кожи родился.

«Но какие ещё комары осенью??? Откуда?» — смутившись, подумал Павел, и закрыв автомобиль, взял в правую руку ключи, и направился ко крыльцу, но тут же услышал позади себя как зашевелилась трава, она была здесь нестриженная, поэтому и высокая, по колено точно. Крон залаял, а Павел от неожиданности положил руку на рукоять «сайги», которая висела у него на спине.

— Павлуша, это ты чоли приехал? Один? А Верка где? — баба Валя была одета в длинное платье, на её голове был традиционный платок.

— Ну да, хозяйством заняться вот надо, запустилось тут всё, Верки нету, в городе осталась, дела у неё по работе — Павел убрал руку с рукояти, и улыбнулся с облегчением на душе. Он даже успел заметить, как перестало бешено биться его сердце.

— Аааа — баба Валя протяжно промычала, и посмотрела задумчиво вниз, после чего опять на Павла.

— А то я смотрю: кто-то едет, думаю, кто такой едет, машина то незнакомая, а это Павлуша, ну да ладно, пошла я, а то комары кусают — баба Валя была на удивление неразговорчивой сегодня, ведь в обычное время, Павел, с закатившимися глазами ждал, пока его мама или бабушка наговорятся с ней. Это могло длиться около трёх часов, и разговоры шли о чём угодно, бабу Валю интересовало всё, поэтому сам Павел разговор с ней никогда не начинал, ведь он только час бы ей доказывал, что не знает, почему у него нет невестки.

— Давайте, всего наилучшего — Павел сунул ключ в большой и старый железный замок, и подперев дверь, провернул ключ три раза. Дверь открылась, запахло сыростью. Странно, но дома почему-то было тепло. Слева ото входа располагалась терраска, далее коридор, слева вход в основную часть дома с двумя комнатами, справа же во двор. Павел, нащупав в темноте выключатель, включил в коридоре свет.

— Павлуша, а Анечка то как у вас? Большая небось стала? — в дверном проёме ведущем на улицу снова показалась баба Валя. Павел от страха и неожиданности дёрнулся, тихо пискнув.

— Ну дда, ббольшая, ддва годика уже —

— Аааа — баба Валя промычала на этот раз с улыбкой на лице.

— А у меня вон, Афанасия то моего, говорят, что ищуть, ищуть, а его и нету никак, уже не знаю чаво и думать. — баба Валя поменялась в лице, и жалобно посмотрела вниз.

— А чего случилось то с ним? — Павел поставил пакеты на пол, и жестом приказал Крону сидеть.

— Да кто ж его знает, пропал с концами и всё, ооой — баба Валя махнула рукой и молча удалилась в свой дом, который располагался напротив дома Павла через дорогу. Баба Валя уже на протяжении восьми лет рассказывает о пропаже своего мужа Афанасия, который был мужик статный, бывший охотник и слесарь, и Павел каждый раз спрашивает, что случилось, и каждый раз баба Валя отвечает, что не знает. Афанасий и правда пропал как-то раз. В один момент его не стало, искала милиция, искали добровольцы, а только и след простыл, и тела не нашли. Афанасия Павел помнил хорошо, несколько раз они даже собирались у бабы Вали дома за застольем. Павел закрыл входную дверь, подперев её

большой деревянной палкой, и взяв пакеты, прошёл терраску, и вошёл в дом. Войдя, Павел перекрестился, и поставил пакеты на стулья. Павел попробовал включить свет — работает, значит электричество в доме не отключили.

Павел сидел за столом, электронные часы показывали 23:45, но спать почему-то не хотелось. На столе располагались открытые консервы, нарезанный хлеб, квас, и бутылка водки. Крон, лёжа на полу, доедал мясо из миски, теребив во рту здоровенную кость. За окном не было видно абсолютно ничего. Павел медленно жевал консервы с хлебом, и одну за одной опустошал рюмки водки с квасом, так она ему казалась не такой уж противной. Павел в один момент засуетился, достал из кармана смятую фотографию Веры, и расправив, поставил её у стола, облокотив её на старый холодильник. Павел сидел и смотрел на портрет молча, не отвлекаясь от него ни на секунду. В сердце пылал огонь, ему так было жарко. В сердце была Вера. И надежда. И любовь. Павел встал из-за стола, после чего, у него резко всё поплыло перед глазами, видимо перебрал, а когда сидел за столом, он того не понимал. Павел медленными, неуклюжими движениями убирал начатые продукты в холодильник, и допив рюмку с «коктейлем», решил отправиться подышать во двор перед сном. Павел надел на себя старую куртку с капюшоном, и шатаясь, направился ко двери. Он открыл одну, вторую, и вот, очутился во дворе. Павел еле нащупал выключатель на крыльце, и включил свет. Крон радостно выбежал к огороду, оглядываясь по сторонам. Это была задняя территория дома, ведущая на задворки. Прямо располагался здоровенный огород, слева заброшенный хлев (бабушка когда-то держала там скот), напротив него ворота, ведущие на улицу, а справа самодельный деревянный душ, туалет, и так называемый Павлом склад дров. Павлу не надо было никуда, он лишь стоял под открытым небом, и просто наслаждался одним его видом. Но было уже не лето, и казалось, что с каждой секундой становится всё холоднее. Вскоре на Павла слетелись надоедливые комары, но он не замечал их, только лишь иногда отмахивался, хотя даже Крон фыркал, и тряс головой. Где-то позади мотылёк бился о включённую лампочку на крыльце. В один момент Павел даже не заметил, как он упал на спину, после того, как задрал голову слишком высоко, но вставать не спешил. Крон, заскулив, поспешил помочь Павлу, но тот лишь засмеявшись, начал трепать ему гриву. Так он и лежал какое-то время. Вокруг темно, страшно, неизвестно, есть ли поблизости живая душа, ведь соседние дома были заброшены. Но Павла в данный момент это не пугало. То ли из-за алкоголя, то ли из-за чего-то ещё. Вдруг Павел встал, отряхнулся, поднялся на крыльцо, и выключил свет на улице. Павел также подпёр деревянной палкой дверь во двор, и войдя в дом, закрыл дверь на щеколду. Тяжело вздохнув, Павел вошёл в другую комнату, которую его бабушка называла «голанка», из-за печки, которая находилась там, и где располагались спальные кровати, большое зеркало, стол, стулья, шкаф, и всё годов 60-ых. Недолго думая, Павел разобрал самую большую кровать, и раздевшись, улёгся на неё. Сон долго не приходил к нему, даже алкоголь не пробуждал в нём желания уснуть, сердце слишком уж тосковало понятно по чему, день выдался слишком уж безумный, но как только Крон лёг рядом с Павлом, тот вскоре уснул.

27 июня 2019 года

Четверг

21:41

Пришёл к выводу, что всё, что я делаю — напрасно. Не знаю почему, напрасно и всё. Меня не волнует дальнейшая судьба. Более того, я палец об палец не ударяю, чтобы что-то изменить. Вот тебе и взрослая жизнь. Понимаю, что жаловаться как-то глупо, то есть совсем не имеет смысла. Хотел на днях съездить в Верховку, да Вера против, не нравится ей там, говорит, не любит такое отсталое захолустье, куда цивилизация явно не заглядывала. А по мне, это так романтично, обняв её, лежать у себя на огороде под здоровенным небом. Я очень этого хочу. А она всё рассказывает о том, что постоянно видит один и тот же сон — какая-то жаркая страна, точно не наша захудалая Краснारоссия, пески, пальмы, и море, и если ты встанешь на берегу, то точно не увидишь конца берега. Здания там высоченные, крышами небо достают. Я не понимал, как это возможно. Также она рассказывала о том, что страна та, из её сна, словно сияет. Там нет смерти, там нет голода, ты как будто чувствуешь блаженство, находясь там. Она всё рассказывает, что её зовёт та страна, но я не знаю, как туда попасть, и где купить туда билет. Я ненавижу себя за то, что связав судьбу с ней, я просто сломал ей жизнь, мне даже не надо писать как я убог, не думаю, что мне хватит страниц. Я просто боюсь ей в этом признаться, чтобы она не упала духом, и я вместе с ней. Она должна думать, что я мужчина, что я воин, что я всё исправлю. Она такая красивая, я не мог верить своему счастью, что она выбрала меня. Я надеюсь всё изменить. Я обещаю. Я отвезу её и Анечку на тот курорт.

29 июня 2019 года.

Суббота.

23:21.

Я ничего не изменю и ничего не исправлю. Я понял об этом давно, но боялся в этом признаться. Было бы хорошей идеей — уехать, сжечь паспорт, и разнести себе мозги из сайги в каком-нибудь лесу, написав ей записку, что проблема не в ней, а во мне. И всё будет у неё отлично, найдёт себе кого получше. Но у нас дочь. И что делать — не знаю.

2. Горечь на плаву

Когда Павел проснулся, в его глаза ударил яркий свет. В ушах звенело, да так, что он пытался закрыть уши ладонями, но тщетно — руки были словно парализованы. Павел не понимал, что происходит, и спит ли он до сих пор, он даже не мог открыть глаза. Было ощущение, что температура тела около сорока двух, его одновременно окутывал жар, холод, боль растекалась по всему телу, и терпкий вкус крови оседал во рту. Наконец Павел понял, что проснулся, но глаза открыть не мог, в его голове была лишь одна мысль — никогда больше не касаться сигарет и алкоголя, никогда. Но это было что-то гораздо серьезнее похмелья. Первая попытка, вторая, третья, и Павел наконец открыл глаза и повернул голову вправо. Вся голанка была покрыта тёмным мраком, уже не такая солнечная и радужная, как в детстве. Не мудрено, на улице была пасмурно. Павел лишь стонал и скулил от боли, которая окутывала его тело. Он полежал так ещё около получаса, и понял, что нужно вставать. Еле-еле Павел поднял своё туловище с кровати и уселся на неё, после чего с трудом осмотрелся по сторонам, и зевнув, начал надевать на себя свитер с брюками. За окном моросил дождь, Павел посмотрел на часы — 8:23. Вдруг Павел заметил, что Крона нету у кровати, и что дверь на кухню оказалась открыта. Павел, забыв про боль, быстрым шагом вылетел из комнаты, и начал громко окрикивать Крона, и сразу же нашёл его за печкой с вывернутыми наизнанку пакетами с едой. Покупное мясо было растерзано вместе с пакетом, как и пачка сыра, к остальному же Крон не притронулся. Павел со злости начал пыхтеть, попытался закричать, но тут же почувал сильную слабость, голод, жажду, и вдруг увидел, как Крон за ночь стал каким-то грязным, шерсть была облеплена комками, сам Крон тяжело дышал. Павел почувал какую-то вонь посреди кухни, видимо Крон и с этим не дотерпел. Павел молча достал целую баклажку воды, и окликнув Крона, махнул ему рукой, и направился к выходу из дома. Павел отодвинул деревянную палку, которая подпирала дверь во двор, и почувствовал пронзительно холодный воздух, который так ему сейчас был необходим.

— Ну давай, сюда, горе ты моё — Павел вывел Крона ко хлеву, и начал обливать его водой с мылом, вместе с тем протирая шерсть старым полотенцем. Павел отпивал из баклажки воду, но всё никак не мог напиться, жажда была смертельная. Крон понимал свою вину, и опустив глаза вниз, лишь жалобно слушал команды.

— Ну, вот так, всё, теперь мы чистые, ты в следующий раз спрашивай, ладно? — Крон опять опустил глаза. Только Павел встал, как увидел покошенный забор со стороны задворок, который вчера был абсолютно цел.

— Какого? Да я... ты... глянь... тварьё... зверьё... — Павел запинаясь от злости. По всей видимости, кто-то пытался залезть ночью к нему во двор, но зачем? Или кто-то явно точил на него зуб, и решил напакостить, но кто? Павел забил и на это, сильное чувство голода и жажды переубедили его тратить энергию на что-либо другое.

— Ну и ладно, у Вали спрошу, может кого видела, да и потом заделаю, да и потом уберу — в Павле вдруг проснулся небывалый ранее оптимизм. Павел направился в дом, подозревая Крона, и проходя мимо зеркала, встал как вкопанный, вытаращив глаза. Он увидел себя необычайно бледным, худым, под его глазами свисали красные мешки, его зубы пожелтели, и словно были исколоты, а с его головы свисал пучок седины. Павел не мог понять, что с

ним произошло. Может и хотел, но не мог, только как ошпаренный выбежал на улицу, и залетел в самодельный душ, где бросился приводить себя в порядок. Вода была холодная, и её оставалось совсем немного в баке, но Павла это не пугало, он дважды почистил зубы, умылся, и снова вошёл в дом. Павел остановился перед зеркалом — немного получше, но всё же что-то не то. Вдруг Павел опять ощутил сильный голод, да такой, что желудок сводило от боли. Павел открыл холодильник, и в ноздри ему ударил неприятный, кислый запах, и Павел увидел то, что холодильник не гудит, и в нём выключен свет. У Павла просто не оставалось сил на гнев. Он попробовал включить свет в доме — тщетно, не работало электричество. Павел достал из холодильника яйца, понюхал колбасу, вроде не испортилась, и направился к выходу, напялив на себя по пути чёрную куртку с капюшоном. Придя на огород, он развёл костёр в специально отведённом для этого месте, и принялся готовить завтрак. Павла не покидало ощущение какого-то полуденного ужаса, когда всё вокруг как будто замерло. Пока яйца трескались на сковороде, Павел достал из кармана сигарету, сунул её в рот, попытался подкурить, но понял, что его сейчас стошнит, после чего он взял всю пачку, и быстро выкинул её в костёр. Спустя двадцать минут, Павел снял с костра чайник со сковородой, и направился в дом, где поставил завтрак на стол. Но трапезничать ему мешал всё тот же неприятный запах, и Павлу пришлось оставить завтрак, и взяв ведро со шваброй, он сначала вымыл за Кроном пол, выбросил остатки порванного пакета и начатой пачки мяса, а после выбросил всю испортившуюся еду из холодильника и наконец сел за стол. Ушло у Павла на уборку около двадцати минут, чай и завтрак почти остыли, но его это не волновало, и с сильной голодухи Павел умял завтрак за пять минут. Крон жалобно наблюдал за Павлом, и тот, спросив с удивлением, что не наелся ли он, всё равно насыпал корма в его миску. После завтрака Павел проработал почти два часа, он скошил заросшую траву, отремонтировал старые двери, и выполнял другие дела по хозяйству. Ближе к обеду Павел направился в голанку, и подойдя ко столу, взял свой мобильный телефон, который лежал у фотографии его покойной прабабушки. Павел трясся от любопытства, не звонила ли ему Вера, и с каждой секундой, когда он подносил телефон к своим глазам, он всё больше переживал. Нажав один раз на кнопку, Павел поменялся в лице — пропущенных не было. Телефон отлетел в сторону, Крон даже лёг от испуга, но сразу же понял, что хозяин видимо сильно огорчён. Павел встал к окну, пасмурная погода до сих пор висела над улицей, дождя уже не было, но не было также и того летнего тепла, по которому так скучал Павел, лишь жёсткая осенняя прохлада, и гробовая тишина. В один момент Павел быстро поменялся в лице и с удивлением вытаращил глаза, после чего ринулся ко своей кровати, куда отлетел телефон, и включил его, чтобы удостовериться, что ему не показалось. Нет, не показалось, дата в телефоне гласила — 8 октября, вторник.

— Не может быть, не может быть — Павел испуганно пытался зайти в интернет, чтобы удостовериться, что это телефон что-то путает, и показывает неправильную дату, но интернет, видимо, был в зоне недоступности, так как на телефоне он вовсе не работал. Павел попробовал позвонить по номеру 100 — сети не было.

«Я схожу с ума, всё пришло туда, откуда выхода нет» — думал про себя Павел. Он мгновенно взял с кровати сумку, сложил в неё вещи, которые успел достать, и молниеносно вылетел из голанки, подзвав Крона. Пока Павел закрывал дом на ключ, его раздирали незнакомые ранее чувства. Павел проклинал себя за то, что он опустил до такого уровня, что валялся пьяным несколько суток, что заставил мучиться от жажды и голода Крона, а главное, что вероятно, заставил нервничать Веру. Закрыв дом на замок, Павел бросился к

машине, быстро посадил Крона на заднее сиденье, и завёл автомобиль. На улице опять начал моросить дождь, и было необычайно тихо. Павел и ранее заметил, что с улицы куда-то делись привычные для деревни звуки, но быстро вспомнил, что сейчас осень. Хотя на дворе и задворках полная тишина была типична даже для самого оживлённого дачного сезона, там всё время царил покой. Павел тронулся с места и выехал на дорогу, и пока Павел ехал по деревне, он увидел, что в домах исчезла привычная для деревни суэта, и ни одной даже бабушки или кошки не было видно на улице. В общем то это не было странным, может все уехали в город, кому здесь нужно находиться в такое время? Когда Павел подъехал к мостику, он услышал грохот с раскатистым эхом, озаривший весь округ, но не придал тому значения. Небо было необычайно чёрным, и предполагалось, что скоро всей своей мощью ударит гроза по девственным лесам Верховки. Но Павлу было всё равно, он спешил ко своей любимой, он думал о том, что какая бы не была любовь злой, а супруга невыносимой, он перевернёт эту жизнь, и прикусит свой язык, чтобы жить как в мечтах. Мысли Павла перебил вид, который он наблюдал при подъезде к В-19: прямо на дороге располагалась перевёрнутая наполовину старая милицейская машина. Павел ухмыльнулся, вспомнив лейтенанта Рыглова, но подъехав к автомобилю поближе, увидел торчащую руку из салона. У Павла мигом пропала злоба и неприязнь к сотрудникам милиции, и остановив машину, он подбежал к салону поближе. Человек в форме лежал с открытыми глазами около руля. На его рубашке виднелись кровавые пятна, кобура для пистолета была пустая, а по салону была разбросана открытая аптечка с бинтами. Павла не пугал вид мёртвого тела, он навидался подобного ранее, очутившись на войне. Он молча достал телефон, зарядки почти не оставалось — 15 процентов. Павел попытался позвонить в скорую помощь, связи опять не было. Он сам трезво оценил ситуацию: видимо нападение на патрульную машину, но почему милиционер один? Ладно, им займутся позже, нужно уезжать, иначе доблестные следователи повесят это на Павла. Бандиты то в непроходимых лесах отсиживаются небось, ищи свищи, а Павел, да ещё и с сайгой, тут как тут для закрытия дела. Отпечатков Павел вроде не оставил, видеорегистратора он в автомобиле не обнаружил, так что Павел запрыгнул в свою в машину, и нажал на газ. Перевернувшееся авто всё удалялось в зеркале заднего вида, а спереди уже виднелась заправка. Подъехав к трассе В-19, Павел по привычке начал смотреть по сторонам, так как поток машин обычно был бешенный, но на данный момент ни одной машины не было видно. Сердце без умолку стучало, Павел трясся. Всё, что обычно успокаивало Павла — это не табак и алкоголь, а обыкновенное эскимо, и он на полном серьёзе развернул автомобиль на заправку, где хотел зайти в продуктовый магазинчик, хоть эта идея и казалось ненормальной для кого-нибудь другого, но не для Павла. К тому же скоро обед, ехать в город около пяти-шести часов, а Павел так и не успел отобедать. Подъехав к заправке, Павел опять тяжело вздохнул, когда увидел, что заправка закрыта, но это только на первый взгляд. В магазинчике был выключен свет, и на его фоне Павел не сразу сумел разглядеть разбитую стеклянную витрину. Картина начинала складываться: нападение вооружённой банды, которая даже сумела устроить засаду на патрульную машину, но раз дело настолько серьёзное, почему сюда ещё не приехала целая эскадрилья следователей и ОМОНа, и всё до сих пор не оцепили? Видимо, скоро должны приехать, и Павел всё больше понимал, что они возьмут и его как соучастника, ведь в Верховске (возможно они оттуда) милиционерам не составляло труда повесить на кого угодно что угодно. Но Павлу на данный момент было безразлично, его даже где-то раздирало любопытство. Он быстро подбежал к машине, достал из сумки военный фонарик, и подойдя

обратно к витрине, осветил помещение с улицы. Всё, что он смог увидеть — это пустые прилавки и разбросанные банки на полу. Надо же, не пощадили даже продукты. Павел сел обратно в автомобиль, и с большой скоростью выехав с заправки, начал ехать домой по В-19. За всё время Павел не увидел ни одной машины. Вперемешку с чёрным, грозovým небом это было очень странно и пугающе для него. Видимо оцепили как раз весь округ, и сейчас по пути встретится наряд милиции из-за кустов, который будет останавливать каждую машину в поисках бандитов. Павел проехал дальше, и увидел лису, которая перебежала из одной половины леса в другую по старой асфальтированной дороге. Когда лиса пересекла середину дороги, она остановилась, и уставилась на автомобиль Павла, после чего продолжила свой путь. Крон непрерывно лаял на неё, Павлу пришлось даже кричать на своего питомца, чтобы успокоить его. Удивительно! Да, лес был богат на живность, но увидеть кого-то здесь было редкостью, хоть и глушь глушь. Вдали Павел начал замечать какие-то движения, и очертания автомобилей. Павел не мог свернуть, дорога была одна. Павел нервничал, его могли запросто арестовать. Всё ближе подъезжая, Павел, благодаря его дальновзоркости, заметил самодельные деревянные вышки. Это его насмешило, хоть и смех его был истерический, но ему было смешно, что правительство даже решило не заморачиваться на вышки для милиции, поставив им такое, но волнение никто не отменял. Ещё ближе. Павел разглядел, что машины были то зелёного, то болотных цветов, а у вышек стоят люди в зелёной форме и чёрных масках. Может быть Павел оказался прав, и на серьёзное ограбление созвали спецназ и перекрыли выезды, так как наверное знали, что преступники будут уезжать на машине, или на машинах. Только вот что за дело они провернули тут, в глуши? Заправку ограбить, так там пару копеек максимум в кассе лежало. Ещё ближе. Павел увидел то, что люди в зелёном, увидев автомобиль Павла, встали по середине дороги и словно прицелились в Павла.

— Обалдели что ли совсем? — Павел, искривив лицо, вслух задал себе этот вопрос.

— Перепутали что ли с кем? — но тут Павла осенило, сейчас то его и возьмут. Всё, Паша, допрыгался из-за своей самоуверенности и гордости. Уехал от ссоры с женой, а попадёшь в тюрьму, если не расстреляют. А что? Сайга, тип подозрительный, да и отпечатки свои оставил небось. С этими мыслями Павел резко остановил автомобиль, и начал думать, что ему делать дальше. Люди в зелёном стояли как вкопанные. Павел посидел так ещё около двадцати секунд, стуча пальцами по бардачку, так как думал, что может они сами подойдут, и что лучше отвечать им в свою пользу. Мысли Павла прервал звук выстрела. Один, второй. Павел выкатил глаза и намертво оцепенел, ведь стреляли в его сторону. Ещё выстрелы. Когда пули, судя по звукам, стали попадать по машине, Павел, трясущейся рукой дал задний ход и прилёг. Ехать нужно было на ощупь, автомобиль уже почти развёрнут. Выстрелы сначала прекратились, потом опять возобновились. Лишь бы пули не попали в салон, и не задели Крона, на себя Павлу было всё равно. Автомобиль был развёрнут, Павел правой рукой прижал Крона вниз, громко велел лечь ему на пол машины, и зажал педаль газа в пол с такой силой, с какой только мог. Разворот, поворот, назад, Павел вспомнил, как подобные трюки с машиной ему показывал когда-то давно его отец. Автомобиль резко полетел туда, откуда он и приехал. Хорошо, что не попали по колёсам. Через десять минут Павел подъехал к повороту на Верховку, и по пути постоянно оглядывался в зеркало заднего вида. Ему постоянно казалось, что вот-вот сейчас он увидит за собой целую армию автомобилей с мигалками. Повернув на Верховку, Павел удостоверился, что за ним нет хвоста, и также втопил в сторону деревни. Здесь ничего не изменилось, милицейская машина с телом была

не тронута. Ещё через пять минут Павел был в Верховке, там опять тишина. Даже местный дядя Миша, живущий в начале деревни, который постоянно встречал с косой или лопатой в руках, и дружелюбно махал, улыбаясь автомобилю, сейчас не присутствовал на своём «посту», а на его месте лишь колыхала от ветра листва. Приехав, Павел дрожащими руками открыл замок, вбежал в дом, открыл дверь во двор, и отворил большие ворота на улицу, после чего загнал свой автомобиль во двор, это отвлечёт внимание от дома, ведь вероятно, что скоро начнут рейд по ближайшим населённым пунктам. Нужно было отсиживаться, Павел засел в доме, и лишь смотрел в окно. Павел посмотрел на экран своего телефона — 13:21, связи всё ещё не было.

8 октября 2019 года.

Вторник.

22:12.

Так холодно, что огонь костра около меня, словно почувствовав холод, начал уклоняться от него. Изгибаясь и погасая с каждой секундой, он вовсе перестаёт освещать старые деревянные, от которых по-особенному веет хвоей. Странно, казалось бы, огонь, и холода испугался. Так вот, как с нами бывает? На любую стихию, даже самую сильную, найдётся свой страх? Но холод меня сейчас не сильно волнует, ведь я закалён, с недавних пор, когда сделал последний вздох перед закатом. Свет от луны немного падает на кусты крыжовника неподалёку от меня, отбрасывая тень на холодную землю. Октябрь. А ведь когда-то это было для меня всего лишь названием месяца, не имеющее ничего таинственного и пугающего в себе. И я когда-то думал с улыбкой на лице, что наконец буду ещё долго жить, не прерывая свою зону комфорта. Меня ведь устраивала эта стабильность. Это было всё, чего я хотел. Спустя тяжёлые года детства, наконец встретить свою любимую, старых друзей, отличную работу, и вот так жить до конца жизни, прерываясь иногда на отдых, и составляя тем самым себе отличную жизнь, которую я не ценил. Но комфорт, как оказалось, не вечен, и всему рано или поздно приходит конец. Вот только мне пока не пришёл. Я остался один. И не то что бы я к этому не готов, и я не знаю, что делать в такой ситуации, но это всё таки оставляет свои раны на душе и сердце. А темно то как, дальше носа не видишь ничего. Да, здесь, в деревне, всегда темнеет рано, а тут ещё и осень. Я нехотя начал подниматься, ведь костёр догорал, а мысли кончаются, и в данной ситуации лучше идти в дом. Я встал, осмотрел огород, наполненный мраком ночи, небольшой туман располагается за его пределами, растворяя в себе старые деревья, у которых уже опали листья. Но не от осени. Бывают вещи пострашнее. Я когда-то боялся темноты так, что не мог спать один в комнате многоквартирного дома без света. А тут я один, абсолютно спокоен, не вижу ничего, кроме искр костра на земле.

«Крон, уходим» — Резко кликнул я своего единственного оставшегося друга, который в ту же секунду подскочил с земли, и виляя хвостом направился ко мне. Я не мог видеть где он, но по звуку он уже подходил ко мне, высунув язык вперёд и непринуждённо дыша.

Эх, Крон, уж не вспомню чья идея была тебя завести, но знал бы я тогда что не зря, — завёл бы ещё четверых таких как ты. Ты помогал мне всегда, лучше многих людей, и даже после недавних событий ты единственный остался со мной. И я тут же почувствовал

сквозь кромешную темноту его взгляд. Такой искренний. Такой доверчивый. Он отряхнулся от чего-то, не от моей руки ли, как Вера? Хоть бы он не залаял, с недавних пор это плохой знак. Подняв с земли за ремень свой карабин «Сайга», я повесил его за свою спину, и взяв мясо с мангала в вертеле, направился к выходу из огорода, и открыв старую, скрипучую и большую калитку огорода, вошёл в свой двор. И сразу же вспомнил как когда-то стоял здесь с отцом, будучи маленьким. Смотрел наверх, на звёзды, и думал лишь о том, что сколько же их там на самом деле? Сколько лет прошло — я уже не вспомню, а звёзды всё висят надо мной, вот только спутников что-то не видно.

На следующее утро Павел встал рано. Кончалась еда, и он не знал, что ему делать дальше. В город выезжать было опасно, ведь даже если посты убрали, автомобиль скорее всего запомнили, и оставили в качестве засады на него наряды ГПР. Но вдруг Павлу это всё надоело. Электричества до сих пор нету, связи нету, ну и местечко. Нужно уезжать. Наплевать, что повяжут, Павел что-нибудь придумает. Нужно поговорить с бабой Валею, чтобы она подтвердила, что видела Павла, это какое-никакое алиби. С этой мыслью Павел направился к её дому. На улице сегодня немного выглянуло солнце, но радости это не прибавляло. Павел пулей подлетел ко входной двери дома бабы Вали и постучался, но дома никого не оказалось. Павел постучался ещё раз, потом постоял ещё около десяти минут, и побежал в соседний дом, кто там жил, он точно не помнил, но они кем-то да приходились Вале, и могут знать, где она. Там тоже никто не отвечал. «Ну просто прекрасно». Вероятно, что все уехали в город, последняя надежда Павла растворилась. Со злыми, и наполненными кровью глазами, и одновременно со слабостью и унынием, Павел направился обратно в свой дом, где он пролежал на кровати около двух часов не двигаясь, и смотря в одну точку. Крон лишь лежал рядом, и словно чувствував настроение хозяина, скулил, смотря на него грустными глазами. Позже Павел поднялся, и покормив Крона, быстро перекусил сам, и повторив ту же процедуру со скоростным сбором вещей для отъезда, взял сумку и закрыл дом, усевшись в авто. Теперь медлить было нельзя. Павел опять быстро помчался в город, в деревне опять никого не было видно. Подъезжая к трассе, Павел ощутил чувство дежавю, опять та самая милицейская машина. Павел подъехал ближе — тела в салоне уже не было, значит кто-то из следователей здесь уже был. Павел подъехал к трассе, заправка до сих пор не работала, витрину не починили, банки не убрали. Заехал Павел на заправку только за одной целью — заправиться. Бензина почти не оставалось, но до следующей заправки за Верховском должно хватить. Машин опять не было, странно. Павел выехал на трассу, и перекрестившись, отправился в путь. Ближайший указатель гласил, что до родного города Павла оставалось 403 километра. Спустя 10 минут, Павел, с сильным волнением подъезжал к месту вчерашней встречи с людьми в зелёном, и искренне надеялся, что сейчас их там нет. Это оказалось правдой, их там не было. К счастью, судя по тому, что автомобиль мог ехать, вчера пули не заделли важные места машины, даже колёса. «И так рухлядь была, куда она теперь простреленная доедет?» Павел проехал дальше, всё не слава Богу. На этот раз несколько людей в зелёном стояли у обочины, неподалёку от бескрайнего поля, на въезде в село «Мелкие холмы». Павел уже приготовился разворачиваться. Люди не заметили его.

Один сидел на чём-то смотря на небо, второй и третий ходили кругами, что-то бурно обсуждая, оживлённо размахивая руками. Что делать? Ехать дальше, с ними на контакт, или опять разворачиваться? Нет, бежать уже бесполезно, да и отсиживаться как трус — это не про Павла, по крайней мере, в тот момент он думал так про себя. Павел нажал на газ, и поехал напролом на людей в зелёном. Подъехав ближе, он увидел, что они вооружены. Люди, услышав приближающийся гул автомобиля, медленно развернулись, но начав вглядываться в машину, быстро взяли в руки автоматы, и повторно прицелились в сторону Павла. Третий, без маски, принялся быстро напяливать её себе на голову, и повторил данное действие с автоматом за своими друзьями (?). Павел подъехал ближе, первый человек выстрелил в воздух, и опять прицелился в автомобиль. Павел взял в левую руку сайгу, предварительно вытащенную из чехла, и быстро остановив автомобиль, заглушил его и выйдя из машины, поднял руки с сайгой вверх.

— Это не я нападение устраивал, не я! Вчера по мне здесь стреляли, но я не виноват, ружьё я не использовал, только в тире! — Павел кричал во всё горло. Один человек махнул второму головой на Павла, не отводя с него прицел. Один из троих направился к Павлу и стал подходить всё ближе. Когда он подошёл вплотную, Павел смог заметить, что человек был абсолютно без каких-либо опознавательных знаков, только лишь в камуфляжной форме, даже без погон.

— Вот дела, так это, наверное, и есть бандиты, а я, идиот, к ним в лапы прибежал — прошептал Павел.

— У меня ничего нет, денег нет, только лишь машина да собака — Павел махнул головой на автомобиль с Кроном, который волнующе смотрел то на Павла, то на человека. Вскоре к ним подошли двое, один из них встал за спину Павлу.

— Ты откуда нахрен взялся? — Из одной из масок раздался низкий, прокуренный голос. Один из трёх взял у Павла из руки сайгу, и начал рассматривать её, после чего отсоединил рожок, и посмотрел на Павла.

— Я из Верховки, сам приехал на выходные на дачу — Павел с опаской посмотрел на Крона, боясь за него.

— Да руки опусти уже, видим. — Раздался голос из-за спины. Все трое сняли маски, лица были почти одинаковые, Павел не мог их различить.

— Если ты такой себе мирный, как ты бандюгов то миновал? — второй присоединил обратно рожок к сайге и протянул её Павлу.

— Да я несколько дней с пятницы в отключке пролежал, не знаю, что это было. Проснулся, собрался ехать домой, смотрю — ментовская, ой, милицейская машина с убитым ме... лиционером внутри, заправка вынесена под чистую, а в конце ваши по мне стрелять начали, мне уехать пришлось, я подумал, что вы меня за бандитов приняли. — Павел тараторил без запинки, смотря по очереди на каждого человека. Все трое переглянулись, словно ничего не понимая.

— Ясно, ну тебе повезло, что сегодня здесь мы, а не весь состав, пока что вали отсюда в свою Верховку, да не высовывайся, если дожить эти дни хочешь, хотя это идея плохая... — прокуренный голос опять послышался Павлу.

— Не высовываться? — спросил Павел.

— Жить — и на несколько секунд в воздухе повисла тишина.

— Ну ясно, но мне домой, в город надо бы — Павел кивнул в сторону трассы.

— Проезд дальше закрыт для всех, мужик, ты не слышишь чоли? Скажи спасибо, что мы

тебя не расстреляли, хотя нам положено ловить и пачками расстреливать всех опасных элементов. Вали давай живее, если увидят старшие, то шкуру живо снимут, и с нас ещё. — Павел лишь удивлённо возмутился.

— Да что же такое, так много бандитов в округе, что их даже отлавливать надо? Я сколько сюда летом приезжал, ничего такого тут не видел. — Павел пожал плечами. Военные переглянулись.

— Ты с луны свалился чоли? Газеты слушаешь? Радио читаешь? — военный, приподняв бровь, с удивлением глянул на Павла.

— А что случилось? Нет, магнитофона не было у меня последние дни, ничего не слышал. А что, такая опасная ОПГ появилась? — Павел невозмутимо перебирал мысли вслух. Военные опять переглянулись.

— Никто не знает, что случилось, мы тем более, так что ... — у одного из военных зашипела рация на плече.

— Пятьсот пятый, отправили к вам Дрона с провизией, ожидайте — донёсся голос из рации.

— Штаб, вас понял, ждём, состав в норме, никого не замечали. — военный убрал руку с рации.

— Всё, вали отсюда, мужик, живее! Через полчаса здесь будет машина, а тебе ещё доехать надо до этой своей... Вали в общем! Увидят — порвут, и нас повесят ещё. Не успеешь никому сказать, что ты не бандит. —

— Понял, благодарю — Павел сел в автомобиль, и принялся быстро ехать по трассе, но мысль про бензин живо расстроила его. Только бы хватило до Верховки. Спустя десять минут Павел свернул на Верховку, никакая машина по пути ему не попадалась, хотя он со страхом ждал встречу с ней. Он даже был готов первым открыть огонь, если бы это понадобилось. В голове у Павла были смешанные мысли, от которых раздирало душу. Он, по своему упрямству, был брошен выживать. Он остался один. Что делать дальше?

В одной маленькой деревянной церквушке на окраине села стояла молодая монахиня, укутанная с ног до головы в чёрное одеяние. Третий или четвёртый час она стояла одна в церкви, тихо молилась и крестилась, периодически всхлипывая. Она впервые видела эту церковь пустой, когда-то здесь даже не в воскресный день собирались люди, так как в этой деревушке жил довольно набожный народ. И это опустение говорило лишь об одном — люди покинули не Бога, а лишь место жительства, обитания, и как надолго, монахиня не знала. Монахиня не имела большой молитвенный опыт, так как сама пришла к Богу относительно недавно, и с исчезновением духовенства она сама не знала, как правильно вести службу. К счастью, она нашла книги псалмов и сборники молитв. Её терзало чувство, что приблизилось царствие Божие, о котором она так много слышала и читала, но в её душе не было радости благодати, ведь путь к нему преграждала нависшая демоническая угроза, которую монахиня чувствовала всем нутром. Она думала о том, что пришло на землю, и конец ли на этот раз всему, или только ей. В запертые врата церкви начали стучаться. Монахиня вздрогнула, прервав молитву, она лишь тихо подкралась ко вратам, и глянула в замочную скважину.

— Ну и чё ты тут найти хочешь? Погнали по хатам лучше —

— Да замолкни, баран, много ты понимаешь, если заходим в деревню, то нужно сперва церквушки обшманать, там золото должно быть —

— Да а какого мы с ним тут делать будем? С собой таскать? Тут, наверное, в хатах самогону полно, да солений в погребах, вот это да, вот это я понимаю, а твоё это — Один из людей махнул на другого, велел ему молчать, а сам пытался вскрыть ворота.

— Какого тут заперто? А ну, подсоби — Монахиня продолжила молитву, но уже из-за страха перед собственной жизнью. По воротам начали наноситься удары словно тараном, и после очередного удара они отворились. На пороге церкви стояли двое небритых мужчин, оба были одеты в старые камуфляжные куртки и штаны, на ногах у одного были надеты резиновые сапоги, у второго старые калоши, за спинами у них висели ружья с набитыми рюкзаками.

— Ого! — Один из людей, увидав монахиню, улыбнулся, сняв шляпу, и достав нож, причесал им свои волосы. — Баба! А красива кака! Глянь, Метрон! — Второй человек улыбнувшись кивнул, монахиня же молчала. Первый человек, судя по всему главный, подошёл к монахине, окинув её взглядом с ног до головы, после чего широко улыбнулся.

— И чья же ты така распрекрасна вся тут будешь? И как же мы тебя раньше не видели? Чего тут одна стоишь, красоточка? — Монахиня продолжала молиться на этот раз про себя.

— Я отсюда, Митрофановна я —

— Ничья то есть? Ну понятно, стало быть моей будешь, а, как думаешь, Метрон? — Первый человек схватил монахиню за талию, опуская руку ниже, второй же лишь широко улыбался, вытаращив глаза. Монахиня отдернула руку человека, отойдя от него — Чего противишься так? Гляди, у меня тебе подарок найдётся — Человек достал из кармана отрубленный засохший человеческий палец, на котором виднелось золотое кольцо — Не снимается никак у гада, но ничего, отковыряю как-нибудь, ну так что, пойдём, прогуляемся? —

— На том свете нагуляемся, там такие сады распрекрасные, так глаза от красоты слепит, можно ходить и любоваться сколько душе угодно, только прекращай в последние дни творить беззаконие, да помолись, может Бог и помилует тебя — Монахиня вдруг решила подискутировать.

— Много ты понимаешь, баба, я тут ещё вас всех переживу, вот сейчас возьму какую-нибудь особо разговорчивую мадам, да прогуляюсь с ней до избы ближайшей, у меня и угостить чем есть, самогона налить тебе, или ты больше по винцу? Ну винца у нас нет, что-то в окрестностях это особо никто не пьёт. — Человек рассмеялся, снова прикоснувшись к монахине, та лишь отвела голову от запаха перегара.

— В мир невесть что опустилось, ты словно на войне находишься, неровен час ты голову сложишь, и ты всё думаешь, как бы позабавиться? — Первый человек словно ошалел от услышанного, а второй перестал смеяться и облизываться.

— А что мне ещё делать? Думаешь он нас слышит? — Первый указал пальцем на одну из икон — Чего тут происходит, если он есть? А если и слышит, и видит, что ты думаешь, не простит нам с тобой? А, Метрон? — Второй на этот раз не засмеялся.

— А ты простишь своему другу, если он завтра тебя огреет, забрав всё твоё честно награбленное? — Первый лишь почесал затылок от вопроса монахини, посмотрев на своего друга.

— И что нам, стоять тут с тобой, воздух сотрясать? Меня твой Бог не накормит, и денег мне не даст. Ты лучше скажи, где тут что есть поживиться, и сама что есть отдавай, и жива

останешься, будешь дальше тут стоять себе, как тебе предложение? —

— Да откуда чему тут быть? До вас уже несколько десятков таких как вы заходили, всё вынесли под чистую —

— А тебя то не тронули? — Рассмеялся второй.

— Не тронули, представьте себе, от таких как вы меня уберёт Господь — Второй разозлился со слов монахини, и достал ружьё, первый же успокоил его, развернув к выходу.

— Ладно, Метрон, пойдём, нечего тут ловить, и девка какая-то диковинная —

— Ну разок то можно было бы, чё ты? —

— Да успеешь ещё, чё она, одна баба что-ли на земле осталась? Погнали, Верховские и вправду быстрее нас всё могут обшманать — Два человека направились к выходу из церкви, пока монахиня не окликнула первого.

— Стой, вот, всё, что у меня есть, и всё, что тебе точно поможет — Первый улыбнулся, но улыбка сошла с его лица, когда он увидел, что монахиня протягивает ему маленькую деревянную икону.

— И чё это? — Первый засмеялся, после чего достал из кармана денежную купюру, поводит ею у монахини перед носом, и убрал обратно — Вот это точно мне поможет, вот от этого точно есть прок, а твоя деревяшка мне какую выгоду даст? — Монахиня смотрела на человека душепронизывающим взглядом.

— Прошу тебя, стань человеком, не гневи Господа, не сокращай дни твои, думаешь матушке твоей приятно тут за тобой наблюдать, как ты бесчинствуешь? Она же приходила сюда, говорит, придёт к тебе мой Андрюша, ты уж помолись за него, покуда я не могу. —

— Чё ты брешешь? Матуха моя ... — Первый словно побелел — Как ты меня назвала? —

— Ступай —

— Ну ты скоро там? — Второй уже стоял на улице, звав своего товарища, а он, с выпученными глазами стоял как вкопанный, после чего вырвал из рук монахини иконку, и выбежал из храма. — Чё она тебе плела там? — Первый всё молчал.

— Да так, ничего. — Первый помотал головой, оглянулся на храм, после чего сел в машину, где уже находился его друг.

— Чего это она тебе дала? — Второй указал на иконку.

— Да так, сейчас, погодь. — Первый вышел из машины, после чего выложил иконку у порога церкви, и сел обратно в автомобиль.

— Да нет, не может быть, бред это всё, бредит баба — приговаривал первый.

— Что? — поинтересовался его друг.

— Да так, ничего, балакаю себе под нос, поехали лучше дальше, я тут деревеньку знаю, там должны быть добро какое-никакое. — Второй лишь кивнул, и завёл автомобиль, и когда он тронулся с места, первый посмотрел в зеркало заднего вида, там монахиня подобрала иконку, после чего посмотрела в сторону Андрея.

Павел сидел у костра, опять стемнело, опять свет давал лишь огонь. Что случилось вокруг? Что произошло? Не странный ли это сон? Но пули тогда казались реальны, даже очень, так что тогда Павлу точно проверять не хотелось. Павел сидел неподвижно, и только сейчас он смог заметить, что днём не было видно птиц, хотя обычно ласточек здесь было

полно. Война? Катастрофа? Что же? Неизвестно. Такая гробовая тишина вокруг. Ни сверчков, ни гула трассы. В голову Павла, словно выстрел посреди тишины, ударил лай Крона. Павел взял сайгу, на всякий случай снял с предохранителя, и замер на месте. Он думал, что ему послышалось, но нет. Неподдалёку раздавались голоса. Если кто-то в деревне разговаривает, то ты почему-то можешь услышать это из любого её конца, а на фоне тишины так тем более. Голосов было несколько, мужские, доносились они со стороны улицы. Павел пригнулся, и приказал Крону молчать, но напрасно, видимо, гости увидели дым от костра. Но кто они? Темнота гробовая, не видно ничего. За забором Павел увидел лучи фонарей, был слышан топот ног и стук во входную дверь. Павлу было страшно настолько, что он почти терял сознание, видимо это был его самый сокровенный страх.

— Ну что, по-хорошему открываем, хозяйева! — снова стук, перерастающий в удары по двери, судя по всему, некие пытались выбить дверь. Удар за ударом, Павел подползал ко двери в дом со стороны двора, и спрятавшись за перегородкой, прицелился из сайги в сторону входной двери.

— Ну ты чё, урод, думаешь я не слышу, как ты там шаркаешь? Отворяй давай, похавать, попить, золото, патроны давай и свободен, мил будешь — Павел увидел, как со стороны терраски тёмная фигура заглядывала в окно, освещая дом лучом фонаря, после чего фигура пропала из виду. Опять послышался топот у двери.

— Дай я — ещё один голос, видимо человека было два. Павел надеялся, что два. По двери начали наноситься колотые удары топором, дверь была почти сломана, действовать надо было сейчас. Хорошо, что Крон послушался хозяина и молчит, не издавая звуков. Павел опять прицелился в дверь и положил палец на спусковой крючок. Тут из неоткуда послышался выстрел со стороны улицы, и хрип одного из людей, второй же начал орать на кого-то матом. Павел от испуга выстрелил в дверь. Дверь разлетелась в щепки, фонарь упал на пол, тёмная фигура полетела с хрипом с лестницы. Опять тишина. Но тут послышались медленные шаги со стороны улицы. Видимо, бандитские группы с голодухи валят друг друга за добычу. Видимо, фильмы ужасов про выживание, которые Павел так любил смотреть с Верой, где люди, озверев, убивали своего близкого, чтобы забрать его последние копейки, уже стали реальностью. Звуки шарканья по траве приближаются.

— Кто такой? Стрелять буду — Павел закричал, спрятавшись за дверной косяк, и не отводя прицела со стороны остатков двери. В проёме появилась тёмная фигура, Павел не двигался. Незнакомец взял и выломал остатки двери, после чего полностью встал в проёме. Павел вспомнил про фонарь в куртке, и держа сайгу в правой руке, достал фонарь, и направив его на человека, включил. Луч озарил фигуру, но глаза Павла не привыкли ко свету. Фигура стояла неподвижно, но когда Павел смог разглядеть человека с ружьём в руке, его челюсть словно выпала, и Павел с знакомцем смотрели друг на друга около минуты. Павел опустил ружьё.

— Павлуша, я пришёл, чтобы помочь тебе —

— Афанасий... — промолвив Павел.

— Да вроде он — ответил человек напротив.

— Да как же ты... Как ты... Так тебя же... Как оно... Ты... — Павел запинаясь, вытаращив глаза, и сильно тряся от некоего страха и удивления одновременно. Это и вправду был Афанасий. Как? Не понятно.

— Многовато вопросов, а я на них и ответов не ведаю. Поесть у тебя будет чего? — перебил Афанасий. Павел неподвижно стоял.

— Да найдётся — Павел ответил вполголоса.

— Ну и отлично — Афанасий почесал затылок — А то самогону нагнал — хоть отбавляй, а есть то уже два дня как нечего. Только этих давай сначала пристроим куда, по-человечески чтобы. — Афанасий пнул безжизненное тело.

— А кто это такие-то? — Павел подошёл к убитому и легонько пнул его.

— Да кто их знает — Афанасий опять почесал затылок. — Достаточно сейчас мразей ползет отовсюду, но раз выбрали они такую дорогу, то пушай, здесь им и место. —

— А что случилось то? Правда не знаю... — спросил Павел.

— Да тоже дьявол его знает, но ясно одно: ничего хорошего — Афанасий и Павел постояли молча минуту.

— Спасибо... — Павел прошептал в темноте.

— Да сочтёмся. — Афанасий вздохнул. — А то сижу себе, слышу — машина какая-то остановилась, а из неё бандюга два вылезли, машина то ведро, но бензина можно слить. Так вот к тебе в дом направились, а я думаю, чего к тебе то? Деревня то пустая. И потом смотрю, а у тебя костёр во дворе. Ну я надеялся, что это на самом деле ты. —

— Ты же без вести пропал... — Афанасий в ответ лишь молча махнул рукой в сторону Павла.

Павел и Афанасий сидели за столом, дома у бабы Вали, а по совместительству и ранее вышедшим обстоятельствам, у Афанасия. По стаканам был разлит самогон, на тарелках было разложено нарезанное мясо, приготовленное на костре. Бандитов похоронили в лесу на конце деревни под вой волков. Волки и раньше тут были, но сейчас, наверное, совсем оборзуют. Документов у бандитов не было, кто они — неизвестно, видимо не местные, но могилы их поместили крестами с цветами, точнее сорванной травой с поля. Как закопали, Павел и Афанасий молча перекрестились. Позже, Павел, помыв руки, сел за стол, и за рюмкой рассказал Афанасию обо всём — о Вере, о военных, о том, как несколько дней пролежал без сознания. Афанасий лишь слушал. Афанасий был высокий, староватый, полный мужик с седой бородой, в шапке-ушанке, тельняшке, тулупе, и резиновых сапогах. Павел сидел с ним за этим столом впервые за 8 лет.

— Но всё-таки — Павел опустошил рюмку — Где Валя? Что с тобой было то эти года? Валя рассказывала, что ты пропал без вести, тебя даже милиция не нашла, как такое возможно? — Афанасий молча выпил рюмку и откусил мясо с вилки.

— Да больше слушай дуру эту, совсем из ума выжила, я эти года под Дзержевом на ферме работал, недавно сюда приехал, а она меня как увидела, чуть сознание не потеряла, я ей говорю, дура, я же тебе объяснял, что я не пропал. А где она сейчас я и знать не знаю, видать свалила, как что-то случилось. Но скучаю по ней. —

— Но ведь она все эти годы только и твердила, что тебя ищут, и никак не найдут —

— Хрен её знает, сбрендил старуха — Афанасий снова выпил.

— Но главное — Павел понюхал мясо, насаженное на вилку — Что вокруг то произошло? Война поди? — Афанасий задумчиво посмотрел в окно.

— Единственное, что я слышал — Афанасий цыкнул зубами — Что по всей стране прокатился высокий уровень ЧС. Не работает абсолютно ничего, есть скоро будет нечего. Власти у страны нет, на улицах анархия и беспредел. Произошло это якобы из-за какой-то

катастрофы. Никому, кто сейчас находится в мегаполисах, или даже в ПГТ, не позавидуешь — там люди друг на друга кидаются чтобы сожрать, банды районы контролируют. Хотя... Да по-моему в Краснороссии и в мирное время так один хрен всегда было — Афанасий вздохнул, а у Павла резко заболело сердце.

— А Верочка... — Павел уставился в одну точку и прошептал вполголоса — А Аня... С чём я думал... — Павел залпом выпил рюмку.

— Нечего переживать, на том свете свидимся, времена такие настали — ответил Афанасий. Павел встал из-за стола, чтобы размяться и пройтись. В доме было темно, планировка дома Афанасия и Вали была почти такая же, как и у Павла, но отзеркаленная в другую сторону. Лишь свет луны падал на стол, и немного отдавало светом и теплом от растопленной печки. Павел припал к печке и закрыл глаза. Наконец-то так тепло. Но не на душе. Павел встал, самогон сильно дал о себе знать, Павел споткнулся о кольцо-ручку подпола, и с грохотом упал на пол, после чего, поднявшись, осветил на пол, и попытался открыть подпол, но тот был закручен с обратной стороны.

— А что у тебя там? — Павел попрыгал на полу, показывая на подпол. Афанасий посмотрел в окно, поднеся рюмку ко рту.

— Очень важная мне вещь — прошептал Афанасий, с холодом в глазах посмотрев на Павла.

— Ладно, я пойду, завтра решим, что делать. Ночью, да ещё и на пьяную голову, всё равно бесполезно. — Павел надел шапку на голову, и поднял правую руку в знак прощания с Афанасием.

— Бывай... —

9 или 10 октября (?)

Наверное, среда.

Ночь.

Жизнь перевернулась, пришла к её логическому завершению, она кончилась. Я потерял свою семью, они вероятно мертвы. В город мне абсолютно не пробиться. Скоро подохну с голоду, если не от жажды. Есть тут нечего, под чистую вынесли даже заправку в глуши. Я остался один на один с самим собой. В мире, или в стране, сейчас война или что-то типа того. Благо встретил Афанасия. Он, как оказалось, жив. Вот только эта история кажется мне полнейшим бредом. Мне кажется, что я сплю, или умираю. Будем смотреть, что делать. Если семья жива — я наберусь сил, и найду её. Если и умирать, то только с ней. А если нет — то подохну здесь. Пойду спать, много писать не могу, перебрал. Хотя недавно клялся, что больше не буду пить. И да. Сегодня убил человека. Хотя какие бандиты люди? Я толком не видел, как сделал это. Только выстрелил. Но я ничего не чувствовал. Организм резко перешёл в состояние войны и выживания. Самогон у Афанасия убойный.

Весь следующий день Павел только и выполнял работу по дому. Вместе с Афанасием ему удалось из досок сделать новую входную дверь. Еды оставалось на самом доньшке, да и

та скоро протухнет. Павел даже пытался выйти на охоту, так как звери, видимо, почуяли, что люди пропали, и начали бесстрашно выходить из леса. Так, выйдя на задворки, и отойдя немного в сторону В-19, Павел встретил днём самого настоящего кабана. Только тот, увидев Павла и смотрящее на него дуло карабина, не стал нападать, или же убежать. Худой, раненный, и потрёпанный кабан, с абсолютно жалостным и уставшим взглядом встал напротив Павла и словно смотрел ему в душу. Павел узнал этот взгляд, узнал его из зеркала. Павел молча опустил оружие вниз, и кабан, увидев это, развернулся и потопал в противоположную сторону. Павел лишь провожал его взглядом, а Крон, скуля, смотрел то на Павла, то на кабана, с жалостливым чувством, что добыча уходит.

— Людьями оставаться надо, Крон — Павел потрепал Крона за ухо и направился обратно в сторону деревни. Позже, Павел встречался с Афанасием всё там же, у него дома. Разговаривали обо всём, что делать, куда идти. Афанасий рассказывал свой план, как миновать пост военных и возможных бандитов, после чего попытаться взять малоизвестный продуктовый магазин, у моста над рекой «Перла». Но план был не просчитан до конца, да и бесполезен, если что и оставалось в магазине, он стал пустым уже в первые дни неизвестной катастрофы. Сейчас был октябрь, использовать огород — бесполезно. Был вариант найти выживших куриц, да развести их, но как, куда, и что — Афанасий и Павел понятия не имели насчёт разведения кур. У Афанасия оставалось ещё два мешка картошки, им то двоим хватит, но вот Крону и Ласе такое яство явно не по вкусу. У Павла и Афанасия в головах одновременно появилась одна и та же идея — пристрелить Крона и Ласу, ведь еды на всех не хватит, а смотреть на то, как единственный оставшийся в живых друг медленно погибает от голода, было больно для Павла. Ласа была личная собака Афанасия, Крон на неё почему-то не обращал внимания. Это была самка дворняги среднего размера, которую Афанасий взял щенком ещё в 2010 году. С водой всё проще. Колонки в деревне работали, но сколько воды осталось в местной водонапорной башне — неизвестно. Надежда оставалась на дождь и фильтр, который к счастью был у Павла дома. Экономить нужно было даже воду для принятия водных процедур, и мыться одновременно с питомцем, расходуя при этом одну десятую прежней нормы мыла, и всего немного воды. Вода над душем не нагревалась, солнце толком не выходило. Мыться приходилось в холодной воде, при температуре +6 на улице. Лишь бы не заболеть. Медикаментов точно не найти в округе. Экономить приходилось даже с огнём, спичек оставалось около пяти коробков, а топить печку приходилось каждый день. Брёвен для этого у Павла ещё хватало, но как кончатся — не беда, Павел пойдёт в лес, и добудет ещё. Но у Павла было предчувствие на душе, что ему осталось недолго, осень бы пережить, а зиму то и подавно не получится, как минимум еда скоро кончится. Ближе к вечеру опять посиделки у Афанасия. Он просидел почти весь день дома, лишь топив печку. Он даже успел подстрелить какую-то птицу среднего размера, не отходя от дома, пока Павел был на охоте, и подать её уже приготовленную ко столу. Что за птица — Афанасий не узнал, лишь быстро ощипал её. Да и Павла с Афанасием это мало волновало. Павел с Афанасием заметили, что куда-то вдруг пропали комары. Если нет насекомых — то скоро помрут и птицы. Мысль не утешительная. Два с недавних пор друга сидели на деревянных стульях на огороде, и давились приготовленной на костре картошкой, при свете луны и звуке трескающихся брёвен. Сырое мясо птицы ели Крон с Ласой, Афанасий и Павел не пожалели им свою порцию, даже не приготовив половину птицы. На следующий день Павел проснулся от сильного грохота и звука рёва двигателя за окном. Опять бандиты? А что, если это друзья тех, что недавно склонили свои головы здесь, и

пришли мстить? Судя по множеству шагов, людей на этот раз было несколько, оно и логично. Ну что же, с Богом и с боем. Павел встал с кровати, мгновенно накинул на себя шорты с балахоном, и взял сайгу, что лежала у кровати. Павел боялся за Крона, поэтому приказал ему оставаться, но тот чувствовал опасность, и жалостно провожал хозяина. Выходя из голанки, Павел, увидев взгляд Крона, на секунду образовал в своей голове теорию, что Вера уже мертва, и вселилась в его питомца, чтобы следить за ним и оберегать его. Это может быть бред, но это предположение не давало Павлу покоя. Он теперь всё более серьёзное относился к Крону, больше, чем просто к питомцу. Павел закрыл дверь голанки, и на цыпочках подкрался ко следующей двери, и тихо открыв её, посмотрел на ново построенную, что вела на улицу. Её опять выбивали, Павел оскалил зубы, ведь ему придётся опять её чинить. Да и сколько подобных атак он сможет ещё отбить? Дверь резко вылетела. На пороге несколько людей в зелёном целятся в Павла из оружия.

— На пол, урод, на пол! — несколько голосов одновременно доносились со стороны улицы, но люди стояли неподвижно. Павел не решился стрелять, его сайгу бандиты не смогли увидеть за дверным косяком. Павел пулей вылетел во двор, благо вчера, по пьяни, он забыл закрыть дверь. Но во дворе его уже ждали у крыльца. Всё, что он успел увидеть — здоровенный мужчина в зелёном, с автоматом на перевес, зелёном шлеме, и чёрной маске. Удар. У Павла закружилось всё вокруг, но сознание он не потерял. Павел, лёжа на деревянных ступеньках, потянулся за сайгой, которая отлетела в сторону, и пытаясь найти её, он услышал отборный мат, и почувствовал, как на его пальцы резко наступили тяжёлым ботинком. Через несколько секунд на крыльце было уже несколько человек, сколько точно — Павел не мог сосчитать. По рёбрам и животу Павла посыпались удары ногами, но вскоре они прекратились, Павел не издавал ни звука. Павел не различал голоса, и не мог понять, о чём люди говорят, ведь в ушах его стоял звон. Видел Павел только множество ботинок, и не мог поднять голову. Ещё через секунду на его голову был накинут мешок, который пахнул сыростью, и в нём Павлу было довольно тяжело дышать. Павлу приказали встать и идти, предварительно скрутив и держа ему руки за спиной. Павел вспомнил Крона, и мысленно попрощался с ним, вероятно, его сейчас прибьют. Его это волновало больше, чем то, что прибьют его. Павла вывели из дома, и судя по ощущениям, запихнули на заднее сиденье какого-то автомобиля. Действовали эти люди в разы профессиональнее тех двух пьяных мародёров. Павлу было всё равно, кто это, но если друзья тех бандитов, то вероятно, будут издеваться, прежде чем убить. Павлу начали влетать в голову одна за одной воспоминания со Смерчеево. Автомобиль тронулся, по ощущениям он выехал на дорогу. Машина продолжала двигаться, и с головы Павла слетел мешок, его снял человек, сидящий спереди. Павел попытался оглянуться, но получил с заднего ряда подзатыльник, значит он сидит во втором ряду. Человек, с которым сидел Павел, разглядывал его сайгу, а сам автомобиль, видимо, был какой-то большой, вроде джипа, имеющий три ряда, или больше. Павла куда-то везли.

— Я не совсем понимаю, что происходит, и за что вы... — Павлу снова прилетел подзатыльник.

— Подозреваемый! Сохранять молчание, пока вас доставляют! — раздался голос сзади. Павел уставился в окно. Человек спереди рассмеялся.

— Ты ему ещё мистер скажи! На кой с этой мразью так сюсюкаться? —

— Позвольте, а что я... — опять подзатыльник. Павел посмотрел вперёд.

— Вы подозреваетесь в бандитизме, убийствах, грабеже, и мародёрстве, и немедленно будете доставлены в районную военную администрацию для выяснения. А сейчас лучше

молчите, вам запрещено контактировать с бойцами. — грубо раздался сзади голос басом. Дальше ехали молча. Вскоре машина свернула на В-19, и повернула в противоположную сторону трассы. Павел не часто был в тех краях. Спустя около десяти минут, Павлу приказали выйти из машины. Павел, вытерев кровь с разбитой губы, вылез из автомобиля и оглянулся. С трассы никуда не сворачивали, и приехали в какой-то лагерь, где повсюду стояли такие же самодельные вышки, которые Павел видел ранее, натяжные палатки, и пару таких же быстро развёрнутых строений. Скорее всего всё вокруг было сделано на скорую руку. Павла с двух сторон взяли под руки, и повели вперёд.

— Я вас предупреждаю, одно движение — и расстрел на месте. —

— Так ему и так хана уже, чего там? —

— Глянь-ка, остался-таки кто-то —

— Этот из верховских чоли? Там живые чоли есть? —

Повсюду голоса. Когда Павла вели, он наблюдал по пути много вооружённых людей, которые рассматривали его как какую-то диковинную вещь, при этом что-то обсуждая. Павел успел заметить чёрное полотно, залитое засохшей кровью, с надписью: «Зона расстрела!» Павла вели дальше, и всё ближе подвели к большому натяжному «зданию». На голову ему опять опустился мешок, но когда его привели в какую-то комнату, его усадили на стул, скрепили руки сзади наручниками, и сняли мешок. Перед ним за столом сидел лысый военный с седыми усами, который явно был в возрасте.

— Вот, товарищ командир, доставили, как вы и просили, по горячим следам нашли, это его наши видели в секторе «И». А ещё... — седой мужчина, оскалив зубы, и зажмурившись, махнул рукой в сторону Павла, откуда доносился голос.

— Отставить, знаю всё. —

Слева от него стоял длинный, и вытянутый черноволосый мужчина лет тридцати, справа же наоборот, полноватый, низкорослый, и сутулый. Все смотрели на Павла.

— Ну-с, кто таков? Откуда будешь? — командир пошевелил усами. Павел рассказал всё как было, начал рассказывать опять про Веру, как домой хотел уехать, и как бандитов видел. Не поверили. Командир кивнул ребятам. Сзади, в живот Павла прилетел удар кулаком. Павел поперхнулся, но боли не почувствовал.

— Да что мне врать вам? Время сейчас для шуток что-ли? Я не бандит, ни в каких нападениях не участвовал — Павел снова закашлял.

— Хорошо, допустим — командир недоверчиво рассмотрел Павла — А чего же домой не попытался поехать, а в Верховке то остался? —

— А я... — Павел вспомнил про слова военных, что их бы повесили, если бы в штабе узнали, что они дали Павлу уйти, и мигом передумал говорить.

— Вот то-то и оно — командир встал с кресла, и начал ходить вокруг стола, бойцы же стояли неподвижно — История какая-то мутная, откуда ты — чёрт тебя знает, по всем описаниям выходишь за местного головореза — Павел молчал, ему стала безразлична его дальнейшая судьба.

— Командир, да давайте пристрелим уже эту бешенную собаку, на кой с ним возиться? Чем он отличается от... — голос вытянутого военного прервал удар по столу.

— А может ты заткнёшься, и я буду решать, что делать, а что нет? — командир поменялся в лице.

— Хорошо, ладно, допустим, в деревне ты один остался? — командир сел обратно за стол.

— Так точно — Павел кивнул.

— Мюр! — командир обратился к человеку, что стоял сзади Павла, и к нему подошёл достаточно тучного телосложения, но вытянутый военный. — Верховка это которая у нас в «РТ-51?» — командир почесал подбородок.

— Так точно, товарищ командир! Верховка располагается в квадрате «РТ-51», где планируется дальнейшее... — командир прервал речь Мюра взмахом руки.

— Так, вы это... Отправьте пока молодого человека свежим воздухом подышать, а как позову, снова сюда — Павла вывели из палатки на улицу, где в окружении вооружённых людей он стоял почти неподвижно. Павел всё засматривался на расстрельную стену, где сидело несколько бойцов.

— Что уставился, козёл? — Павел сразу же отвернулся. Ему хотелось осмотреть лагерь, но он боялся даже повернуть голову. Павел подслушал разговор военных, что сидели неподалёку на земле у костра, образуя круг.

— Центр говорит, что мы должны наступать, что за тварью надо быть? Их бы сюда, с древней винтовкой в грязи по пояс торчать весь день, а то я погляжу им очень хорошо там в тёплых креслах сидеть. Как же всё заколебало. Мне бы домой. Я слышал, что у меня вроде всё утихомирилось, а я здесь сижу... —

— Это где это всё утихомирилось? Явно не у нас. —

— Задрали ныть! У вас одних что-ли родные были? —

— А я Лидочку помню, не успел толком повидать её, а тут... —

— Поесть бы сейчас не помешало... — Вдруг нависла тишина. Вскоре, Павла снова позвали, и он зашёл обратно в штаб.

— В общем так! — начал командир — Я, видимо, должен прояснить ситуацию! Вы находитесь в зоне чрезвычайной ситуации! Что происходит в стране — нам неизвестно, да только вот нашему лагерю из центрального штаба было приказано очистить ближайшую местность ото всех опасных элементов, которые сеют здесь бандитизм и анархию! —

— Но я... — Павлу снова прилетел удар, но он не шелохнулся.

— Отставить разговоры — сердито сделал замечание военный, которого называли Мюр.

— Так я продолжу! По-хорошему мы должны вас расстрелять, но! — командир сделал взмах указательным пальцем — Но вы единственный из гражданских, за всё время что мы здесь, что не подходит под описание бандита! По этому случаю мы должны вас отпустить. Да только вот нашему лагерю не хватает помощи и дополнительных рук! Бандиты прут отовсюду! Поэтому вам придётся помочь нам, иначе эти граждане сожрут и вас!

— Разрешите обратиться! — Павел вспомнил службу в армии.

— Разрешаю — кашлянув, ответил командир.

— Бандиты действуют по одиночке? Парами? Какую опасность они представляют для людей? А то я... — речь Павла перебило кислое лицо командира, и смех длинного военного.

— Вот если мы их не уничтожим — командир тыкнул пальцем в Павла — не дай Бог здесь образуется какая-нибудь целая чёртова дюжина или армия, а там и гляди успевай, до чего их мозг додуматься сможет! Я столько версий перечитал из штаба! Секты, людоеды, анархисты, — во всё это может вытечь, казалось бы, шпана с обрезам. — командир замолчал.

— Когда прикажете приступить? — Павел встал смиренно.

— Так ты из Верховки? — командир переспросил.

— Так точно! — командир пораскинул взглядом.

— С бандитами хочешь считаться? Не будешь плакать, что убил кого-то? —

— Никак нет! Я на войне бывал! — Павел вспомнил тех двух, что пытались ворваться к нему.

— Надо же! На войне он был! Это где это? — удивление застыло на лице командира.

— В Смерчееве. Где же ещё у нас может быть война? — Павел побледнел.

— В Смерчееве он был! Мальчик, тебе лет то сколько тогда было? — командир и рядом стоящие с ним засмеялись.

— Достаточно — И в ответ лишь тишина.

— Ясно. Как только ты нам понадобишься, мы тебя найдём. Но бежать не смей. Твоя побрякушка у нас побудет в качестве залога, без неё ты среди бандитов как без рук! Они с тебя заживо шкуру спустят. Так что из дома не выходи, и жди сигнала, понял? А домой наведуются — так спрячься за углом, и топором отбивайся. — командир посмотрел наверх — У нас дельце сложное есть, там ты и будешь нам нужен, и как выполнишь — отдадим тебе твою игрушку. На еду не рассчитывай, ты будешь числиться не официально, поэтому на тебя не припасено. Но как справишься, штаб будет знать, что ты с нами. —

— Что с Кроном? — резко вспомнил Павел.

— С кроном дерева? — засмеялся длинный военный.

— С собакой моей, она в доме была, где вы меня взяли, с ней всё в порядке? —

— Ну и фантазия на имена у тебя — цыкнул зубами Мюр — Там же она осталась, мы её не тронули. —

— Ну да, собаку жалко — длинный покачал головой — А тебя — длинный показал на Павла пальцем, и скорчил злобное лицо — Нет! — Павел действительно не помнил, почему именно Крон, а не Шарик или Барбос.

— Разрешите идти! — Павел обратился к командиру.

— А ты знаешь, куда идти? — ухмыльнулся командир.

— Ну тут по прямой же, по В-19 до Верховки —

— И что же, прямо не тяжело тебе тридцать километров без оружия топтать? И не страшно? — заинтересовался полноватый военный, которой стоял всё там же.

— Никак нет! Чего же тут тяжёлого или страшного? — Павел отвечал сердито.

— Отлично! — обрадовался длинный — Не придётся тратить на бензин. —

— Отставить! — приказал командир — Бойца подбросить до поворота! Идите. Да и ладно, вот. — командир махнул рукой, и Мюр, передал Павлу его сайгу.

— Мы тебе доверяем, солдат! Смерчеево своих помнит! — К чему он это сказал? Может был там? Да только Павел не воевал толком, и пострелять успел лишь несколько раз. Наотмашь, как умел. Павел развернулся, и увидел, что всё это время за его спиной стоял почти целый лагерь. Все развернулись на месте, и вместе с Павлом покинули здание. Спустя около пятнадцати минут Павел подъезжал на том же автомобиле к повороту, где его сразу же высадили. Павла удивило, откуда военные берут бензин, и почему им его не жалко, но они не очень хотели с ним разговаривать, и в основном молчали, лишь изредка общаясь между собой.

— Ну ты это — один из военных шмыгнул носом — не обижайся, ладно? — Автомобиль развернулся обратно, а Павел отправился на Верховку. По пути Павла раздирали куча мыслей, но они словно были заблокированы от внутреннего воздействия, и сделать с ними ничего было нельзя. Время было около 18, телефон Павел не использовал, так как он был почти разряжен, а электричество всё не появлялось. До Верховки около пяти километров, Павел зашёл в лесную зону. Ему почему-то не было страшно, хоть передвигаться здесь в одиночку и в мирное время было нежелательно. Пасмурная погода всё висит, никуда не исчезая. Павел прошёл через «проклятую тропу», которая выходила из левой половины соснового леса. Точного названия у неё не было, да только вот в обычное время здесь ходили легенды, что из тропы той, то русалка выйдет, то бесовщина какая-нибудь, то зверь дикий дорогу перейдёт. А если пойти по ней, то заблудишься в лучшем случае. Миф или нет, только никто из местных туда не совался. Так что проходя через неё, по словам местных, нужно было не смотреть туда, а только перекрестившись, идти дальше. Павел взглянул на тропу, ему стало не по себе. Павел ускорил шаг, постоянно оглядываясь назад, держа палец на спусковом крючке сайги. Необычайно тихо, но начали слышаться шорохи листьев и кустов. Павел испугался поначалу, но потом, когда увидел, что нарушителем покоя стали птички, у него словно камень с души упал. В этом символе, что птицы опять живы, он поверил в скорое восстановление своей жизни, и ситуации вокруг. Словно радующийся весне солдат, лежащий под обстрелами в сугробах. Дорога уходила вправо, Павел пошёл по ней. Вскоре за мостиком показалась Верховка. У Павла закололо в сердце. То, что он любил, было мертво. Наверное навсегда. Павел остановился у мостика, ему хотелось лишь глотка свежего воздуха. Всё затихло. Наверное навсегда. Павел остался один. Вокруг лишь слышен звук бегущей речки, и пролетающих мимо птиц. Тишину и мысли Павла прервал пронзительный лай со стороны трассы, Павел с перепугу снова схватился за сайгу. В ста метрах от него стояла собака, она не двигалась, было видно, что собачка боится Павла. Она жалостливо смотрела на Павла, слабо гавкнув ещё пару раз. Павел попытался подойти к ней, собака попятилась назад. Павел остановился, и развернулся в сторону Верховки. Собака была маленького размера, чёрная. Вроде не Ласа. Павел прошёл начало деревни, и остановившись, посмотрел назад. Из-за куста опять появилась собака, и увидев Павла, снова остановилась, и начала судорожно смотреть по сторонам. Павел опять отправился в путь, иногда поглядывая назад. Когда Павел шёл, шла и собака, когда Павел останавливался, останавливалась и собака, если Павел пытался идти за ней, она удалялась. Не чертовщина ли какая? Наконец, собака свернула в один из домов, Павел решил проверить, там же может кто-то быть! Причём он не видел, как она зашла в дом, она лишь испарилась за ним. Скорее всего дикая, прижилась тут, возможно у неё там потомство. Так как собака держала с Павлом дистанцию около ста метров, то Павел уже спустя 30 секунд был у того дома. Дом был не заброшен, и кто там жил раньше, он не помнил. Скорее всего очередные знакомые бабы Вали, она знала всю деревню. Павел подошёл ко старой деревянной входной двери, и потянул за ручку — было закрыто. Странно. Павел поцыкал, подзывая собаку, но лая не услышал. Дом был небольшой, с красной крышей. Павел собрался уходить, но передумав, ударил по двери ногой. Дверь упала. В доме было темно, Павел попробовал поискать фонарь — его не оказалось в кармане. Павел, прицелившись из сайги, на ощупь шёл в темноте.

— Есть кто? — и в ответ тишина. Павел резко увидел большую комнату справа, в которой было светло, так как в ней располагались окна с видом на улицу. Как выяснилось, дом состоял только из коридора и комнаты. Павел осмотрелся — ржавые, старые кровати

без матрасов, паутина на окнах, старые брёвна в углу, и удивительно хорошо сохранившийся иконостас. Обыкновенный деревенский дом. Вдруг вспышка. Павел от испуга чуть пискнул. Прямо перед ним, спиной в его сторону, кто-то сидел на кресле. Павел не мог рассмотреть ничего, только голову, и большую тушу.

— С вами всё в порядке? — тишина. Павел обернулся, мало ли приманка? Он медленно начал подходить к креслу. Всё ближе и ближе. Сердце Павла выпрыгивало из груди. Через мгновение он очутился у кресла. Павел обошёл его. На нём, с закрытыми глазами, и сложа руки, сидела бабушка. Он вроде видел её раньше, но не мог вспомнить, где и когда. Павел пощупал её руку — пульса не было. Судя по всему, умерла совсем недавно. В темноте Павел не сразу заметил у неё в руках бумагу. Он попытался взять её, но она как будто вцепилась в этот клочок. Павел всё-таки вырвал его, и поднёс ко свету из окна.

«Помилуй Господи за всё! Прости Анютка! Но я умираю. Похороните меня у матери за Верховкой. Надежда Петровна.»

Павел с каменным лицом положил бумагу обратно в руку старушки, и словно выбежал из дома. Павел быстрым шагом направился к дому Афанасия, до него оставалось совсем немного. По пути Павел вспомнил про собаку, и про то, что никого в доме он и не видел, и где она была? Странно. Павел добежал до дома Афанасия, постучал — никого. Павел не стал ждать, и побежал к себе домой. Дверь была открыта, ещё бы, но стоп! Она была приделана! На обратной стороне виднелась записка: «Не благодари, Пахан». Павел улыбнулся, но вдруг услышал, как начала скрипеть дверь, ведущая во двор, но Павлу было не страшно, он чувствовал, кто это. В проёме показался улыбчивый Афанасий, и за ним, словно бешенный, вылетел Крон. Крон как будто в последний раз набросился на Павла, громко скуля и резво прыгая по сторонам. Крон не мог насытиться объятьями Павла.

— Я знал, что ты вернёшься, я молился за тебя — Афанасий кивнул головой. Позади него, со стеклянными глазами, стояла Ласа. — Я детишек, так сказать, покормил, за них не переживай. А сам ко столу давай, я ещё дичи добыл. — Афанасий показал на кухню, а Павел лишь улыбался, гладив Крона, но сразу резко поменялся в лице, и рассказал об увиденном Афанасию.

— Ну... Бабка не уйдёт уже никуда... Давай отобедаем сначала, а то остынет. — Павел был не против.

И как так Афанасий додумался, когда именно Павел должен прийти?

— Я же ведь видел, как они тебя паковали — Афанасий и Павел сидели уже за столом — Сам понимаешь, вмешаться мне было бы бесполезно, с ружьём против автоматов не катит — Афанасий засмеялся. Крон и Ласа лежали на полу. Павел заметил, что Афанасий почти никогда не давал команд Ласе, но она слушалась его, и подчинялась ему, словно читая его мысли. Удивительно.

— Да ты что думал, я обиделся на тебя? Ты же мне жизнь спас — Павел ухмыльнулся.

— Что за отметины на тебе? Это они тебя так? И что им в итоге нужно было от тебя? — Афанасий насадил на вилку ножку птицы.

— За что и почему не сказали, но! — Павел закусил — Должны были расстрелять, а на деле поставили ультиматум! —

— Кого поставили? — Афанасий прищурился —

— Сказали, что я теперь с ними в общем, и что я им понадобится. — Павел опустошил рюмку. В доме на некоторое время повисла тишина.

— Ты поаккуратнее с ними, Паш, кинут и не моргнут —

— Да бежать уже бесполезно, да и некуда, сказали, что всё равно найдут. Где мне тут по полям и лесам с голой за... телом прятаться? —

После того, как Павел и Афанасий доели свой ужин, они направились по наводке Павла в тот самый дом, вместе с Кроном и Ласой. Подойдя к нему, Павел ахнул и протёр глаза — дверь была на месте. Павел попытался открыть её — заперто. Афанасия чертовщина не удивляла. Павел и Афанасий взяли в руки ружья в боевой готовности, и вместе ударили по двери, она упала. Второй раз. Дом всё тот же. Вдруг раздался лай Крона, но Ласа же молчала. Крон лаял, смотря в темноту дома. На улице уже темнело, и в самом доме ничего не было видно. Но на этот раз Павел взял с собой фонарь, а у Афанасия он всегда был при себе. Два луча озарили коридор. Место, куда лаял Крон — было пусто, Крон замолк. Павел и Афанасий молча прошли в дом. Кресло всё так же стояло по середине, но никого в нём не было. Павел лишь раскрыл рот. Он подошёл к креслу — там не было даже листка. Павел и

Афанасий перекрестились и покинули дом. На улице совсем стемнело. Павел долго говорил Афанасию о том, что не мог понять, что это было, но Афанасий лишь молчал.

Этим утром Павла ничего не разбудило. Ему удалось даже удачно позавтракать, без лишнего шума и угроз. Еды оставалось на один-два раза. На улице становилось всё холоднее. Но тут за окном опять послышался знакомый Павлу звук двигателя. Опять шаги по деревянной лестнице, но на этот раз дверь не выламывают, а вежливо стучат в неё. Павел открыл, на пороге стояли знакомые ему ранее лица, которые его когда-то отпустили. Увидев Павла, они изрядно удивились.

— Вас хотят видеть, у вас минута. — Павел лишь кивнул, и закрыв Крона в голанке, предварительно потрепав, отправился за военными, и закрыл дом. Когда Павел проезжал дом Афанасия, то увидел его самого в окне. Он крестил Павла, а на задних лапах, стояла и наблюдала за всем этим Ласа.

— Кто-нибудь ещё в деревне есть? Проживает? Видели кого? — раздался голос одного из военных.

— Нет — бросил Павел. Через полчаса они были уже в лагере, машину встретили уже так же знакомые персоны.

— Живее! Сбор через две минуты! — громко крикнул Мюр. Павел с остальными вышел из автомобиля, и направился в то же самое здание. Внутри было около десятка стульев, на каждом из которых сидели по бойцу. Все посмотрели на Павла. Кто-то курил, кто-то даже ел кашу из жестяной банки. Передо всеми стоял всё тот же командир.

— Приветствую. Разрешите — Павел кивнул.

— Как самочувствие? — сразу же поинтересовался командир.

— Я в полном порядке —

— Это хорошо. Проходите и садитесь. — Павел послушался.

— Я как понял здесь нужно объяснять только новичку, все остальные же всё поняли? — командир начал ходить влево-вправо со скрещёнными руками за спиной.

— Так точно! — раздалось хором.

— И так, Павел, должен вас оповестить, никаких у нас имён и званий, всё засекречено, но вы так и побудете Павлом. Будем считать, что вас зовут не так — Павел кивнул — Мы не можем доверять вам в полной мере, но нам некуда деваться. Позвольте представить наш основной состав. Будете показывать себя отлично — попадёте сюда. А нет — будете весь день просиживать задницу на вышках и постах. Знакомьтесь, это наш снайпер и разведчик, Голд — командир указал на длинного военного, что постоянно дерзил Павлу. — Именно он раздобыл детали для нашей сегодняшней операции. Это же наш подрывник и пороховых дел мастер, Палес — командир указал на полного военного. — Это наш связной, и радист, Рад. — командир указал на сутулого и низкорослого военного в очках, который махнул Павлу — Он сегодня не будет участвовать в операции, но будет помогать нам на расстоянии. А это же наш техник и инженер, Мюр — командир указал на здорового военного — Те, кто вас привезли, это Нег, Гас, и Каран. И на этом минутку знакомства объявляю закрытой — командир взглянул на наручные часы — До начала операции около часа, и к вашему счастью, успеем пробежаться ещё раз. А вам, Павел, придётся всё запомнить с первого раза — Голд, который стоял у командира, развернул бланк, который был прикреплен ко

школьной доске. Гас, похлопав по плечу Павла, передал ему мини-карту местности, по приказу, она должна быть у всех.

— И так, по нашей информации, в бывшей деревне «Порое» засела целая банда вооружённых преступников, которые уже не раз и не два устраивали вылазки с убийствами и грабежом оставшегося мирного населения. Наша задача — их нейтрализовать всех до единого. В плен не берём, добываем на месте, потом отвозим на погост и скидываем тела. — Погостом называли местное кладбище, и именно это натолкнуло Павла на мысль о том, что командир местный, и давно жил в этих краях, но спросить его об этом не решался. Деревню Порое Павел тоже помнил, она располагалась в трёх километрах от Верховки, но дорога шла не через В-19, а от конца деревни, по вытоптанной, глиняной дорожке, сквозь леса и поля. Было необычайно красиво там, но места были дикие. Павел был там пару раз, но толком ничего не запомнил. Через В-19 к деревне вела прямая, асфальтная дорожка

— Голд! Пойдёшь с Павлом. Вы первые в тихую пробираетесь с запада деревни, передвигаясь лёжа по траве. От маршрута не отклоняться. — командир показал указкой на юг деревни.

— Передаёте нам местонахождение опасных лиц, сколько их, установили ли охрану, и ждите приказа. По приказу снимаете часовых не поднимая шума. Мы высаживаем вас в 500 метрах от Верховки, дальше пешком, остальные за вами. — по спине Павла пробежал пот.

— Нег, Гас, и Каран идут с востока, и после Голда и Павла начинают наступательную операцию. Атакуйте сбоку, из домов не высовывайтесь. Мюр идёт по центру, если нужно, используй гранатомёт. Но только если противников в доме более трёх, и вообще лучше не расходи. Таковую вещь экономить надо, а когда припасы будут из штаба, я знать не знаю —

— Так! — командир резво рявкнул. — Всем всё ясно? —

— Так точно! — на этот раз хор раздался совместно с Павлом.

— Отправка с грузовика у КПП через пять минут. Павел! Живо дуй в оружейную, тебе выдадут всё необходимое. Голд! Покажешь ему! — Голд нехотя цыкнул, и сделал угрюмое лицо, отправившись в сторону Павла.

— Пошли... — Голд, проходя, слегка толкнул его плечом. Спустя минуту Павел был в оружейной комнате. Она была полностью окрашена в зелёный цвет, окна в ней были закрыты, на них располагались решётки. Система получения оружия сильно напоминала Павлу кассу в банке. Человека, который сидел в оружейной, Павел разглядеть не мог.

— Этому стартовый набор для 1-О, 21-В — Голд наклонился к окошку в оружейной. Спустя уже две минуты Павел был одет в военный шлем, бронежилет, военную куртку, наперевес у него висел автомат с глушителем, в кармане куртки была розовая аптечка с адреналином и бинтами, на самой куртке у него были прикреплены три рожка для автомата, в ухе была гарнитура с микрофоном, и вторая, запасная.

— Живее! Живее! — Павел бросился к грузовику, и запрыгнув, залез в него. Вскоре грузовик тронулся. Павел не знал, кого и за что он едет убивать. А возможно убьют и его. От грузовика постепенно отдалялся командир, отдающий честь.

13 июля 2019 года.

Суббота.

22:14.

Недавно вспомнил в кошмарном сне тот апрель 99-ого. В моём сне передо мной опять появились стеклянные глаза моих сослуживцев. Здорово меня тогда контузило! Всё, что я могу вспомнить — это то, как нас выводят вооружённые люди из автобуса. Они расстреливали пачками людей, одного за одним. Людей, которые были абсолютно безоружны, и еле стояли на ногах. До сих пор кровь в жилах стынет, когда вспоминаю, как за неделю до этого, папа снимал нас на старую камеру, как я стою в прихожей нашей квартиры, а мама, улыбаясь, приговаривала: «Едет наш Пашенька служить! Хорошо будет служить!» Они даже не знали, куда я еду, и я им не говорил. Мы не читали газет, и не слушали радио. Мы любили гулять по парку. Поэтому то, что в армию сейчас нельзя было идти служить, а лучше отсидеть срок за отклонение от службы — мы не знали. Очень хочу, чтобы Анечка с Верой никогда не испытывали того кошмара на войне, который испытывал я. Я смутно помню, как меня вытаскивали из-под завалин. Но не смутно помню то, что когда я приехал, родителей уже не было. Они видели сюжет по телевизору, что сейчас происходит в Смерчево, читали письмо, которое пришло им. В графе «Отправитель» было написано «Народная небесная сила Краснаруссии», которая была признана правительством террористической организацией. В письме было сказано, что я нахожусь в плену, и если родители не хотят, чтобы со мной что-то случилось, пусть сделают заявление правительству с просьбой оттянуть войска из Смерчево. Если в семью приходило письмо с таким отправителем, никто не ждал ничего хорошего, даже если никто из родственников не воевал. Письма старались не читать, лишь выбрасывали, и далеко не только потому, что хранение подобных писем считалось хранением террористической литературы, но и потому, что ничего хорошего там написано быть не могло. Сначала умерла Мама от сердечного приступа, она пыталась соединиться с другими матерями военнопленных, ведь много кому тогда пришли эти письма, но правительство всё замалчивало. Потом умер Папа, так как не мог жить без Мама. Их словно не было никогда. Лучше бы я умер в плену. Хоть бы не было войны!

Только холод жёсткой земли и высокая, жёлтая, сухая трава. Павел лежал не шевелясь — Он и Голд были на позиции. Приказ был не двигаться, и ждать сигнала. Уже около часа Павел и Голд успешно выполняли приказ.

— Ты глянь, показались! — Голд подвинул гарнитуру ко рту, и посмотрел в прицел своей снайперской винтовки. — Мюр! Вижу только двоих, остальных не видно, начинать? — на минуту нависла тишина.

— Начинайте. Рад передаёт, что в Пором около десяти целей, все вооружены, действуйте аккуратно, не поднимайте шума, отбой, ждём вас. —

— Конец связи до сигнала — Голд посмотрел на Павла. В начале деревни, у заброшенной лесопилки, вдаль стояли двое людей. Один курил, второй ходил кругами. Оба что-то бурно обсуждали. Порое было окружено полем с одной стороны, и лесом с другой.

— Значит так — Голд шмыгнул носом — Быстро вали вон того, я за тобой. — Голд указал на курящего человека — После чего живо перебежками вон к тому дому — Голд указал на типовой деревенский дом — Я перебегаю направо, ты остаёшься там, и даём сигнал о начале операции, всё ясно? — Павел кивнул — Смотри, не загадь дело, под

расстрел пойдёшь сразу. — Легко сказать, на расстоянии ста метров, бесшумно, с первой пули, из старого автомата, поразить цель. Но Павла волновало не это. Он не был готов убивать невинных. Просто может они невинные? Может они тоже, как и Павел, попали в подобный круговорот? Может люди свихнулись, и считают друг друга бандитами?

— Ты поспать решил чоли, салага? Время идёт! — Голд ткнул Павла в бок. Павел молча целился. Нужно было рассчитать целую траекторию полёта пули. И тут раздался выстрел, не слышный благодаря глушителю. Мимо. Павел, не раздумывая, сделал ещё попытку. Мимо. Было слышно, как Голд тяжело вздохнул. Павел нервничал. Сидящий человек, видимо, услышал свист пули, и встал, осмотревшись по сторонам. Третий выстрел. На этот раз вставший человек мигом упал замертво на землю. Сразу же раздался выстрел из винтовки Голда, и тут хватило одного. Товарищ покойного даже не успел понять, что произошло.

— Живо. — Павел с Голдом поднялись. Павел подбежал к деревянному дому, Голд через минуту был напротив, с другой стороны деревни. Павел выглянул из-за дома по сигналу Голда. По дороге, размахивая обрезам двустволок, шли ещё трое. Лиц было не разглядеть. Павел спрятался за домом, махнув Голду.

— Огонь — раздался голос Голда из гарнитуры. По центру дороги раздалась пулемётная очередь, все трое сложились словно карточный домик. Лагерь бандитов поднялся по тревоге, уже через считанные секунды с другой стороны деревни начали раздаваться выстрелы из ружей, а с другой, пулемётные и автоматные очереди. Павел не успевал понимать, что происходит. Вдруг он увидел отчётливую фигуру Мюра, которая с бешеной скоростью приближается к нему. Мюр начал хлопать по плечу Павла.

— В бой! В бой! Не отсиживаться! — Павел, открыв огонь из-за дома, куда-то по какому-то амбару для подавления, забежал за следующим дом.

— Пахан! У дома твоего! В доме цель, штурмом, живо! — Голд кричал во всё горло с противоположной стороны, и показывал Павлу пальцем на дом, у которого он находился. Павел в самом деле слышал выстрелы оттуда. Павел, вдохнув, с криком разбил окно дома, и выпустил половину рожка во внутрь избы. Война всё гроыхала по деревне. Павел выбил дверь дома, и забежал в него, осветив фонарём комнату, и держа наготове автомат. В доме никого не оказалось. Только Павел пригнулся, чтобы поменять рожок, что-то сильно схватило его за ботинок. Павел с испугом посмотрел вниз, чуть не выронив автомат, в котором уже не было патронов. На полу лежал человек в чёрной кожаной куртке, серых камуфляжных штанах, в стороне от него лежал пистолет. На лице человека была щетина, шрамы, синяки, а голову ему закрывала большая чёрная шляпа, он смотрел Павлу прямо в глаза, но казалось, что в душу. Под кожаной курткой, на белой футболке, были видны кровавые следы от пуль. На лице человека растеклась кровь, но он улыбался, смотря на Павла. У Павла сердце ушло в пятки. Ему хотелось заплакать, убежать прочь, не видеть всего этого.

— Солдатик... У меня Танечка... В Верховске.... Там скажи... любил её... — Павел пригнулся от выстрелов под окном, и потянулся за аптечкой в свой карман, хотя он и понимал, что это бесполезно. Вдруг Павел резко услышал шаги в доме, и выстрел из-за спины. Человек закрыл глаза, отпустив ногу Павла. В дверном проёме показался Голд.

— Ты какого тут делаешь? Я спрашиваю, что делаешь? — Голд навёл на Павла винтовку — Ты с кем? Я не понял! Под трибунал пойдёшь! — Павел лишь смотрел на него безразлично.

— А что я сделал? — Павел отвечал невозмутимо

— Ты сейчас ему помочь пытался, или что? — Голд махнул винтовкой.

— Можешь доказать? — Павел прищурился, поменяв лицо на злое. Павел стоял молча под прицелом Голда ещё около минуты, и они оба не заметили, как выстрелы в деревне стихли. В дом ворвался Мюр, и быстро опустил винтовку Голда вниз.

— Спокойно! Успокойлись! Отставить! Что здесь? —

— Ничего, дурачимся —

— Я вам подурочусь! — Мюр пригрозил обоим кулаком — Деревня очищена, конец операции, возвращаемся! — Мюр махнул рукой. Голд ещё злобно смотрел на Павла, но позже, удалился из дома со всеми. Павел ещё раз посмотрел на убитого, он всё ещё улыбался. Павел вышел из дома, вытерев кровь со щеки. На улице, Гас и Каран, одного за одним, тащили в грузовик безжизненные тела, опустошая их карманы перед этим. Павел вернулся в дом, и осмотрел карманы убитого. В них он нашёл лишь старую, потёртую фотографию девушки, после чего убрал её опять погибшему в карман.

— Извини — прошептал Павел над убитым, после чего, взял его тело на руки, и отнёс ко грузовику. Пора отправляться. Конец операции. — Ты чего нюни распустил? — раздался голос военного из-за спины, и Павел понял, что обращаются к нему.

— Дак первый раз, а первый раз всегда так — рассмеялся другой военный.

— Просто тот человек... — Павел опустил голову —

— Не переживай — похлопал по плечу Павла Нег. — Ты сделал ему одолжение, умереть лучше, чем жить в этом аду. —

— Извиняюсь — Павел обратился к Мюру — Мне нужно явиться в штаб, или же могу быть свободен? — Мюр сделал непонятливое лицо.

— Аааа, ты, ты молодец кстати, вынес наводчика, без него они не могли до пулемёта добраться. Он у них был откуда-то, хрен его знает. Всё оружие мы забираем к себе на склад. А насчёт тебя постараюсь узнать. — Мюр поправил гарнитуру — Товарищ командир, конец операции, выживших нет, у нас раненых и убитых нет, везём тела на погост, как слышно? —

— Слышно хорошо, бойцы! Вас понял. Что там с новым, этим, Павлом? —

— Павел достаточно отличился для первого раза! — Мюр улыбнулся, подмигнув Павлу — Вынес часового и наводчика. Он тут спрашивает, что ему делать? — Почему наводчика? Какой пулемёт? Что он мог сделать? Павел не понимал.

— Ему скажите явиться в штаб по сигналу, рация с аптечкой пусть будут у него, остальное же пусть отдаёт, да и высадите его в Верховке его. —

— Вас понял — Мюр отодвинул гарнитуру. — Ну, ты всё слышал, кстати вот — Мюр протянул какой-то бумажный пакет Павлу, напоминающий коробку, достав его из кабины грузовика. — Свободный выпал, бери, не стесняйся. — Павел поднёс пакет ближе, видимо это был набор сухого пайка. Павел улыбнулся и поблагодарил Мюра. Есть хотелось уж очень, Павел не ел с прошлого дня, но от того, что он повидал, он не имел большого желания к трапезе.

Из воспоминаний Павла.

Смерчеево, март 1999-го.

Я сидел в вертолёте вместе с остальными. Я первый раз был в воздухе, до этого никогда не летал ни на чём, и даже не знал, какого это. Странно, но я не слышал, чтобы кто-то из моих знакомых куда-нибудь когда-нибудь летал. Может быть наши зарплаты не позволяют, а

может быть из нашей страны не выбраться. Я не знал, зачем я был там нужен, и не знаю, зачем я пытаюсь вспомнить этот ад, но я был на войне, это не так просто забыть, и каждое моё слово могло быть последним. Это была наша не первая боевая вылазка — но я не понимал, за что воюю. Вроде как за долгое время это был первый и единственный военный конфликт в нашей стране, люди вздохнули с облегчением, но не на долго. И где-то на окраине обосновались люди, которые, как заявляют они сами, просто хотят жить. Очередная брехня. Никто не понимал, что они точно хотят, может отделиться, а может это и правда кровожадные террористы, коими объявило их наше правительство, активно засылая к ним войска. Все понимают, что это глупая и бессмысленная война. Второй или третий год абсолютно одинаковые белые люди друг в друга перекидывают снаряды и мины, и только сейчас пошли в открытое наступление. Смерчеево всегда было проблемным регионом. Правительство засылало туда даже срочников, среди которых оказался и я, понятное дело неофициально... Но абсолютно всему миру было всё равно, что твориться в нашей забытой всеми стране. Мы всё летели, перед нами стоял наш командир, который расхаживал по вертолёту, пытаюсь поднять наш боевой дух своими речами. Но ни у кого из сидящих среди нас не было никакого желания стрелять по таким же людям. У меня появилась в голове мысль — лишь бы враг не занял ближайший аэродром «Флетски», ведь если мы потеряем стратегически важный объект, то пиши пропало. И почему у меня вдруг появилось такое рвение? Это была самая настоящая гражданская война. Смеялся и расхаживал командир недолго — по вертолёту начали прилетать пули, и судя по звукам, и по тому, что они местами прошивали вертолёт — били из крупнокалиберного пулемёта. Командира ранило, все остальные же успели лечь. Пилот пытался вырваться, но никто не мог понять, откуда ведётся огонь. Была паника, я впервые услышал, как серьёзные на вид мужики начали плакать, звать на помощь и метаться из стороны в сторону, а восемнадцатилетние хлюпки мужественно молчали. Вертолёт резко пошёл на снижение, и я уже тогда распрощался со своей жизнью. Его трясло, и был слышен тревожный звук сирены, вперемешку с воем сослуживцев. Выстрелы стихли как только мы снизились, и видимо скрылись от предполагаемого месторасположения противника. Вертолёт был посажен, но командир не мог двигаться из-за ранения в ногу, он только скомандовал всем быстро выйти из вертолёта, и занять боевую позицию. Мы вышли, и увидели, что сели в поле, около лесной чащи. Было страшно — мы сели в неразведанной зоне, и никто не знал, что нас ждёт. Нас было порядка двадцати человек. Командир оставил за главного нашего старшину — Левеенко. Хороший был мужик, единственный, наверное, из всей части, кто хоть как-то подбадривал остальных из чистых побуждений, а не чтобы мы не боялись идти умирать. По его команде мы тихо пошли дальше, и слышали, как вертолёт с командиром взлетел, и видимо направился в часть, ничего нам не сказав. Я думал, что мы были брошены. Мы шли километров пять, пока не попали в засаду. Мы даже не знали нашей точной цели, вроде как зачистить местность. Мы прикрылись за холмом, я стрелял несколько раз, но не видел куда, и мой старый автомат постоянно отказывался стрелять, а мне толком и не показывали в учебной части, как с ним обращаться. Я обернулся — был ранен мой боевой товарищ Виталик, и я видел, как он улыбался, смотря на небо. Помню его счастливое лицо, когда перед отправкой он зашёл ко мне в мой подъезд, и спросил меня, говорил ли я своим родителям, куда нас отправляют. Он тоже ответил, что нет. Пока я стрелял куда-то вверх, я слышал, как он говорил мне «Ты знаешь, Павлуш, а умирать то не больно». Меня уничтожала изнутри мысль, что я не могу ему помочь, медик был уже мёртв, аптек нам не выдали, а доползти до него я не мог —

меня бы сразу накрыли огнём. «Ранение в живот» — продолжал Виталик — «Самое болезненное и опасное, ведь дерьмо сразу растекается по организму, и мгновенно отравляет его, но мне повезло, я обделался, как только услышал первые выстрелы — Виталик засмеялся и умер. Я тоже смеялся. Так истерично и не естественно. Вскоре выстрелы затихли, я обернулся — все кроме меня были мертвы. С противоположной стороны тоже перестали стрелять. Я хотел застрелиться, но у меня кончились патроны, или же я просто не решился. Я достал свой боевой нож, и взял его в руку. У меня была мысль либо вскрыть себе горло, либо пырнуть кого-нибудь напоследок, но меня опередили, я почувствовал удар сзади, и обессиленным упал. Я увидел перед собой несколько лиц в белой форме, обыскивающих мертвые тела наших. Я не слишком запомнил этих небесных ублюдков, но глаза их будто сверкали, форма была слишком чистая и белоснежная для боевых действий. Я не понимал, люди ли это вообще. Меня взяли и куда-то понесли. Я потерял сознание. Так себе тогда повоевали. До сих пор не знаю, кто это такие, и чего им нужно было от нас, да и никто не знает.

Октябрь 2019 года.

Я сегодня убил себя. Убил человеческое в себе. Он так жалостно смотрел на меня, а я его предал! С чего вообще эти военные решили, что эти люди бандиты? Где они вообще раздобыли сведения, что это опасная банда, которая шугает гражданских, если и гражданских в округе нет? Не нравятся мне эти вояки. Мне кажется они не военные. Может быть просто военизированная банда, о которой говорил сам командир? Они же используют меня как пешку, чтобы расчистить дорогу для их владычества, а я своими руками для них... Не хочу больше об этом писать, как вспомню эти глаза, то мигом хочу застрелиться, ведь я монстр. Но если бы я встал по другую сторону баррикад, и оборонял бы Порое, то легче ли мне было бы стрелять так же, в живых людей? Сух паёк мне не понравился, но делать больше нечего, и за это Мюру спасибо. Что у них за позывные странные? Мюр, Гас, Голд? Голд мне не нравится, я всегда чувствую людей, которые что-то замышляют, или не являются теми, кем они есть. В них нет святости и простоты. Он словно тоже это чувствует, и пытается от меня избавиться. Как мне сказал Мюр в грузовике, (он единственный из них всех разговорчивый) заводы по производству вещей первой важности до сих пор работают по стране. Но по большей части производят вещи для военных, пока гражданские тухнут с голоду. Производят быстро, нисколько не заморачиваясь. Именно поэтому в пайке:

— *Тушёнка резиновая, состоящая в основном только из жира*

— *Галеты сделаны из какого-то пенопласта, или мела*

— *Шоколад не шоколад вовсе, а кондитерская плитка, с переполненной дозой ароматизаторов*

— *Кофе три в одном.*

Но за всё благодарю Бога, да помилует и спасет меня. Забавно, когда я был ещё молодым, я не был особо верующим, но здесь вспоминаю Бога каждый день. Последний раз так молился в Смерчево.

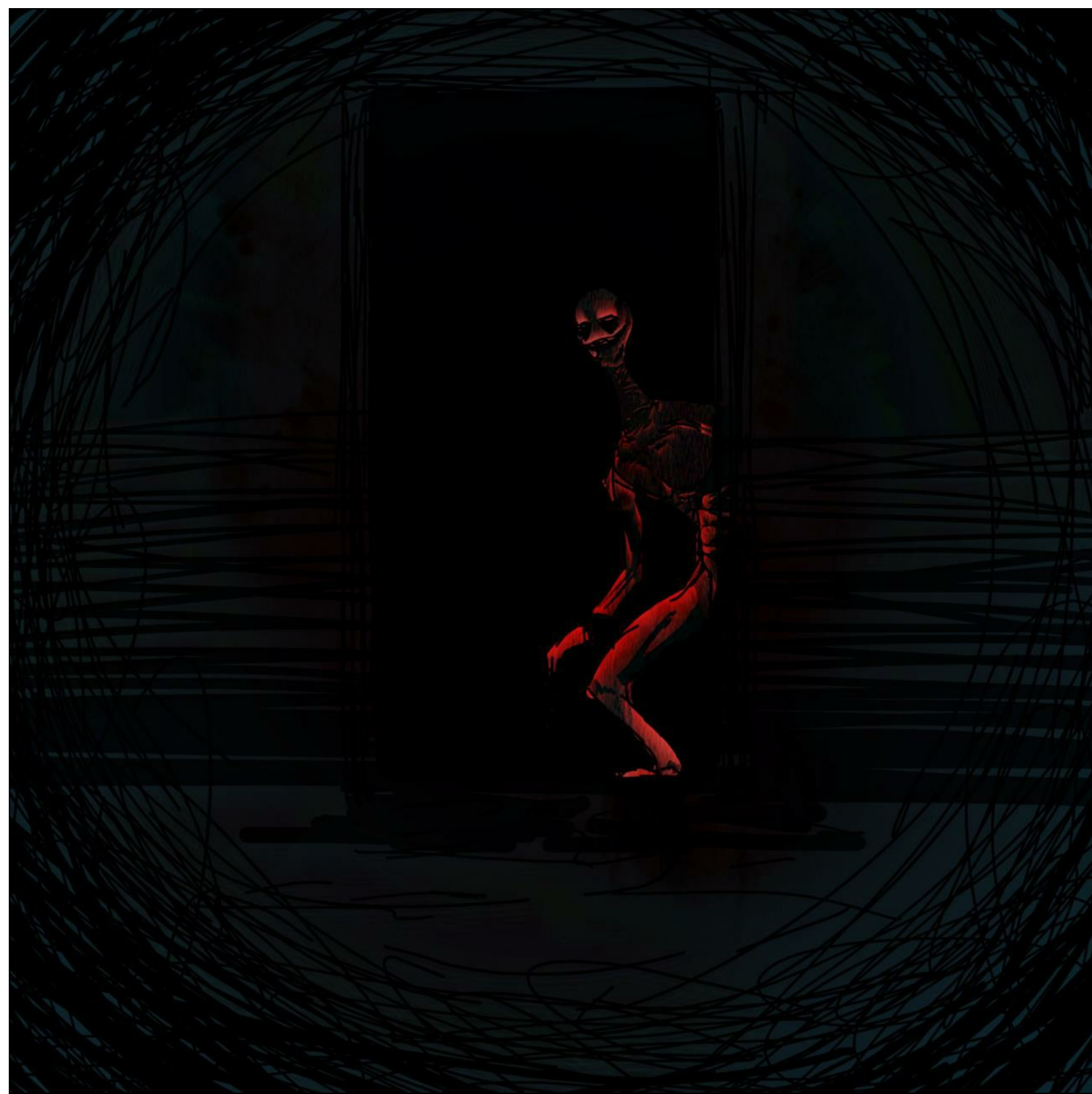
Павел сидел всё там же, на огороде. Не было видно ничего дальше своего носа. Ночная тьма легла на огород. Снова. Раз за разом, всё последнее время, темнота всё сильнее окутывала окрестности Верховска, и каждый раз была всё более тёмной и зловещей. Павел отложил в сторону дневник, и посмотрел на небо. Звёзд на этот раз не было видно. Павлу вспомнилось, как однажды его бабушка, или баба Валя сказала, что какая же будет благодать, если не будет на свете комаров. Оказалось, нет, не благодать. Павел скучал даже по этому. Мысли о Вере и Анне уже растворились, Павел окончательно распрощался с ними. Он лишь сидел смотря в даль. Когда-то на этом месте, в это время, был слышен шум трассы, были видны летучие мыши, совы, а сейчас ничего. Тишина. Павел, тяжело вздохнув, встал, оставил догорать костёр, и отряхнулся. Павлу послышались шевеления кустарных листьев неподалёку от него.

— *Крон, за мной, спать пойдём, чего ты там ищешь?* — Павел не видел в темноте, где находился Крон, и постоянно подзывал его окрикая, и тот сразу прибегал. Но сейчас

шажки Крона не слышались. — Я кому сказал? Ко мне! — Крон всё не идёт. — Да где ты там есть? — Павел потянулся в карман за фонарём, и достав его, включил. Луч фонаря озарил огород, и начал бегать, искав Крона. Свет падал то на грядки, то на старый забор, но Крона всё нет. Но тут Павел осветил около себя, и о чудо, Крон находился рядом с ним.

— Я уж испугался! Думаю, где ты есть? Идём! — но Крон не торопился идти, и в голову Павла пришла мысль, если Крон здесь, то кто шуршит кустами? Жути добавлял тот факт, что Крон смотрел испуганно и зубы его скалились, словно он увидел чужого. Крон уставился на источник предполагаемого звука. Павел мигом схватился за сайгу, и направил её дуло в сторону шума. Павел повторно включил фонарь, и увидел со стороны зарослей чью-то фигуру. Опять бандиты шлындают.

— Стоять, стрелять буду! Вам какого тут надо? — фигура стояла спиной, и не хотела поворачиваться. — Считаю до трёх, и стреляю, кто такой? — в темноте толком ничего не было видно, а луч фонаря дрожал из-за трясущейся руки Павла. Были видны лишь очертания лысой головы и спины. Человек был абсолютно голый. У Павла мигом пропали мысли, что это бандит, который держит наготове оружие, и тянет время, чтобы выстрелить в Павла. Ведь если он голый, значит сошёл с ума, значит ему нужна помощь. Павел отвёл от фигуры дуло сайги.

— Вам плохо? — и вдруг фигура повернулась. У Павла сердце ушло в пятки. Лицо у данного существа было гуманоидное. Весь рот был в крови. Глаз словно и не было, глазницы были чёрные, без зрачков. В руках существо держало руку, чью-то оторванную руку, и иногда покусывало её. Единственная мысль, которая пришла Павлу, это то, что в округе есть свихнувшиеся на фоне катастрофы люди. Павел взял левой рукой Крона за ошейник, тот залаял на нежданного гостя, и Павел попятился с питомцем назад, не отводя прицела от существа. Вдруг существо издало крик, то есть гул. Он был абсолютно не человеческий, как будто Павел слышал его не ухом, а мозгом, в своей голове. Крон начал лаять как бешенный, он как будто был готов порвать гостя. Вместе с этим, Крон начал лаять на воздух вокруг себя, где никого не было, словно кто-то приближался к нему. В голове Павла послышались

голоса. Их было много, они говорили абсолютно случайные фразы. Существо двинулось в сторону Павла. Павел выстрелил один раз наотмашь, после чего взял Крона чуть ли не на руки, и забежал в дом. Дверь во двор он подпёр старой тумбочкой изнутри. Дверь в дом открывалась от себя, так что Павел, помимо замка, запер дверь веником и гаечным ключом, так как это единственное, чем он смог второпях заблокировать дверную ручку. Дверь в голанку Павел приставил стулом, после чего занавесил все окна, и быстро поджёг лампаду у иконостаса, судорожно крестившись. Крон успокоился, а голоса пропали. Павел сидел не двигаясь на полу, направив дуло на дверь. Был слышен стук во входную дверь со стороны улицы, а потом и в окна. «Незнакомцы» не ломались, а просто тихо стучались, словно гости. Сердце Павла вылетало из груди. Он направлял дуло то на дверь, то на окна. Но потом, Павел взял бутылку самогона, что припас для него Афанасий, и начал пить её залпом. Спирт в данный момент не обжигал, наоборот, лечил. Павел выпил около половины бутылки, после чего сел обратно на пол. Стуки потихоньку прекращались, и Павел охранял дом ещё около двух часов, иногда закатывая от усталости глаза, но позже, где-то в три часа ночи, отключился, упав на пол. Проснулся Павел без похмелья, и всё там же, на полу. Павел поднялся, Крон охранял его всю ночь, не сводя с него глаз. Павел боялся выходить, но уже было светло, и было не так страшно. Лампадка всё горела. Павел вышел во двор, а там и в огород. Было пусто, вокруг по прежнему не было никого. Вдруг Павел снова услышал стук в дверь с улицы. Сердце снова ушло в пятки, и Павел не стал идти через дом, а обошёл улицу со стороны забора, и посмотрел через него в щель. На пороге, у террасы, стояли Афанасий с Ласой. Павел почувствовал необычайную радость и облегчение. Он бросился открывать дверь.

— Здорова — Афанасий, улыбнувшись, поприветствовал Павла — Ты сегодня стрелял ночью? А то я слышу, как бабахнет — Павел поменялся в лице, после чего, рассказал ему обо всём, и повёл в огород. В огороде, около кустов, был виден лишь след от дроби, однако капель крови не было. Афанасий перекрестился.

— Чуют, Павлуш, бесы, что конец света настал, и из преисподней вышли, и мы здесь брошены среди них. — Афанасий покачал головой — А возможно тебе и показалось. Мы не знаем, что там в мире, может какое нейрхимическое оружие испытывали, которое и галлюцинации может насылать. — но Павел и не знал, что думать. Что там в мире происходит, в самом деле? Позже, вечером, часов в шесть, немного выглянуло солнце. На Павла напала ностальгия. Павел с Афанасием решили прогуляться с Кроном и Ласой до заправки. Шли как раньше, когда всё было живым. Говорили уже о более-менее позитивной теме. О жёнах, о хозяйстве, о собаках. Когда дошли до В-19, вспомнили про местную речку Перлу, которую местные жители так любили. Летом бывало не пройти по пляжу этой реки, всё было забито, все веселились и плескались, а теперь пустота. А если отъехать поглубже, то места открывались необычайно красивые, это были пляжи под сосновым лесом, это было излюбленное место всех местных жителей, кому было не лень проехать на машине. Места эти были от Верховки около в двадцати километрах. Вот, Павел и Афанасий дошли до заправки. Опять тишина. Никого. Сбоку от дороги виднелось заброшенное придорожное кафе. Вдруг, со стороны трассы, громко сигналив, вылетает автомобиль.

— Остаться на месте! Кто такой? — приближаясь, раздавался голос из громкоговорителя. Павел испугался за Афанасия, ведь он мог числиться бандитом. Автомобиль остановился у Павла, оттуда вышел Голд. Голд посмотрел на Павла и Афанасия.

Ласа почему-то залаяла на Голда, но тот не обращал внимания.

— Ааа, это ты, тьфу ты, я думал похвалу получу, за то, что очередного бандита подвесил, ты мне настроение испортил, понимаешь? Какого ты тут делаешь? —

— Я тут гуляю, а ты? — Голд лишь вытаращил глаза.

— Ты мне тут поговори ещё, понял? Я тебе быстро сопли на кулак намотаю, понял? — Голд дерзко покрикивал, размахивая руками, Павел же стоял неподвижно. Голд опустил глаза на Крона.

— О! Пёс! — Голд взял Крона за шею и начал трепать во все стороны. Павел слегка ударил по его руке, убрав её от Крона. Голд всем своим видом показал как он зол на Павла, скорчив гримасу, и направил на Павла дуло винтовки.

— Ты кого ударил? Я тебя быстро на фарш пушу, понял, ушлёпок? — Павел молчал. Голд убрал винтовку, и сев обратно в автомобиль, уехал в другую сторону.

— Вот такие вот и решают наши судьбы, и называют всех, кто хочет жить — бандитами. — вздохнул Афанасий.

— Да что с ними попишешь, пойдём — Афанасий и Павел развернулись, и пошли на Верховку. Шли некоторое время молча, пока Павел, улыбнувшись, не заговорил.

— Я же с отцом когда-то так же гулял. Ходили до заправки, брали чипсы с мороженым и газировкой, и всё это тогда рублей 5 стоило. — Павел вздохнул.

— А я и не помню, где я гулял с отцом. Время было такое. — Афанасий пожал плечами.

— Слушай! — Павел полез в карман, и протянул Афанасию гарнитуру — Вот, возьми, на всякий случай —

— Глянь-ка! Навороченная! Вееещь! — Афанасий улыбнулся, покачав головой. — Работать небось от Верховска до Дзержева может! Я такую не видал ранее! Но спасибо! — Афанасий похлопал по плечу Павла.

— Так давай условный сигнал сделаем, чтобы вдруг что! — предложил Павел.

— Ну это можно — поразмыслил Афанасий — А какой? — Павел задумался.

— Ну, например, один протяжный стук — нужна помощь, два стука — оставайся на месте, три стука — уходи, опасно, а четыре — ЧС. — Павел и Афанасий прошли молча, а Афанасий по пути настраивал гарнитуру, всё рассматривая провода. Но внезапно Павла, который идя, смотрел вниз, остановила рука Афанасия.

— Что такое? — Павел посмотрел на Афанасия, но тот смотрел вдаль открыв рот, и лишь показал пальцем на левую половину леса. Павел прищурился, ведь был вечер, и уже темнело. Из соснового леса вышли два человека. Оба были в белом. В белоснежно белых нарядах. На вид это был взрослый мужчина и маленькая девочка, которые выходили из одной стороны леса в другую. Но что там можно было делать? Там же просто лесная чаща, абсолютно непроходимая. Шли они странно, боком, показывая переднюю часть тела Афанасию и Павлу. Были они далековато, лиц было не разглядеть. Павел испуганно наблюдал, Афанасий же был спокоен. На голове у мужчины можно было разглядеть бандану, а на голове девочки платок, тоже белые.

— Здравствуйте — крикнул Павел — Вы откуда? — Афанасий положил руку на плечо Павла, и отрицательно покивал, мол, не надо. Глаза у Афанасия были круглые, а лицо словно истерзанное. Девочка с мужчиной даже не посмотрели в их сторону, а молча удалились в другую сторону леса.

— Вот теперь идём — сказал с абсолютным спокойствием Афанасий. Шли опять молча, Павел даже не спросил, что это было, но когда подошли к месту, откуда вышли эти

двое, то Павел начал смотреть в чашу леса, куда они зашли. Никого не было видно. Ни шевелений кустов, ни звука ходьбы.

— Гражданские чоли какие? Может им помощь нужна была? — предположил Павел. Афанасий же отрицательно кивнул. — А кто тогда, думаешь? — Афанасий же молча показал пальцем на место, откуда они вышли. Это была та самая «проклятая тропа». Павел сразу же замолчал. Оба они остановились и перекрестились. Когда они отдалялись, Павел всё оглядывался назад, но никого позади не было. И вот уже показался мостик, Павел и Афанасий встали у него. Это было необычайно спокойное место, словно картинный пейзаж, со скамейкой и веткой сакуры. Но у Павла всё не выходило из головы те двое, а Афанасий почему-то не говорил о них.

— А как ты думаешь? — начал Павел — Отчего же та тропа проклятая? Кто у нас в деревне первый начал об этом разговор? — Афанасий всё молчал.

— Не знаю. Да только вот я вспомнил, что ещё в 2001 году здесь беглый зэк девочку с отцом зарезал у трассы. — Павел побледнел. — Не скажу, что в эти даты, но было это осенью. Я тогда сидел у себя дома, слышу — крики какие-то. Выхожу, а это Валька моя орёт. Говорю ей — дура, чего орёшь? А она говорит — слышал? Петьку то с дочкой Ероновых убитыми у заправки нашли. Я его не знал толком, как и всю семью Ероновых, только слышал, что они жили в начале деревни. И... — речь Афанасия прервал лай, который был уже знаком Павлу. Павел и Афанасий повернули головы в сторону трассы, там опять стояла эта собака, которая не решалась идти.

— Так вон же! Про которую я говорил! Вон она! Ты её видишь? — Афанасий кивнул.

— Так реальна она! А бабка та почему галлюцинацией оказалась, если собака реальна? — Афанасий молчал. Крон и Ласа не смотрели на ту собаку, это то и смутило Павла, но он, поднявшись с перила моста, посмотрел на Афанасия.

— Жди здесь, сейчас выясню, кто такая — Павел резко побежал в сторону собаки, Крон побежал за ним. Сама собака начала медленно пятиться от Павла.

— Стой! Паш! Стой! Стой! Не ходи! Стой! — Афанасий, в силу возраста, не мог быстро бегать, но ковыляя, побежал за Павлом. — Стой! Не беги! Стой! — Павел остановился, когда увидел, как собака свернула в лес, но остановился он не от речи Афанасия. Вдали, за кустами, опять стояли эти двое, смотрели на Павла, и махали ему руками, приглашая к себе. Собака бежала к ним. Афанасий резко отдёрнул Павла, и оба они отправились быстрым шагом в Верховку. Павел обернулся. Никого не было видно.

Октябрь 2019 года.

Ужасный бред был сегодня ночью. Всё было как будто во сне. Я встал, оставив Крона и пошёл гулять ночью по деревне. Не знаю зачем, не спалось. Я не хочу писать о том, насколько больно и страшно видеть мёртвыми места детства, и насколько душераздирающие чувства атакуют меня в данный момент. Я залез в какой-то заброшенный дом, не помню, кто там раньше жил. Залез и лёг спать на пол. Проснулся от того, что передо мной стоит какая-то человеческая фигура, и спросила меня, зачем я здесь. Сначала я подумал, что это был Афанасий, но я не чувствовал от этого силуэта признаков жизни, у меня даже не возникло мысли, что это какие-то выжившие люди, прячущиеся в

деревне. Я чувствовал всё это, но не боялся, и разговаривал с человеком абсолютно хладнокровно, словно это мой знакомый с завода. Это и пугает, я схожу с ума. Я ответил человеку, что мне просто страшно ночевать дома одному, человек лишь ответил, что мне не страшно, а одиноко. Я не стал спорить, только встал, и на ощупь вышел из дома. Когда я обернулся — то уже никого не было. Сон это был или нет, никак не пойму. Да и мне уже абсолютно всё равно.

Октябрь 2019 года.

Есть хочется, еда кончается. А больше всего хочется домой.

Настал следующий день. Павла разбудил голос из гарнитуры, который оповестил, что у него есть тридцать минут, чтобы собраться. Павел успел умыться, позавтракать чем было, отдав остатки Крону, и одеться. Машина с Гасом стояла во дворе, и громко сигналила Павлу. Гас приехал один. Он поздоровался с Павлом, спрашивая, как ему спалось, и сильно интересуясь его здоровьем. Павел сразу понял, что это не с проста. Машина тронулась.

— У нас ЧП серьёзное, для операции собирают весь состав, даже младший — пояснил Гас.

— Что случилось? — Гас в ответ промолчал.

— Обо всём в штабе — через тридцать минут они были там, и сразу же забежали в комнату, где проводился инструктаж, где уже собрались все остальные. Павел поздоровался со всеми, но когда вошёл командир, все встали смирно, и после приказа, сели.

— Я, наверное, должен объяснить, что произошло! Докладываю один раз, больше нету времени! Ситуация серьёзная! В районе были замечены ни разу не бандиты с ружьями! А самые, что не наесть, вооружённые до зубов бойцы, с одной, простой целью! Какой? Нам неизвестно! Да вот только Голд и остальная разведка доложили нам, что слышали, как они общаются как-то странно между собой, и имеют новейшее вооружение! — военные тяжело вздохнули, кто-то опустил голову, проведя по волосам рукой, кто-то заметно расстроился и поменялся в лице, видимо военным не слишком нравились подобные операции. — Недавно Рад заметил на радаре НЛО. Их не много, как нам говорят. Голд видел троих! Да вот только после этого пропал! Но мы смогли через поискового жучка засечь, где он находится! Спасибо Раду, мы отследили его. Он находится в двух километрах от села «Зелёный маяк», которое располагается в квадрате В-29. — командир читал с листочка — Значит так! Павел и Мюр! Пойдёте туда, разведаете, всё делать тихо! Наша задача сейчас даже не выяснить, кто это такие! — командир поднял кулак в воздух — А выручить нашего товарища, Голда! —

— Позвольте — Павел поднял руку — Но я видел его вчера и ... —

— Да мы все видели его вчера — командир махнул рукой — А к ночи он пропал бесследно! Всё, что он успел передать нам об этих самых вооружённых солдатах, так это то, что у одного из них была белая форма! Только этого нам ещё не хватало! Это, скорее всего, не шпана, которая вчера стрелять научилась, а самые, что не наесть спецы! Только бы не небесные твари! — командир словно поник на секунду, но сразу же воодушевился — Но дорогие мои, против нашего солдата не попрёшь! Так что Гас! Довезёшь Мюра и Павла в

заданную точку, оттуда они километр пешком доходят до места, где был оставлен жучок Голда, и разведывают обстановку, всё ясно?

— Так точно! —

— Павел, дуйте живо в оружейную, я уже всё передал о вас, отправление через пять минут — Павел через секунды был уже там. Опять его встретил безликий человек, который протягивал ему снаряжение. На этот раз оно было куда более роскошным. Это была бесшумная винтовка с большим оптическим прицелом, маскировочный костюм, созданный для слияния с лесным массивом, и пистолет с глушителем новой модели. Павел бросился к машине, внутри уже сидел Гас за рулём, и Мюр спереди.

— Гас, начало операции разрешаю, отправляйтесь — раздался голос командира из динамика.

— Есть! — машина тронулась с места, и выехала на трассу.

— Надо же! — начал Мюр — Вчера с ним ещё виделись! А теперь его нет! Думаешь, в плену? —

— Не знаю — ответил Гас — Если ещё не убит —

— Да сплюнь! —

— Да я-то сплуну, но я реалист. Сегодня или завтра и нас с тобой завалить могут. —

— Ну нас то вряд ли, мы кремень! — Мюр постучал себя по груди. — А разведка — это отряд самоубийц, надо сказать... Везде первые лезут, прежде чем обычный отряд пойдёт! Ты только представь, ничего не знает разведчик, что его ждёт, но идти надо. Вот и Голд себя не уберёт — Мюр вздохнул. — Павел, а ты что думаешь? — Павел оторвался от окна.

— Ничего не думаю. Война — это вообще гиблое дело для любого, даже для писаря в штабе. — Мюр покачал головой. Через двадцать минут машина была у цели. Мюр и Павел вышли из автомобиля.

— Ни пуха, парни! — крикнул Гас, разворачивая машину. Машина была не как обычно армейская, зелёная, а чёрная, гражданская, которая, как пояснил Мюр, нужна для того, чтобы не выделяться и не привлекать внимания.

— Спасибо, братан! — ответил Мюр — Ну что, Павел, двинули — Павел с Мюром шли по лесу через кладбище. Мюр сверялся с КПК в руке, до цели совсем немного Непроходимый лес, и только небо над головой.

— Нужно быть готовым к серьёзному столкновению — пояснил Мюр. — Если же Голд в плену, то вероятно в каком-то лагере, если же мёртв — берём тело, и вызываем эвакуацию — Лес почти кончался, начало виднеться поле, а вдаль расхаживали несколько человек, одетые в белый камуфляж.

— Ложись! — приказал Мюр. Павел и Мюр мгновенно легли за колосья. — Вроде не видели! — Мюр потянулся в карман за биноклем, после чего выдал Павлу второй. Павел приложил бинокль ко своим глазам, и немного выглянул из-за травы. Он видел двоих вооружённых людей в балаклавах, которые были одеты в белую военную форму. Они что-то бурно обсуждали, один показывал второму на карту. На вид они были на голову круче тех бандитов, что Павел видел раньше. Павел отложил бинокль, и взял винтовку, посмотрев на них в оптический прицел. Он похлопал по плечу Мюра, и жестом попросил его посмотреть вниз от тех двух. Перед ними, вразвалочку, сидел Голд, который был безоружен, и осматривался по сторонам.

— Приём, командир, мы на месте, наблюдаем Голда, он жив, повторяю, он жив, вместе с ним ещё двое вооружённых, никого поблизости не наблюдается, приём, какие дальнейшие

указания? — Мюр лёг на землю, и говорил шёпотом, а Павел, тем временем, не сводил с прицела цели.

— Слышу хорошо, бойцы! Ожидайте, высылаем машину для эвакуации, ожидайте ещё две минуты, и если гостей больше не будет, тихо убирайте этих двух, берите Голда, и дуйте на В-19. Конец связи —

— Вас понял, командир, приступаем! — Мюр убрал гарнитуру, и прицелился из винтовки. — Твой левый, мой правый, стреляешь после меня. — Павлу не хотелось убивать кого-то по приказу. В один день так обойдутся и с ним. Так думал он. Павел вспомнил граффити в лифте своего подъезда, который в себе содержал стих с рисунком:

Вот если честно, давай без обид:

Кто убивал, тот и будет убит.

Кто же прощал, тот и будет прощён.

А тот, кто любил, тот и будет влюблён.

Две минуты прошло. Мюр подал знак. Павел прицелился в бедро, это было одно из немногих не жизненно важных мест на теле человека, что он знал. Вдруг, со стороны трассы послышался гудок автомобиля. Это был сигнал. Мюр выстрелил, один боец упал замертво. Павел выстрелил, второй согнулся, и упал, держась за ногу. Из машины вылетела группа военных в чёрных масках, которые бросив дымовые шашки в сторону Голда, помогли ему подняться. Один из военных указал пальцем на раненого бойца. Остальные взяли его, и потащили в машину. Павел с Мюром направились в автомобиль, оглядываясь по сторонам. Когда автомобиль трогался, над ним просвистела пуля. Одна, вторая, и был ранен один из военных. Автомобиль остановился.

— Ты с дубу рухнул? Чёрт с ними, езжай! — Автомобиль опять тронулся с большой скоростью.

— Потерпи, потерпи, сейчас. — Один из военных забинтовывал раненого товарища, другой же раненого пленного. Через двадцать минут автомобиль был в штабе. Военные вывели пленного с завязанными руками, а раненого товарища повели в мед-часть. Командир встретил ребят с улыбкой. Он подошёл к пленному, снял с него маску, и перед ним оказалось измученное лицо с рыжей бородой. Командиру показалось, что он где-то встречал это лицо ранее.

— Ну-с, кем ты таким будешь у нас? — пленный молчал. — Молчишь? Ну это ненадолго. В тёмную его. — приказал командир. Военные повели его в небольшой, вырытый подвал. — Кто же такую ценность для нас раздобыл? —

— Павел вот подстрелил! — ответил Мюр.

— Неплохо, неплохо! — похвалил командир — Вас будет ожидать небольшая награда, пойдёте со всеми нами в столовую, а пока, предлагаю увидеть вживую, как мы добываем информацию у врагов народа. Прошу! — командир показал рукой на подвал. — Кстати, как там Голд? Где бывал, что видел? С ним всё в порядке? —

— С ним всё отлично, освобождён нами из плена, и даже не ранен! — отчитался Мюр.

— Это хорошо. Пусть в еженедельном напишет, что видел, и какими данными располагал. А пока все в тёмную шагом марш! — в подвале было темно и сыро, лишь горела лампа. Пленный сидел привязанный ко стулу, а рядом с ним стоял Гас с целым набором орудия для пыток. Цепи, ножи, отвёртки, иглы — всё это лежало в железном отсеке.

— Не говорит ещё? — интересуется командир.

— Так не может! Немой как будто! А у нас знающих язык жестов в части нет! — ответил Гас.

— Да прямо таки немой! Допрашивал плохо! Да откуда же ты нахрен взялся? Какой у вас приказ? — командир наклонился к пленному. Пленный плюнул в лицо командиру, и сразу же словил заряд током. Сам командир ударил пленного несколько раз, переспросив, не хочет ли он говорить.

— Седьмой. Ухожу. — раздался грубый голос пленного, после чего тот зубами сорвал чеку у себя с плеча. Все, кто находились в подвале мигом легли на землю, видимо, распрощавшись с жизнью. Но взрыва не было. Военные поднялись, и увидели мёртвого пленного с пеной около рта.

— Дела... — вздохнул командир — Капсула с ядом... И почему мы не додумались его обыскать? Ну, это моя проблема. Я сейчас же доложу обо всём в штаб. Гас, позови кого-нибудь из младших на погост немона отвезти. Павел! — командир повернулся к Павлу — Можешь подкрепиться в столовой, на тебя найдём, после чего можешь быть свободен. В дверном проёме показался Голд с мрачным лицом.

— Глянь! — обрадовался командир. — Живой! Спасибо сказать не хочешь своему спасителю? — командир показал на Павла, а Голд лишь злобно осмотрел тело мёртвого пленного.

— Да он чуть не прибил меня, пока стрелял! Представляете, товарищ командир? — командир ухмыльнулся, словно Голд так постоянно капризничает, как ребёнок.

— Благодарю — Павел обратился к командиру — Но я лучше поеду —

— Постой — окликнул командир Павла — Гас, подбрось его — Гас лишь кивнул.

— Запомнить, бойцы! Никакой жалости! Только честь и отвага! Не выдаём себя! В конце операции ожидаем вас в точке эвакуации! Действуем стремительно, цель должна быть мертва до вечера, мосты пока ждут — раздался голос из динамика над ухом Саймона. Саймон, Патрик, и Филин, сидели в кабине самолёта, который трясся из стороны в сторону.

— Ладно! Первым идёт Саймон. За ним идёт Филин. Позже Патрик. Патрик и Филин вы встречаетесь в квадрате танго-холод 02. Саймон, у тебя 01. Действуем по инструкции! Саймон, дополнительно встречаешь наших людей в ТХ 03! Там должны быть наши специалисты, которые разведывают территорию. Они не бойцы, легко вооружены, поэтому тебе стоит встретить их быстрее, чем до них доберётся местный скам. Все вооружённые цели, если то не военные — быстро в расход. Потом идёшь ко связному вместе с остальными. Всем всё ясно? —

— Услышал! — незамедлительно ответил Саймон. Саймон перевесил через плечо большую чёрную винтовку с глушителем, настроил КПК, и выпрыгнул из самолёта. Перед ним был открыт вид на бесконечные просторы. Леса, поля, Саймон не видел таких живописных мест ранее. До земли оставалось немного, Саймон дёрнул за крючок парашюта, тот почти сразу раскрылся. Через 10 минут Саймон приземлился на заброшенный хлев, который был неподалёку от заправки. Вокруг никого. Саймон взял в руки винтовку, мигом убрал парашют в специальный рюкзак, и посмотрел на КПК — до цели оставалось около

пяти километров. Быть там нужно было уже через час. Саймон ринулся в сторону леса. Вокруг не было видно буквально ничего, из-за непроходимых лиственных обрубков. Саймон всё время посматривал в прицел, ему не хотелось бы увидеть кого-либо вокруг себя, но командование передало данные о том, что здесь находятся как минимум пятьсот вооружённых элементов, которые сами не знают, за что стреляют в друг друга. И не знало не только командование.

— Саймон! Специалисты на месте, и ждут тебя, у них был небольшой контакт, но ничего особенного, всего лишь дикий зверь, раненых среди них нет, как слышно? —

— Слышно хорошо, я уже иду, до цели около одной мили. —

— Действуй по усмотрению, времени мало, а забрать нужно и спецов и связного, смотри сам, до кого тебе ближе. Конец связи. —

— Вас понял! —

16:01

Через полчаса Саймон пересёк трассу, которая на карте в его КПК была отмечена как В-19, и как и полагалось, встретился с Патриком и Филином. Связной был с ними, как и обещали. Он был высокого роста, в военной куртке. Саймон дал знак издали, и лёг за колосья, смотря в снайперский прицел, и прикрывая группу.

— Саймон, что там с танго? Парни на месте? — послышался голос Патрика из гарнитуры Саймона.

— Мне не докладывали. Они должны быть там к 16 —

Саймон поглядывал то на Патрика и Фила, то на связного.

— Скажите ему, что Овергард передаст деньги только через неделю, на севере опять пробои с поставками — Саймон имел ввиду плату связному за его информацию. До начала операции оставалось около 30 минут. Ракета должна была ударить по лагерю военных, где находился командир, нужно было ждать, и действовать по сигналу.

— Почему вы сидите на открытой местности? Это запрещено по инструкции и может быть очень опасно! Уйдите в лес! — скомандовал Саймон.

— Да кто нас тронет? Даже леса Смерчьева более шумные, по сравнению с этой дырой. А зелёные не вылезают сейчас так далеко ото штаба — прозвучал голос Фила.

— Не напоминай — ухмыльнулся Саймон. Вдруг Саймон услышал визг из наушника, это была мелодия, предупреждающая об опасности. Саймон достал КПК — спутник показывал движение неподалёку. Опять зверь что-ли вылез какой?

— Ложитесь! Живее! Контакт! — Саймон не успел договорить. Из неоткуда прилетели два выстрела, и один из его товарищей погиб на месте, а второй лишь согнулся от пулевого ранения. Видимо засада. Саймон испугался, услышав гул автомобиля со стороны трассы, и увидев, как из-за колосьев показались два снайпера в маскировочных костюмах. Саймон выстрелил наотмашь в одного из них, но так как его руки сильно дрожали, он не смог попасть по противнику. Два врага в масках бегали ко связному, выстрел из винтовки Саймона почему-то не смог заставить их передумать наступать. Из машины начали выбегать вооружённые люди в камуфляже, и упаковывать в кузов связного и Патрика. Патрик посмотрел в сторону Саймона так, что тот видел его жалобное лицо в свой оптический прицел. Саймон очень хотел что-то сделать, но не мог. Вот, автомобиль тронулся, и Саймон, с переполняющей его злобой, выпустил две пули по сидящим внутри машины людям.

Автомобиль остановился, и Саймон не начал прощаться с жизнью, так как его душераздирающие чувства переполняли инстинкт самосохранения и приказы командования, но машина поехала дальше. Саймон встал, и начал кричать во всё горло от злости. Он подошёл к мёртвому Филу, и склонился над ним.

— Овергард, это Саймон. Патрик ранен, и захвачен врагами. Фил убит. — Овергард вздохнул в ответ.

— Вас понял, направляйтесь по дальнейшему плану. —

16:44

Саймон проходил дальше по лесу. Кажется, что вокруг больше никого не было. Позже он вышел на небольшую опушку. Перед ним наконец закончился лес, и открывался вид на маленький пруд. Саймона это немного взбодрило, он посмотрел на КПК — до цели около пятисот метров, до эвакуации осталось примерно полчаса. Он не на шутку испугался, что может не успеть. Саймон осмотрел территорию, в уши сразу ударила гробовая тишина, и вокруг совсем не были видны хоть какие-нибудь признаки жизни. Саймон знал, что жизнь недавно покинула эти края, но как бы не был закалён духом человек, такой вид оставит царапину на его сердце. После чего он подошёл к пруду, и наклонившись, умылся, отодвинув маску со шлемом. Вода была кристально чистая. Нужно дальше в путь. Саймон проходил всё глубже в лес, и ему стала виднеться асфальтированная дорожка, но выходить на неё было нельзя по инструкции — так как ней человека легко заметить, так что передвигаться нужно строго скрытно. Саймон услышал плескания в пруду, что отдалялся сзади. Саймон навёл на пруд прицел винтовки и лёг за кустами. На воде начали происходить какие-то шевеления, Саймон приготовился к контакту с противником. Из воды кто-то начал выходить. Саймон смутился, а после чего совсем обомлел. Из пруда, одна за одной, стали выходить женщины во всём белом, с белыми платками в руках. Платья были совсем чистые.

— Не п... Чт... Д... — Саймон дрожащими руками потянулся за КПК, и навёл его камеру на пруд.

— Овергард, я Саймон, быстро подсоединитесь к моему каналу и посмотрите трансляцию, что это за черт? — Саймон шёпотом, дрожащим голосом, говорил в гарнитуру.

— Саймон, это Овергард, что там у вас? —

— Капитан, посмотрите мою трансляцию! —

— Секунду, я подсоединяюсь — Саймон трясся, ожидая, когда к его каналу подключится командир — Картинка грузится, ждите — Овергард, доложив, молча наблюдал за трансляцией Саймона.

— Что за чертовщина, что с этим делать? Какой будет приказ? —

— Изображение не прогружается, лейтенант, вы по-человечески можете объяснить, что у вас там, или не беспокоить по пустякам? Вы не знаете инструкции? — Овергард повысил голос, а Саймон сидел неподвижно. Вдруг, танцующие девы зашли обратно в воду. — Если же у вас там гражданские, и они вас не видели, то огонь не открывать. Во всём остальном действуйте по приказу, ещё раз повторюсь. От трансляции отключаюсь, конец связи —

Саймон встал, и начал бежать по лесу не оглядываясь. Ему было всё равно, что это было не по инструкции. Что это было? Через некоторое время он вышел на мостик. Перед ним показалась надпись «Верховка». Саймон был на месте. Пункт его назначения — середина деревни. План был прост: забрать учёных-специалистов, связного, и сопроводить их в

целости и сохранности до точки эвакуации, однако половина миссии уже успела потерпеть крах. Саймон брёл по деревне, и наконец вышел на середину. Ему приглянулся один старый заброшенный дом, так как это была идеальная позиция для наблюдения. Дом стоял прямо напротив того, где располагались специалисты. Саймон вошёл внутрь, было не заперто. Он осмотрел дом: печка, стол, стулья, кровати. Саймон заметил один старый, но почему-то хорошо сохранившийся и отчего-то не особо пыльный альбом, который лежал на полке. Саймон любил подобный раритет, поэтому он взял альбом в руки и раскрыл его. Внутри лежали чёрно-белые фотографии какого-то мужчины и женщины. Год 70-ый, кажется. Саймон убрал альбом обратно, и подойдя к окну, вид которого выходил на улицу, посветил оптикой четыре раза. Из противоположного дома ему ответили тем же, только лазером. Саймон настроил гарнитуру.

— Не обомлели там торчать? Овергард интересуется, как там у вас исследования —

— Рады слышать тебя. Почти закончили, собираем вещи. Слышали про горе, сожалеем — доложил один из учёных.

— Да... Что поделать, но мы вытащим, даже не сомневайтесь, вытащим, даже не переживайте, я знаю этого чертягу, он жив, я уверен. —

— Кстати, в доме видны признаки жизни. Его покинули совсем недавно. —

— Ну, возможно, только вы... — речь Саймона прервало шевеление в окне. Саймон посмотрел в оптический прицел, какой-то неопознанный мужчина в зелёной куртке, который не был упомянут в инструктаже, держал одного из товарищей Саймона сзади за шею, остальных расстреливал одного за другим. Саймон не мог прицелиться так, чтобы не задеть своих. Действовал мужчина как профессионал.

— Танго! Вы меня слышите? Трое ваших мертвы! Вы разве не слышите? Овергард! Все мертвы! — истерично кричал в гарнитуру Саймон.

— Саймон, это Овергард, что там? Включай трансляцию. — Саймон послушался, направив камеру КПК на тот дом. Внутри все были мертвы, операция пошла под откос. За это время мужчина уже успел окончательно зачистить дом, после чего пристрелил даже выжившего. Мужчина сел на корточки, закурил прямо в доме. Он почему-то ещё много раз то кланялся, то вставал.

— Ясно... Саймон, огонь не открывать. Да, жалко ребят, но нужно уходить. Лишний раз на контакт с военными не выходить, тебя и так ищут с собаками по всей округе. Ребята выполнили свою работу, данные у нас. Двигайся к точке эвакуации, будем там через час, отбой. — Погибшие толком не знали военного дела, и кое-как умели обращаться с оружием, среди них были лишь исследователи, медики, и радисты.

— Вас понял — Саймон собрался, не отводя прицел от мужчины, который встал над телами как вкопанный, после чего удалился из дома, уйдя куда-то на задворки. Саймон думал пристрелить его вопреки приказу, но что-то останавливало его.

— Филину и Патрику связной сказал, что враги отменили операцию в Верховске. —

— То есть наши парни погибли зря... — вздохнул Саймон.

— Это война... —

— Кто это был, Овергард? Бандит? Почему он убил их всех? Враги знали, что там кто-то будет? — размышлял Саймон.

— Не думаю так. Скорее всего местные зелёные приняли их за бандитов. Связной рассказывал, что последнее время здесь идёт бойня среди местного населения. —

— Они погибли просто так! Как собаки! Понимаешь, Капитан? —

— Саймон! Саймон! Послушай меня! Они знали, на что идут! Они знали, что такое война! Сегодня или завтра, тебя и меня могут убить абсолютно так же, как собак! У нас есть приказ, против него переть вряд-ли удастся! Держись, Саймон! Конец связи! — Саймон тяжело вздохнул. Он знал погибших. Саймон молчал какое-то время, но позже, раздался голос из его гарнитуры. Это был голос его лучшего друга, с которым он провёл почти всё детство.

— Седьмой. Ухожу. — оповестил Саймона данный голос. Очень скоро Саймон улетал из точки эвакуации совсем один. Саймон после этого покончил с военными контрактами, оставив службу, после чего пропал с концами. Что с ним стало никто не знал, но его последняя запись в КПК была — «Наплеватьство губит жизнь. Безразличие радует смерть.»

Автомобиль с Павлом и Гасом свернул на Верховку. Павел лишь запивал сегодняшний день самогоном Афанасия из фляги, и угощал Гаса. Гас и Павел также разговаривали обо всём, и выяснилось, что он тоже не знает, что происходит сейчас в Краснароссии. Только лишь то, что вокруг разруха и анархия, однако армия и заводы поддерживаются, а за счёт чего? Неизвестно. Рад как-то раз тестировал радио в штабе, и там поймал переговоры бандформирований, которые в своих разговорах строили планы построить коммунизм в деревне, а кто-то утверждал, что нужно пытаться перебраться под Дзержев, а кто-то просто ничего не понимал, и хотел домой. Их разговоры чётко передавали ситуацию вокруг — одна пустая болтовня и паника. Интересно, во всём ли мире сейчас такое, или только здесь? Не знает даже командир. То война, то из космоса что-то упало, то катастрофа, ничего конкретного сказать никто не может. А некоторые военные предполагали, что ничего не изменилось, бандиты и раньше беспредельничали в Краснароссии, и сейчас ситуация просто вышла из-под контроля. По недавним сводкам можно было узнать, что работает только электричество в части, и то кое-как, а радио, ТВ, интернет — ничего из этого не работает. Но как тогда командир общается со штабом? И что это за штаб?

— Гас, это Рад, приём, Гас, вы где находитесь? — тревожный голос Рада донёсся из гарнитуры

— Приём, подвожу Павла до дома, что случилось? — спросил Гас

— Можешь перевести канал на него? —

— Говори так, он рядом сидит, что такое? —

— Его дом по середине деревни расположен? — Гас повернулся на вопрос Рада в сторону Павла и утвердительно кивнул.

— Так точно, он самый —

— Мы осматривали сейчас местность со спутников! Предположительно в твоём доме, а именно во дворе и на улице, было замечено несколько человек! — Гас с испугу затормозил машину. — Не знаю, сколько их там точно, но радары показали вроде троих-четверых! Будьте аккуратны! Нужна подмога — обращайтесь по этому каналу, конец связи! — Гас испуганно посмотрел на Павла, но тот наоборот, почувствовал злобу и ненависть. Почему? Потому что его сердце было обеспокоено судьбой Крона и Афанасия.

— Вызовем ребят? — спросил Гас. Павел помолчал.

— Не надо, довези до мостика, дальше сам. —

— Думаешь? —

— Довези —

— Это трибунал — Павел лишь молча посмотрел в окно.

— Нечего вас в это втягивать, у вас своя война —

— Как скажешь —

Автомобиль тронулся, и уже через пять минут был у мостика.

— Если что, обязательно передавай! Но нашим не говори, что я всё это слышал, и ничего не сделал — крикнул Гас.

— Хорошо, обязательно — Павел вылез из машины, и перезарядил винтовку. Автомобиль с Гасом удалился. Павел пошёл не по дорожке, а на этот раз задворками. Всё

ближе и ближе, он не помнил, как выглядел его огород с этой стороны, но мог узнать свой дом по крыше. И вот, Павел заходит со стороны огорода, издали осматривая в прицел всю местность дома. На огороде замечен один разгуливающий туда-сюда, с удивлением смотрящий по сторонам, бандит. Павел осмотрел — рядом больше никого. Выстрел. Бандит падает замертво. Павел быстро продвигается сквозь заросли, перелезая через старый забор, и подходит ко здоровой калитке огорода. Через щель Павел смотрит вокруг — во дворе никого. Павел медленно подходит ко двери, и вешает винтовку себе за спину, взяв в руки пистолет из кобуры. Дома слышны какие-то шаги и голоса, но о чём они говорят — Павел не смог опознать. Странно. Вдруг Павел вспомнил Крона. Сердце ушло в пятки. Павел быстро вошёл на терраску, огляделся по сторонам — чисто. Павел начал шёпотом звать Крона. Внезапно из первой комнаты вышел человек, оружия с ним не было. Павел, затуманив сознание, наполнил свои глаза яростью, и взяв его за шкуру, ударил головой о стену, после чего, прислонив пистолет к его виску, начал заходить с ним в дом. Человек боялся даже пискнуть. Внутри оказался вооружённый человек. Три выстрела, и мёртвое тело лежит на кухне. Павел повёл пленника дальше, открыл правой рукой дверь в голанку, там его ждали двое. Два выстрела, два трупа. Они даже не успели ничего осознать. Кажется чисто. Павел вздохнул, пока не посмотрел вниз. Около его кровати лежал полуживой комок шерсти, который был полностью в крови из-за следов ножевых и пулевых ранений. У Павла всё поплыло из-под его ног. Он с дрожащими руками кинулся к умирающему другу, но было поздно. Павел понял, что однажды попрощался с Кроном навсегда, и тот, словно чувствовал это, скулил и облизывал Павла ещё сегодня. Это был его последний вздох перед закатом. Павел в последний раз обнял Крона и прижал к себе. За окном послышался шум двигателя, наверное бандиты прислали подкрепление. Но Павлу было всё равно. Крон уже окончательно закрыл глаза, а жить без него Павел не хотел. И тут он вспомнил, почему Крон. Слово жизнь у него начала пролетать перед глазами. Его так назвала Аня, когда ей был только год. Это было её почти первое слово, и её родители решили таким образом запомнить первое слово их дочери, в памяти об истории их семьи. У Павла по щеке покатила слеза.

— Я виноват, что взял его. Не уберёг... — за спиной Павла послышались шаги, крики, и как открылась дверь в голанку. Позади Павла прогремел выстрел. Павел обернулся. На пороге стояли Гас, Мюр, и Палес, а помилованный Павлом бандит был мёртв, так как пытался пристрелить Павла, когда отошёл от шока. Павел и сам хотел его добить, но вид мёртвого друга стёр все его мысли.

— Что значит сам? Что ещё за самодеятельность? — возмутился Мюр — А если бы тебя убили? — Павел молчал, Палес подошёл к нему, и взглянул на Крона

— Понимаю... — прошептал Палес.

— Пахан, это я их позвал, сам понимаешь, я не мог тебя одного против них отпустить.

—

— Это ты их один всех? — удивился Мюр — Ну тогда принимаю волевое решение, за то, что очистил местность ещё от четверых нежелательных элементов, я и Гас отвезём тела на погост, а Палес тут отмоет всё от них. Вода то есть у тебя? — Павел кивнул — Отлично, Гас, бери — Мюр показал на убитых. — Приём, Голд, передай командиру, чтобы теловоз сюда везли, тут Павел один с четырьмя справился! Да-да! Павел! Один! Ладно, ждём —

— Пять. Один на огороде ещё — шмыгнув носом, промолвил Павел. — И они не наши какие-то, проверили бы их. Вроде как на сегодняшних похожи. — Павел поднялся с пола.

— Сделаем, ты как сам? — Павел промолчал. Вечером Павел похоронил Крона на задворках, сделав ему могилу, и стоя отдал честь. Там же Павел нацарапал на деревяшке, что служила могильной плитой: «Спасибо за всё. Жди».

Поздним вечером, Павел ворвался в дом Афанасия, так как дверь в избу была открыта, а на голос Павла Афанасий не откликнулся. Павел вошёл в главную комнату, Афанасий сидел у стола с самогоном, жареной картошкой, и приготовленной на костре подстреленной дичью. Павел взглянул левее, и сначала ничего не смог понять. Перед ним, в полнейшей темноте, на печи сидел хорёк, морду которого освещало лишь пламя из печи.

— Проходи, садись, я вот как думал, что ты сейчас заявишься — Афанасий махнул Павлу из-за стола — А если бы не появился, я бы звать пошёл — Улыбнулся Афанасий.

— Ничего себе зверь у тебя — Павел показал на хорька. — Откуда он? —

— А, этот... Так с голодухи прибежал, убивать жалко было, а ты глянь, он дикий, а не боится. — Павел попробовал дотронуться до хорька, он такой пушистый, а глаза его, словно бусины, смотрели из темноты на Павла, не отрываясь.

— Они Крона убили — Павел оторвался от хорька, и сел за стол, сняв с себя шапку.

— Я знаю — Афанасий налил Павлу стакан. — Ласу тоже —

— А Ласу то как и за что? — Павел опустошил стакан.

— А она, дурочка, выбежала у меня посмотреть, кто там идёт, а они её без суда и следствия, сразу, как... А, ну да — Афанасий поставил стакан. В доме повисла тишина. Был слышно, как новый гость что-то дерёт в углу. А на дворе ночь. Такая холодная, непроходимая ночь. Уже наверное ноябрь, а может и нет.

В 11 утра Павел как штык был в штабе, ему даже не дали поспать толком. Всю ночь Павел не мог уснуть из-за того, что теперь он не чувствовал родного сопения на полу. Тишина, которую последнее время так ненавидел Павел, стала ещё тише. К утру его вызвали через гарнитуру. Сколько было времени на тот момент — Павел не знал, а телефон уже давно разрядился. Но приехал вроде вовремя, не опоздал. Его снаряжение с прошлой операции ему всё же пригодилось. Винтовка и маскировочный костюм были при себе. Патроны Павлу позже додали. Через несколько минут его уже ждал командир. Он был в одной комнате с Голдом. Павел протянул руку Голду, тот, не ответив, встал смирно.

— Здравствуйте, Павел, наслышан я про вас. — командир взял в руку кружку — Сегодня наклёвывается одно дельце, надеюсь, что вы нам поможете — Павел кивнул — Славно. У нас, прямо над нами, с противоположной стороны Верховки, где-то также пять километров от трассы, расположена одна деревня, и отмечена у нас как слепая зона. Названия у неё точного нет, раньше называлась «Фазьма». Суть её в том, что она была заброшена ещё давно, до этих событий. Там, судя по уголовным делам, орудовали и жили какие-то последние ублюдки. Устраивали там полнейший беспредел. Держали пленных, издевались над ними. Милиция даже докладывала, что в голодный год у них были случаи каннибализма. Понимаете, да? Жило там около 30 человек, дети, старики, и все сидели под преступной бандой, не имея связи с внешним миром, жуткая история, но да ладно. — командир встал у окна — Если бы ещё тогда этот случай опубликовали в СМИ... всем всё равно было бы начихать, вряд ли кого-то этим удивить. Да только вот всё было засекречено. А когда собрались штурмом брать деревню, то обнаружили, что все упыри вместе с их главарём были убиты, и тела их были разбросаны по деревне. Недавно командование доложило нам, что видели кого-то в тех краях. Нужно бы наведаться, да выяснить кто там шляется, и что он там забыл. Был отдан приказ больше не допустить подобного ада в той печально известной деревушке, они и в мирное время натерпелись, а сейчас что там может разрастись — страшно подумать. Скорее всего это не потомки той страшной банды, а обычные местные мародёры, но лучше всё же перестраховаться. Если менее пятерых лиц — уничтожить, если более — вызывайте наших ребят. Всё ясно? Теперь отправляйтесь, машина ждёт. — Гас вёз Голда с Павлом в гробовой тишине, после чего, высадив у поворота на Верховку, пожелал им удачи, и отдалился. Фазьма располагалась в пяти километрах от места высадки, идти около часа. Павел и Голд шли по лесу около двадцати минут. Слева от него было расстелено поле. По полю идти было опасно — могут заметить издали.

— Слушай, а какого лешего тебе тут понадобилось? — Голд шёл в развалку, положив винтовку на плечо, и иногда размахивая головой в стороны, Павел же шёл притаившись, в полном внимании, держа оружие наготове. — Сидел бы у себя в городе, мух ловил, доживал бы деньки, а то тут ты мне сейчас проблем подкинешь. —

— Проблемы ты и сам себе неплохо создаёшь — огрызнулся Павел.

— Проблемы я не только себе создаю, но я ни в чём не виноват, чему быть, того не миновать. Это жизнь заставляет меня так грязно играть. —

— Ясно. Понял. Бывает. — неохотно отвечал Павел, делая паузы в диалоге — Я не знаю, что я делаю здесь, но заметь, я не бросаю тебя, я иду за тобой, впрягаясь за то, за что понятия не имею. —

— Да куда ты тут денешься, быстро тебя местные нелюди порежут и сожрут, и ты это больше меня понимаешь, поэтому ты пока что с нами, плывёшь себе по течению, но толку в этом нет, конец тут будет у тебя не такой красочный, какой бы ты хотел. — Павел опустил вниз своё грустное лицо.

— Слушай, давай молча дойдём, последние дни убивают во мне всё желание разговаривать, тем более с такими, как ты. — Предложил Павел. Голд свистнул Павла. Павел обернулся, Голд нацелил на него дуло винтовки.

— Будешь так базарить, пристрелю, как собаку, понял? —

— Так стреляй — Павел обернулся в полный рост к Голду.

— Думаешь не стрельну? С псиной твоей тебя положим, а в такой глуши тебя даже через хренову тысячу лет не найдут, будешь лежать вместе с остальным сбродом, здесь тебе и место —

— Ты только разговариваешь — Павел поднял голову — Не стреляешь. Ты не бравый воин. У тебя другие приоритеты, таких как ты точно никто не вспомнит, даже если тебе памятник выставить. —

— Ну да, ну да, меня с моими то средствами никто не вспомнит, а тебя, никчёмного бомжа поди поминать всей Краснароссией будут? — Истерично посмеивался Голд. — Знаешь, скольких я отщепенцев отправил на тот свет? Я люблю это делать, вы мне не нравитесь, всё живёте непонятно чем. То ради бабы, то ради мамы, тьфу на вас, бабло вам не надо, власти вам не надо. Неделю назад слышал такого как ты, перед тем как сдохнуть, он просил меня передать его то-ли бабе, то-ли родственнице, что он их дескать любит. Другие бывало просили что бы я им помолиться дал, перед тем, как я их пришью. Больные ублюдки, ничего не мыслили, они сдохнут скоро, а всё городят про седую бабку. —

— Правильно, а ты и родину свою продашь непонятно кому, и за бумажные огрызки убьёшь. Так стреляй, я не хочу находиться с тобой. Только знай, чем жил, тем и подохнешь. — над головой Павла прозвучал выстрел. Пуля попала в сосну позади Павла.

— Те тоже были дерзкие, перед тем как я их валил. Всё не пойму, чем такие как ты живёте? Ваша идея изжила себя, сечёшь? Ты сдохнешь, и от тебя ничего не останется, а всё на что-то надеетесь, что после смерти воспрянете, больные люди — Павел лишь молча развернулся, и продолжил идти к цели, ожидая выстрела. —

— И я в это верю, стреляй в спину, я знаю, за что я иду, но знаешь ли ты? —

— Герой, фанатик, понимаю. — усмехнулся Голд. — А что, не так чоли? Нет, ну ты скажи мне, не так? Сколько лет крысы в правительстве обещали здесь хорошую, новую жизнь! Сколько они про это говорили, а теперь от их обещаний не осталось ни пуха, как и от них самих! И теперь ты меня упрекаешь в том, что я не жалею людей, как не жалели они? Да

ты можешь пойти и сдать меня, думаешь мне страшно? Пара бумажек, и меня доставят в любую точку страны даже сейчас. Только такие как ты не доставят, но они уже давно сдохли, потому что не играли по правилам. Да ты знаешь, как эти жирные твари пируют и радуются, пока здесь люди подышают, и едят друг друга? А армия так вообще, обогащается здесь как и в Смерчеево, ты же бывал там, видел всё своими глазами, а теперь всё это отрицаешь? А знаешь, где твоя верхушка? Она свалила! Она свалила, оставив тебя и всех нас, подышать здесь! Вся Краснароссия охвачена огнём. Что тебе рассказывала эта тварь усатая? Что весь мир полыхает в огне? Что метеориты радиоактивные везде упали, что ядерная война, да? Чтоб ты знал, в Краснароссии снова идёт гражданская война, а нам запрещено об этом говорить! То есть тупая перестрелка бандитов! Ты думаешь, что эти военные — это настоящие военные? Ты ни черта не знаешь, и говоришь о том, чего не слышал! Ты просто попал в одну из недо-банд, что борются за территорию и властвование, как и все остальные! В Краснароссии сейчас полно таких групп! Хоть отбавляй. А эти, эти просто захватили местную военную часть при начале погромов, и создали более-менее властную сеть. Нет никакого центрального штаба, и нет никакой доставки припасов из центра! Мы просто грабим местные селения, не давая другим бандитам забрать нашу добычу, и всё! Весь Верховск держат какие-то упыри, давно мы им зад хотели надрать, да сил столько нету, и наши хотят отжать у них город со временем, для этого и освобождают местные территории, для прохода пути! Ты знаешь, что они тебя расстреляют, когда ты им станешь не нужным? Ты... — Голд не договорил, вдалеке, из-за поля, начала казаться Фазьма, а под ногой Голда раздался щелчок. — Твою же... Мина... Ты глянь... Мина... Наступил... Паша... Помоги... — судорожно говорил Голд, замерев на одном месте.

— Позволишь у тебя узнать кое-что? — обернувшись, спросил Павел. — Почему ты не можешь решить эту проблему парой цветных бумажек? —

— Урод, ты на меня гонишь из-за этой дыры, которую ты именуешь домом? За этих ублюдков, что тебя пришьют завтра? Помоги мне, и сегодня же уедем под Дзержев, у меня там связи, нас пропустят, пришьём усатого, и свалим, жить будем, всё будет хорошо. — Голд всё не двигался, только боязливо смотрел под ногу.

— Нет — покачал головой Павел — Мне абсолютно всё равно, в какие игры здесь собрались играть политиканы. Задача нас, пешек, остаться людьми. А ты действуешь наоборот, ты помогаешь тем, кто вверх этот край в хаос, и убиваешь тех, кто хочет всего лишь жить. Не ты ли охотишься за деньгами, когда они уже не нужны, отнимая жизни, когда они всегда будут нужны? —

— Подумай хорошенько — Голд снова нацелил винтовку на Павла.

— Я бы не советовал — Павел достал из кобуры пистолет, и наставил его на Голда — ... делать не обдуманые решения. Они уже привели к анархии мою родную землю. Они уже лишили меня семьи и друзей. —

— Большой безумец, лишил семьи ты себя сам, когда решил свалить от неё! А твоего дружка, псину, ну я думаю он был твоим единственным другом, с большой вероятностью, убили свои же! И чё это ты в меня стрелять вздумал? Ты же в людей не стреляешь, поехавший пацифист —

— Я не пацифист — Павел взвёл курок — И людей здесь нет. Только двое убийц, которые когда-нибудь помрут таким же путём. — Голд поднёс гарнитуру ко рту.

— Все слушать сюда! Паве... — раздался выстрел, Павел мигом лёг на землю, чтобы укрыться от взрыва. Мина с грохотом разорвалась под ногами Голда. Взрыв был не слишком

мощный. Павел встал, отряхнулся, и посмотрел на мёртвое тело Голда, у которого не было одной половины ноги.

— Группа 4, докладывайте, Что там у вас? — раздался голос командира из динамика.

— Это Павел. Голд мёртв. Подорвался на mine. Я ничего не успел сделать. —

— Вот чёрт, а! Какой хороший боец был! Вздумала моя голова дурацкая послать его туда сейчас, горе мне! Павел, следуйте по заданию дальше, отменить его из-за этого не сможем! Там, судя по всему, что-то серьёзное! Скиньте нам координаты тела Голда, мы его заберём! Конец связи! —

— Вас понял — Павел испуганно вспомнил про выстрел — Они же могут узнать, что это я, когда увидят у него пулевое! — Павел осмотрел тело, пулевого ранения не было, и вместе с тем виднелась дырка от пули в берёзе. Павел вздохнул. Он ещё раз посмотрел на Голда, и пошёл дальше. Через несколько минут он уже был в деревне, и мины по дороге ему больше не встречались. И кто её здесь оставил? И одну ли? Павел начал осматривать деревню. Никого. Несколько покосившихся домов, но одна вещь удивила Павла. У одного дома были припасены и сложены деревянные брёвна. Значит там кто-то есть. Павел пробежал до дома тихими перебежками. Заглянул во внутрь — пусто. Павел тихо вскрыл замок, и вошёл в дом. Обыкновенный деревенский дом на первый взгляд, но нет. На стене виднелись надписи чем-то красным. На двери одного из домов, всё той же краской, была видна надпись: «Уходи, прокляну» и ей же нарисован крест. Павел мало что слышал про эту деревню раньше. Разве то, что она была заброшена. Павел шарился в местных домах, и абсолютно везде его преследовала невыносимая вонь, напоминающая тухлятину. Павел зашёл в следующий дом, их было всего несколько в деревне. На полке в главной комнате он нашёл старую тетрадку. Павел раскрыл её. Внутри были непонятные записи, ведающие о том, как лучше готовить мясо. Павлу стало не по себе. Павел увидел старый холодильник, и решил его открыть, но потом понял, что лучше бы он этого не делал. Из него раздался дикий запах вони, да такой, что Павел начал задыхаться, и хотел выбежать из дома, пока не увидел то, от чего обомлел напрочь. На верхней полке холодильника были разбросаны кости. Можно было бы гадать, какого они животного, если бы одна из костей сильно бы не напоминала человеческую. Посередине расположилась банка с непонятной жидкостью, внутри которой находилось что-то отдалённо напоминающее человеческое лицо. Павел захлопнул холодильник и выбежал из дома. Его начало мутить. Павел в страхе начал осматривать остальные дома — везде надписи из крови, содержащие непонятные, и случайные слова. Павлу запомнились «умри», «спаси», «можешь» и прочие. Павел подбежал к следующему дому, и обомлел ещё больше. Ещё из окна он увидел человеческое тело, привязанное к стене. Павел подумал, что человек ещё живой, и находится в плену, поэтому прицелился из пистолета, и вошёл в дом. Вонь уже не докучала Павла, к ней он постепенно привык. Павел вошёл в дом — тело оказалось не живое, и было прибито к стене. Похоже, что это было чучело. В стороне от него, на верёвке, был подвешен человеческий скелет, уже настоящий, весь в паутине, одет в тулуп и валенки. Неподалёку от него лежала тетрадь. Она была старая, с неё сыпалась пыль. Павел взял посмотреть, и открыл её.

12 сентября 2005 года: Сволочи! Катюнь! Я всё видела! Я звоню в милицию, а они не отвечают!

13 сентября: Паша, эти твари убивают прямо на улице!

25 сентября: они держат нас здесь! Говорят чего-то, ничего не понимаю! Жрать им чёл нечего? Что им надо? Нас в деревне двадцать человек, скоро съедят всех. Я помню же как тут кипела жизнь! Как ходили на дискотеки как молодёжь развлекалась! А они кто такие?! Демоны! Сучьё! Хуже демонов! Лучше бы меня медведь сожрал, чем они! У нас неп

выхода! Днём и ночью они охраняют деревню с ружьями! Недавно убили Петьку милиционера! Марина говорит съели даже! Нас никто не может найти! Деревня глухая, в самой чаще леса, от поворота на кладбище километра три по тропе. Спасите!

3 октября: Жалко, что Алёна дождала до этого дня. Жалко, что я настояла на том, чтобы забрать её у родителей из Смутевска на выходные. Прости, меня, Алёнка, я знаю, что ты в раю, и я скоро буду с тобой, но немного ниже, потому что не смогла защитить тебя от этих нелюдей. Прости, Господи!

Павел убрал тетрадку себе в карман. Там было ещё много записей, но у Павла сжалось сердце, и он не мог читать дальше. Павел с ужасом выбежал из деревни, и бегом направился в сторону Верховки. У Павла была мысль спалить деревню до тла, но нечем, либо похоронить тела и останки, но не было времени.

— Это Павел, операция завершена, обо всём при встрече. —

— Вас понял, Павел, ожидайте эвакуацию от В-19. —

К двум часам дня Павел был в лагере, и уже передал обо всём и рассказал всем, кому только мог. Ему было жаль ту неизвестную, но не было жаль Голда. Слушал его весь лагерь, а когда дали почитать тетрадь командиру, то у того усы ещё белее стали.

— По-хорошему, нужно ядерную бомбардировку той деревни провести, а по-плохому сжечь её просто — покачал головой командир. — Но да ладно, потом, идёмте Сергея помянем. —

— Его звали Сергей? — поинтересовался Павел

— Да какая уже разница? — все удалились в другую комнату, где стоял гроб с Голдом. Все вокруг лишь молча пили залпом, а после, несколько человек отнесли гроб с его телом в машину. Павел отправился в столовую, хотя ему казалось, что после увиденного он не сможет больше есть. Павел прошёл мимо расстрельной стены, где стояли четверо небритых, замученных людей, а перед ними стояли четверо военных, и Мюр. Павел быстро подбежал к ним.

— Мюр, что тут? — поинтересовался Павел.

— Что-то, преступление и наказание! Готовсь! — Мюр дал знак, и военные взяли на руки автоматы — Цельсь! — военные прицелились в людей в чёрных свитерах — Пли! — Прогремели выстрелы. Павел вспомнил Смерчеево. Вспомнил, как точно так же, в такой же балаклаве, с такими же словами, приказывал расстрелять его сослуживцев и других мирных жителей какой-то боевик. Павел тогда молча наблюдал за всем этим, и ничего не мог поделать. Он смутно помнит, как соратник ему тогда подмигнул, после чего ударил одного из боевиков, и вместе с остальными он в ту же секунду был расстрелян. Гремели выстрелы, свистели пули, точно также, как сейчас. У Павла тогда родилась надежда, что война прекратится, но из неоткуда появился самолёт, который начал бомбардировать всю окрестную местность. Всех его остальных сослуживцев даже не нашли, выжившие боевики уехали, Павла контузило, и его выходила милиция. Вся эта картина в полном размере только сейчас предстала перед ним.

— А что ты думаешь, куда их девать то? Паразитов на теле общества надо уничтожать! — пояснил Мюр. Павел лишь молча ушёл. Кто тогда воевал? С кем? За что? Какая разница, если все хотели его убить? Павел проходил мимо радиовышки, из неё показался Рад, и улыбочиво позвал его внутрь. Павел зашёл. Внутри виднелись разные приборы, мониторы, и датчики. Рад рассказывал о каждом из них, а также обо всём, о чём

только спрашивал Павел.

— Слушай — обратился Павел — А скажи как друг по секрету, электричество то откуда? И не кончается никак? —

— Оно вырабатывается специальными машинами. У нас производят такие за Верховском, вот только мы туда пробраться не можем, и электричество приходится экономить. А так нам на вертолёте, стабильно, раз в две недели, сбрасывают данные машины с провизией и патронами. Один раз ящик улетел незнамо куда. Сидели две недели без всего, представляешь? —

— А у меня телефон, вот, разрядился уже как недели две-три, и не могу знать, что происходит то вокруг, понимаешь? — Павел достал телефон из кармана, и показал его Раду. Рад взял телефон, и внимательно принялся его рассматривать, потом поднёс к какому-то устройству, и вставил в него. Телефон начал заряжаться. Павел удивился, и поспешил благодарить Рада, но тот, быстро приложил палец ко своим губам.

— Шшшш! Увидят — трибунал за растрату государственного имущества. Я сам иногда заряжаю, с любимой списаться, она у меня далеко за Верховском... —

— А как это ты? Связь разве есть? — удивился Павел.

— Точно такая же, государственная, которая остальным не доступна. Могу включить тебе на секунду, пока никто не видит. Вообще нам нельзя, но ты же у нас герой войны! — Рад засмеялся.

Павел выпучил глаза, и не отрывая телефон от зарядки, включил его.

— Я буду благодарен тебе по гроб жизни — затрясся Павел. Рад обернулся.

— Выйди, и стой на улице, если кто-то идёт, то мне говори. Сейчас, минуту, и я тебя позову. — Павел послушался, и вышел из радиовышки. На улице никого не было, только пара солдат на вышках. Вдруг Рад шёпотом окликнул Павла, тот забежал обратно в вышку.

— Подключил. У тебя минута. Я встану на улицу, типо покурить, и если кто пойдёт, то быстро тебе маякну, и ты сразу выключаешь, иначе нас обоих повесят, а больше минуты нам курить и не разрешают всё равно — снова засмеялся Рад.

— Хорошо, я я я всё сделаю, спасибо тебе большое! — Рад покинул вышку, взяв сигарету в зубы, и Павел, трясущимися руками включил телефон. Впервые, за три недели (или четыре?) Павел увидел знак включенного интернета у себя в телефоне. И сразу же дата — 30 октября, среда. Павел не стал искать информацию, что сейчас происходит, не стал читать новости, не стал долго думать, а только лишь зашёл в мессенджер. Мессенджер грузился как будто вечность, и вот прогрузился. Были пропущенные смс от коллег, от друзей, но Павел обомлел, когда увидел 12 пропущенных сообщений от контакта «Верочка». Павел принялся читать.

04.10.19. Верочка: *Ты вещи свои не все забрал, удот! Вернись за вещами!*

04.10.19. Верочка: *Ты серьёзно уехал? Ты совсем с головой не дружишь? Ты меня с ребёнком, вот так вот просто бросил?*

05.10.19. Верочка: *Вернись!*

06.10.19. Верочка: *Вернись, пожалуйста!*

07.10.19. Верочка: *Пашенька! Милый! Вернись пожалуйста! Я не знаю, что туп происходит! Мне страшно! Все как с ума сошли! Паша! С тобой всё в порядке? Не оставляй меня одну, я прошу тебя! Извини за всё!*

07.10.19. Верочка: *К нам кто-то ломиться! Еды нет, всё отключили! Мне нечем*

кормить Анечку, Пашенька, скажи пожалуйста что ты жив!

08.10.19. Верочка: *Паша! Я какое-то время побуду в лагере на Орехина, 8. Тут я, и ещё несколько человек, вроде хорошие, никуда не вылезает, что делать тоже не знаем, еда скоро кончится! Я каждый день себя ненавижу за то, что выбесила тебя и позволила тебе уйти! Прошу тебя! Вернись!*

09.10.19. Верочка: *Прошу тебя... вернись.*

10.10.19. Верочка: *Прошу тебя... Пашенька... Вернись... Я знаю что ты жив...*

13.10.19. Верочка: *Я с анечкой хочу к тебе, Паша, ты же в верховке? Да я знаю ты там, вернись пожалуйста! Я люблю тебя!*

13.10.19. Верочка: *Вернись....*

13.10.19. Верочка: *Люблю тебя... вернись..*

Верочка была в сети 13.10.19.

Никогда у Павла не было так грязно на душе. Ни когда он видел разбросанные человеческие останки, ни когда он убивал по его версии невинных людей, ни когда на его руках умер Крон, хоть он его и сильно жалел, как сейчас.

— Ты всё? Там идёт кто... — Павел выбежал из рубки, толкнув Рада, и побежал сломя голову в штаб. Командир сидел у себя в кресле.

— Товарищ командир — Павел сел за стол, запыхавшись — Мне нужен пропуск на выезд из Верховского района... Очень нужен... —

— Ясно всё, сдался, да? Что, опять Рад кому-то интернет подключал, и те, назвонившись и начитавшись, захотели домой, к семье? Это война, сынок! У меня вся семья на ней погибла, но я не рву и не мечу. — командир посмотрел на Павла, у которого не было лица. — Но тебе я могу помочь, тебе просто повезло. —

— Я ничего не давал, товарищ командир — закричал Рад со стороны улицы, командир же в ответ ему помахал кулаком, и кинул в его сторону карандаш.

— Да-да, я всё сделаю, что нужно? — Павел судорожно тряс головой.

— Вот это деловой разговор уже — командир сел поудобнее — У нас Весь Верховск контролируется какими-то боевиками. Вроде местные, но решили организовать там целую сеть, и захватили весь город. Город не малый, а на каждом шагу там вооружённые упыри ходят, и местных терроризируют, не давая им носу поднять. Они всё равно, казалось бы, не жильцы, в ближайший месяц на них запланирован наступ из всех ближайших частей. Но на территории Верховска всегда была расположена лётная школа с аэродромом. И она под контролем этих тварей! И разведка нам доложила, что там стоит новейшая модель самолёта, которая нам и нужна! Управляется она предельно просто, нужно лишь включить двигатель, потянуть на себя рычаг, дождаться систему выведения на воздух, и всё! Дальше включаешь автопилот, гонишь его сюда, и сажаешь нам, на полосу. Палес тебе сможет показать, как им управлять, это задача двух минут. Мы не можем провести наступательную операцию для захвата этого самолёта, так как его сразу уберут, и людей наших положат, а такой скрытный и тихий убийца как ты, я думаю, прекрасно мог бы сработать в тылу противника, они этого точно не ожидают, да и большинство из наших они уже знают по лицам и именам. Скорее всего среди нас есть крысы. Нам этот самолёт бы очень пригодился для доставки припасов, а то неделями сидим без всего! А аэродром этот контролируется бандитами, понимаешь? Вот... Ты смотри, дело — самоубийство, но если справишься, я за тебя слово замолвлю, и

тебя до твоего города с оркестром довезут через все блокпосты, ну как? — Павел некоторое время смущался, но потом, посмотрев на экран телефона, согласился.

— Отлично! Ни пуха! Завтра заедешь сюда же, тебе проведут инструктаж, покажут, как им управлять, карту Верховска, где, чего и как, а потом сразу же поедешь на операцию. Но на то, что с тобой кто-то поедет не рассчитывай, задание — билет в один конец. Да и не хочется лишиться тебя... —

— Командир! — речь командира прервал вбежавший Рад — Поступила информация от Павла, что в Верховке заметили боевика, прикажете брать? —

— Берите! —

— Есть! —

— Так, Павел, поедете сейчас с Гасом и Мюром в Верховку, разведаете, что за хрен там шастает, а завтра утром сюда, на инструктаж. Мы на вас все надеемся, Павел! —

— Есть! — Павел выбежал из здания, догнав бежавшего Рада.

— Это когда это я информацию такую давал? — удивился Павел.

— Так ты же сам говорил! Шастает какой-то у тебя дед с ружьём! — Павел с ужасом вспомнил, что рассказывал как-то раз Гасу про самогон Афанасия, и тот, видимо, решил всё на свой лад, и доложил в штаб. — Или ты что, бандитов прикрываешь? — Павел отрицательно кивнул — Тогда дуй в машину, Гас и Мюр сейчас подойдут. — Павел послушался, и уже через минуту отъезжал на машине с Гасом и Мюром от лагеря. По классике, они уже через десять минут были на повороте. У Павла была в голове одна мысль. Он предал друга, и его едут убивать. Просто так. Автомобиль свернул на Верховку, и когда он подъезжал к деревне, Павел, незаметно для товарищей, включил гарнитуру, и начал стучать по ней. Постучит три раза, пауза, ещё три раза, пауза, ещё. На стук обернулся Гас.

— Что ты делаешь? —

— Виноват, не знал, что включил — оправдался Павел. И вот, автомобиль останавливается у дома Афанасия. Гас с Мюром вышли из машины, и направились ко входной двери. Они потрогали дверь, было заперто. Мюр выбил дверь, и все трое вошли внутрь со включенными фонарями.

— Гас, проверить первую комнату! Я проверю двор, Пахан, на тебе вторая комната! Выполнять! — приказал Мюр, держа наготове автомат, после чего выбежал во двор, который напрочь зарос травой. Павел сделал вид, что прицелился из пистолета, но понимал, что атаковать ему тут некого. Нужно было лишь найти Афанасия раньше остальных. Павел шарился около печки, около стола — его нигде не было. В соседней комнате было слышно, как Гас, ища Афанасия, роняет жестяные банки на пол, а Мюра Павел видел в окно, как тот пробирался сквозь высоченную траву, и копошился в непроходимых кустах и зарослях. Вдруг Павел вспомнил. За печкой! Точно! Павел приоткрыл занавеску за печкой, и угадал. За ней, тихо прижавшись, стоял Афанасий с ружьём. Павел выглянул в коридор, потом в окно — никого. Павел тихо показал Афанасию жестом, чтобы тот лёг под кровать. Афанасий послушался, но в силу возраста не мог сделать это быстро, поэтому шаркал, и издавал шум. На шум, естественно, прибежали Гас и Мюр, и увидев Павла, опешили.

— Ну что, нигде, да? — Мюр, запыхавшись, начал осматривать дом.

— Да. Не видно. —

— Так, это что? — Мюр указал пальцем на подпол, попытался его открыть, но не смог, и перешёл на шёпот. — Точно, там гад засел, и закрылся изнутри! Павел, Гас, встаём по бокам, ожидаем сопротивление, как только я открываю, стреляйте. — Гас и Павел кивнули.

Мюр взял из-за спины топор, и начал отковыривать подпол, с каждым разом всё сильнее и сильнее ударяя по нему. И вот, с треском, подпол был открыт, и из-под него вылетели гвозди, которые сдерживали его с обратной стороны. — Отставить огонь! Гляньте! — Мюр поднял левую руку, и осветил внутрь подпола фонарём. Луч фонаря озарил человеческий скелет в тулупе, шапке-ушанке, и сапогах. Слева от него виднелось старинное ружьё, и лежал скелет поменьше, но какой-то явно не человеческий. Два скелета как будто лежали в обнимку. Мюр спустился в подпол, в тулупе скелета лежала записка. Мюр взял её, прочитал, передал Гасу, а тот передал Павлу.

«Дорогая Валя! Не могу терпеть это всё! Ну просто не могу! Извини за всё, извини, что всё так. Я просто не достоин тебя! Прощай!». Павел поседел на глазах. Он вбежал за печку, посмотрел под кровать... Там никого не было. Мир Павла словно перевернулся, в его ушах до сих пор стоял тот самый голос, и внезапно Павел резко упал, потеряв сознание.

— Снайпер! — Закричал Гас, бросившись на землю, но потом, осмотревшись, встал. —

3. Возвращение стоит разлуки

25 июня, 2011-ого года.

Афанасий сидел у себя дома и попивал самогон вперемешку с чаем. На вкус редкостная дрянь, но она почему-то приходилась Афанасию по нраву. За окном было лето, красоту которого он не замечал. Его жена Валя уехала, и перед отъездом сказала, что не хочет жить с человеком, у которого ничего нету за душой, для которого охота важнее всего, а убийство животных — ничего не значат. Столько лет прожили, а она вот так вот и уходит, ничего не сказав? Но к таким ссорам Афанасий привык, он не верил, что Валя когда-нибудь сможет покинуть его. Афанасий встал из-за стола, взял ружьё с полки, надел валенки с курткой, и подозвав Ласу, вышел из дома. Жарко летом так ходить, ничего не поделаешь, да только вот в открытой одежде по лесу ходить категорически запрещается. Клещи, комары, змеи, или чего хуже крапива — всё это могло подстергать случайно забредшего путника. Афанасий шёл на порубку, которая располагалась в конце деревни. Как приятно наблюдать за жизнью вокруг! Везде бегают ребятня, кто повзрослее, так те катаются на мопеде до заправки, чтобы купить там то мороженное, то газировку, то чипсы. Везде суета, и здесь никогда не бывает тишины. Но какая-то тоска засела у Афанасия на душе. Он словно наблюдал за живой и радостной деревней через стеклянную призму, находясь совсем в другом месте. Какой смысл жить без любимого тебе человека? Ласа, нюхая землю, шла за Афанасием, и по пути с ним здоровался почти каждый проходящий мужчина, девушка, или бабушка, или дедушка. Афанасия, как и Валу, здесь знали почти все, и постоянно спрашивали у одного про второго. Афанасий проходил у конца деревни, и посмотрел направо. Там, у одного из домов, на улице, перед лавкой, два мальчика играли с каким-то диковинным зверем. «Кто это такой? Хорёк чоли?» Афанасию стало немного завидно. Вот так просто, беззаботно, весело, дети проводят свой час. Да, когда ты вырастаешь, то всё кажется настолько тленным, что хочется опуститься хотя бы на час в ту самую беззаботную пору детства, где деревья самые большие, папа самый сильный, мама самая красивая, и не думать ни о чём, что может подстергать тебя дальше. Вот, Афанасий спустился на порубку, и уже через час был в гуще леса. Его ружьё наготове, Афанасий рыщет сквозь кустов, сквозь дебрей, но никого не замечает. Куда-то в миг подевалась вся живность. Но не мог же Афанасий столько дичи перебить в округе, что даже перепел не покажется! Вдруг из-за спины Афанасия раздался рык, Афанасий обернулся. Ласа скулила и лаяла. Афанасия и его верного друга окружили со всех сторон волки. Афанасий подумал, что это логическое завершение его походов. «Кто убивал, тот и будет убит» — Афанасий вспомнил строчку из стихотворения, которое слышал по радио. В ружьё было только два патрона, перезаряжать — долго. Афанасий попятился назад. Волки, рыча, начали подходить к Афанасию всё ближе, пока один из них не вцепился в ласу. Афанасий выстрелил. Один выстрел, второй, и волк, набросившийся на Ласу, жалобно заскулил, и оставив свой дух, умер. Однако Афанасий почувствовал тушу на своей спине, и громадные зубы, впившиеся ему в затылок. Афанасий ощутил холод от укуса, словно его душа улетает вон, но он мигом собрался с мыслями, и что было сил ударил волка прикладом наотмашь, после чего тот отцепился от Афанасия. Ласа была подавлена морально, и лишь жалостливо погавкивала, так как робела перед толпой разъярённых хищников. Волки

опешили, и лишь скалили зубы, боясь подходить к Афанасию. Он быстро достал патроны из кармана, и вставил в ружьё, выкинув прежние. Афанасий прицелился ещё раз — выстрел, второй. Два волка были также убиты, а остальные, видимо, сдали позиции, и обратились в бегство. Афанасий отошёл от шока, потрогал себя за спину — она вся была в крови, он оглянулся на Ласу, та лежала, тихо скуля. Афанасий быстро взял её на руки, и отправился в сторону родной Верховки. Шёл Афанасий около двух часов, лес всё никак не заканчивается, лишь позже начали виднеться крыши деревенских домов. Ласа, на руках Афанасия, лишь облизывала его лицо, словно прощаясь. Кровь всё лилась. Афанасий как мог держал то свою рану, то Ласы, и периодически вытирал кровь салфеткой, так как ничего другого у него с собой не было. Афанасий быстро забежал в дом, и направился к террасе. Он открыл шкаф, всё что было в аптечке — это обезболивающее, и бинты. Афанасий на скорую руку перевязал себя, вколол себе лишь $\frac{1}{4}$ обезболивающего, остальное же он отдал Ласе, которая жалобно скулила и лежала в пятнах своей крови на белой простыне. Афанасий на протяжении двух часов таскал лакомства Ласе, та даже ела, но его не покидала мысль, что вот она — смерть, ведь боль была невыносимая, ментальная или физическая, но Афанасий с каждой секундой чуть ли не терял сознание. Афанасий присел за стол, налил вскипячённый чай, и посмотрел в окно. Такое беззаботное, красное лето. Как же упоительны в Верховке вечера! Ласа встала с пелены, и поковыляла по двор. Ей так нужно было это тепло. Афанасий вышел к Ласе, и Ласа наконец уснула, плавая в тёплых лучах солнца. Афанасий хотел сидеть как раньше, как в старые, добрые времена, но перед собой он начал видеть яркий свет, с каждой секундой всё сильнее ослепляющий его. И Вали рядом с ним нет, и детство не вернуть. Афанасий взял в руку листок и бумагу, и что-то начал писать. Афанасий открыл подпол, и подозвал Ласу. А вечера в Верховке плыли своим чередом, с улицы доносились радостные крики ребятни.

Павел проснулся в медицинской части. Перед ним стояли Мюр и доктор, который был одет не в халат, как к тому привыкли многие, а всё в ту же военную форму. Сбоку от Павла стояла какая-то капельница, с которой ему в вены поступала прозрачная жидкость, однако Павел чувствовал себя бодро.

— О, проснулся-таки! — обрадовался медик, после чего подошёл к Павлу, проверив его зрачки через лупу — Чего это мы так трупов боимся? Да и там всего лишь скелет, что, такой страшный был в самом деле? — Павел покачал головой. — Ну ничего, бывает, мы его на погост отвезли, он тебя теперь не обидит, не бойся —

— Куда именно? — спросил Павел, привстав с кровати.

— Номер я уж не вспомню — вмешался Мюр — Но одна из последних могил в общем. Они пронумерованы, одна за одной. Второй скелет там же, с ним. Собачий что-ли. —

— Чувствуете хорошо себя, боец? — поинтересовался доктор. Павел кивнул.

— Спасибо вам, доктор — доктор засмутился — Тебе спасибо, Мюр — Мюр кивнул — Но мне надо идти. — Павел выбежал из мед. части, и направился в главную палатку, именуемую «штабом». Командир уже сидел там.

— Слушай — спросил командир — А что за дед? Где ты его видел? Он улизнул уже поди. Вот, только почитай, что Голд, царствие ему, писал в своём еженедельном отчёте! — командир открыл перед Павлом большую тетрадь, с распечатанным листком внутри, и показал её Павлу.

«Утро, заступил на службу, время...»

— Так, не то — командир перелистнул тетрадь — А, вот! —

«При патруле в округе замечено опасных элементов не было, мною был встречен Павел, который не проходил поступление в ряды ВС. Он огрызался на поставленные вопросы, и вёл себя крайне не тактично»

Павел, не сказав ничего лишнего, потребовал произвести инструктаж, и сразу же был направлен в другую комнату. Всё казалось дольше, чем Павел предполагал. Павлу пару дней нудно рассказывали о том, как управлять тем самолётом, где расположен Верховск, где разведка видела в последний раз боевиков, и где расположен аэродром. Павел слушал внимательно, но мысли его были забиты одним, вернее одной, и после окончания обучения он получил новейшее снаряжение в оружейной. Автомат с оптикой и глушителем, бесшумная винтовка, бронежилет, маскировочный костюм, и даже сухой паёк. Но есть Павлу не хотелось. Через несколько минут Павла ожидал автомобиль.

— Ты хорошо подумал? — удивлённо спросил Гас. — Ишь ты, чего любовь творит. Из наших никто за это задание не брался, хоть командир и обещал звёзды с неба тому, кто его бы выполнил — Павел молча кивнул, и автомобиль отъехал. Проезжая мимо верховки, Павел попросил остановиться, и хоть это было не положено по инструкции, Гас согласился. Павел вышел из машины, и бегом направился на кладбище. Павел увидел старые могилы, некоторые стояли ещё с 50-ых годов, но слева от них находились и свежие. Их было множество, Павел не мог сосчитать, сколько точно, и ни одна не помечена, ни на одной не было написано хотя бы имя умершего. У Павла заболело сердце. Он перекрестился несколько раз, перекрестил могилы, и выбежал с кладбища, но ту самую не нашёл. Павел запрыгнул в автомобиль. Дорога занимала около сорока минут, Верховск был не близко. Павла с Гасом пропускали все блокпосты, которые были подконтрольны военным. Но вот, автомобиль остановился. Пора. Виднелась жуткая надпись на покосившемся указателе: «Верховск». Начало города, судя по данным разведки, никем не контролировалось.

— Прощай — кивнул Гас.

— Прощай — ответил Павел, и отправился в путь. Гул машины начал удаляться где-то позади Павла. В начале города располагались деревенские дома, цивилизацией ещё не пахло. До центрального района около десяти километров, а времени у Павла около трёх часов, пока аэродром не будет охранять целая эскадрилья, которая должна вернуться с соседних сёл. Всё снова было как в тумане, Павел всё шёл вперёд. Ему было абсолютно всё равно, пристрелят ли его или нет, он даже, может быть, хотел этого. Вот, начали показываться пятиэтажные и девятиэтажные квартирные дома, по которым успел соскучиться Павел. Внутри их, кажется, кипела жизнь. Было развешено бельё, по двору ходили бабушки с грустным видом, и не обращали внимания на Павла. Вдруг, на дороге послышался гул автомобиля, кто-то мчался и часто сигналил. Павел спрятался за автобусную остановку. Вроде не заметили, автомобиль проехал мимо. Павел лишь успел заметить то, что в автомобиле-пикапе находились вооружённые люди, а на его крыше был даже установлен пулемёт. Откуда у них всё это? Кто они такие? Неужели и вправду люди обезумели, или же началась война? На плечо Павла резко и внезапно из-за спины упала чья-то рука, Павел испуганно обернулся, это была какая-то бабушка.

— Не знаешь, где Петровна то? — Павел отрицательно кивнул — А то нету её, ты же Февроньев? Из того дома? — Павел положительно кивнул — Ооо, а чего, к упырям что-ли этим подался? — Павел встал как вкопанный.

— К каким упырям? —

— Да к нашим, каким ещё! — Павел оглянулся, на домах была какая-то непонятная символика.

— Напомните мне — спросил Павел — А мы где сейчас? —

— Ну ты даёшь! Дурной чаволь? В Верховске мы вообще, в городе нашем, упыри какие-то ходют тут всё, пенсию мне заморозили, не платят! —

— А в мире то что происходит, бабуль, не слышно? —

— Да чаво-чаво, живут все, на работу ходют, глава наш заявил, что мы теперь сами по себе! Сейчас только, бандитов добьют каких-то, и заживём! — глаза Павла вновь стали стеклянными.

— Ну ясно — покачал головой Павел — А лётная школа где? Не подскажете? Там что сейчас? —

— Это у нас шестой микрорайон, да? Так он закрыт, внучек, не пускают туда никого, закрытая зона, вот так! —

Павел абсолютно ничего не мог понять, он начал отдаляться от незнакомой бабушки, всё быстро перемещаясь среди тёмных пятиэтажек. Город скорее был жив, чем мёртв, но жив как-то необычайно странно, не как раньше. Иногда встречались машины, иногда вооружённые люди, через которых незаметно проскакивал Павел. Иногда встречалась бегущая ребятня, иногда тела убитых людей на детских площадках, которые неизвестно, сколько там пролежали. Иногда весёлая музыка играла в домах, иногда во дворе этих домов что-то взрывалось, издавая сильно неприятный, но знакомый Павлу звук. Всё выглядело как в странном, кошмарном сне. Павел всё бежал дальше. Он не помнил, сколько он уже прошёл, и не знал, как близко от него аэродром. Павел пробежал местную школу, там даже проводились занятия. Странно, но на него, вооружённого до зубов человека, не обращал внимания никто из прохожих, хоть они и встречались Павлу редко. Вдруг Павел просто присел на лавочку неподалёку от заброшенного детского сада. Он вспомнил, что был тут как-то раз, когда был в Верховске проездом когда-то давно, и что этот детский сад на тот момент работал. А сейчас тишина, да и не в тишине дело. Всё было странным. Мысли Павла прервала сирена, и выехавшая милицейская машина, из которой показались два милиционера, которые быстро направились к Павлу. Они уже близко. Павел разглядел надписи на их нашивках, «Милиция, Краснароссия» как обычно, это немного успокоило Павла, но ненадолго.

— Ты какого тут? Мы вашим говорили, чёбы сидели у себя и не высывались, поставка со дня на день придёт, здесь нечего шляться, кто у тебя Пахан? Как его там? Сейчас наберу его, задрали, чесслово — один из «милиционеров» потянулся в карман. Опять всё как в тумане, и перед Павлом оказались два мёртвых тела. Он не помнил, как это сделал, только с бешеной скоростью бросился в милицейскую машину, и завёл её. По карте нужно было двигаться прямо, направо, прямо, и вот, перед Павлом виднелся шлагбаум у аэродрома. Вокруг него стояли вооружённые люди, с абсолютно незнакомой ему формой, камуфляжем, и оружием. Пока Павел проезжал, на него никто не обращал внимания, и никто даже не заглядывал в салон, но через мгновение, боевики, увидев Павла, начали смеяться, показывая пальцем на милицейскую машину, в которой он ехал, но приглядевшись в салон и рассмотрев лицо Павла, на которое он в спехе пытался натянуть шапку, достали оружие, и прицелились в его сторону. Павлу было не страшно, он уже это проходил, тем более они, наверное, знали, что сейчас приедет Павел, так как сам он слышал голос по рации, что

лежала где-то на заднем сиденье автомобиля: «Перекрыть центр и восток! На Сахарова двое наших! Шарьтесь по хатам, может там кто засел».

— Выйти из машины! — Павел не послушался, а только пригнулся, и со всей силы нажал на газ. Машина резво дёрнулась с места, сломала шлагбаум, и боевики разбежались по сторонам, чтобы не угодить под её колёса. Стреляли в Павла лишь некоторые из них, но автомобиль всё же стойко выдерживал попадания. И вот, Павел оказался на бескрайнем просторе аэродрома. Павел осмотрелся по сторонам, вокруг никого, а боевики, видимо, ещё не выслали подмогу. Павел вспомнил куда ехать, и уже через минуту был у того самого самолёта. Дело слишком ответственное, у Павла буквально всё тряслось, но не от мысли, что за ним гонятся вооружённые люди чтобы убить, а от мысли, что ему придётся сейчас в одиночку доставлять в лагерь целый самолёт. Его не учили, толком ничего не показали и не рассказали, лишь несколько раз что-то объяснили, и уже экзамен без теории. Павел выстрелил несколько раз из автомата в сторону шлагбаума, ведь там уже начали показываться боевики, и этот приём помог бы Павлу выиграть несколько минут, после чего быстро отодвинул кабину самолёта, и запрыгнул в него. Так, как там показывали? Легко сказать «возьми, да привези нам самолёт, попутно отстреливаясь от непонятно кого». Павел дёрнул одну ручку, вторую, третью, самолёт завёлся, и кабина закрылась. Датчики показали Павлу, что самолёт развёрнут в другую сторону от Верховки. Павел потянул на себя рычаг, самолёт тронулся с места, после чего Павел со всей силы потянул его влево, и самолёт, не успев взлететь, развернулся на запад, как и было положено. Всё, осталось взлететь, если бы не одно но. Со стороны шлагбаума начали показываться пикапы с пулемётами, с которыми Павел уже успел познакомиться. Издалека открылся огонь, и по всему аэродрому завопила воздушная сирена. Павел быстро потянул на себя рычаг, нажал пару кнопок, и самолёт разогнался по взлётной полосе. Вот, уже оставалось немного, самолёт начал взлетать и набирать высоту, но тут Павел почувствовал нестерпимую боль в бедре. Видимо, пуля попала через кабину. Самолёт начал взлетать, но на Павла напала сильная истерика. Боль, которую никак не заглушить, озноб, жар, и абсолютное непонимание, куда нужно лететь. Хоть бы ему выпал правильный путь, ведь если он полетит не туда, куда надо, он и вовсе заблудится, и операцию можно будет считать проваленной. У Павла появилась безумная идея бросить всё и полететь домой к Вере, и он бы сделал так, если бы не ранение. Но вот, самолёт очутился в небе. Боль у Павла стихла, но озноб и жар всё окутывали его тело. Павел посмотрел за борт. Как же красиво было внизу! Павел за секунду вспомнил всё то, что произошло с ним за последний месяц. Он всегда был впечатлительный, и мог рассказывать Вере битый час о том, что видел на улице кошку, которая так мило игралась с листиком. А тут столько всего произошло, и Павлу было всё равно, он хотел лишь одного. Он бы даже ничего не рассказывал Вере, только обнимал бы её с Аней, пока его сердце и душа бы не успокоились.

— Павел, это ты? Скажи, пожалуйста, что ты! Третий погранпост передал нам, что видит тебя! Иди на посадку, мы расчистили взлётную полосу в лагере! — из динамиков раздался чей-то голос. Как они подключились? Непонятно. Павел пошёл на снижение. Всё ниже и ниже, и вот, виднеется лагерь. И вот, бегают внизу зелёные люди, махая флажками. Опять туман, но вот, самолёт уже посажен, хоть и с сильным грохотом и тряской. Чёрный, маленький, с повреждёнными винтами по бокам, он уже стоял в лагере. Кабина открылась, оттуда буквально выпал Павел, и не мог встать на ноги. Павел поднял голову, вокруг самолёта стоял весь лагерь.

— Вот он, герой наш! Вот он, молодец боец! Поглядите на героя войны! — радовался командир. — Ты не понимаешь что ты сделал! Да мы теперь тут вокруг всё перевернём! Вся область будет наша! Палес! Проверь исправность двигателя, а остальные... Отставить! Вот же тебе на! Да у него кровь хлещет! Медика сюда! Живее, живее, не стоим! — у Павла появлялись и исчезали белые вспышки в глазах. Мир уходил из-под его ног. Павел закрывал глаза, всё темнело.

— Жить, солдат! Жить! Приказа помирать не было! — вокруг Павла появлялись какие-то голоса, он не мог их различить. Павлу было тяжело открыть глаза, но он пытался. Около него, в медицинской части сидел командир, и что-то говорил Павлу, но Павел не слышал, ведь в ушах его стоял звон. Павел теряет сознание. Павел очутился в каком-то поле, и далеко, на небе, он начал видеть своих родителей. Они улыбались ему, а он не мог пошевелиться. Павел опять просыпается, напротив него сидит на этот раз Мюр.

— Ты чего нас покинуть решил? Куда нам тут? Живи, солдат! Война закончилась почти! Нам передавали по радио! К Вере своей поедешь! — Павел успел заметить, что он почти весь перебинтован, и лежит под капельницей. Опять пелена в глазах, опять Павел закрывает глаза. Вокруг него так светло. На этот раз в ногах родителей лежал Крон. Он радостно побежал к Павлу, но как только тот был близок, Павел проснулся и ощутил быстрое сердцебиение, его грудь начала сильно болеть, он громко закашлял.

— Ещё адреналина! Ещё вкалывай! — Павел засыпает опять. Он опять очнулся в том поле, которое он видел последний месяц каждый день. Но на этот раз в поле было очень пасмурно, была та самая ужасная атмосфера смерти всего, что когда-то было живым. Та самая атмосфера, что так впивалась Павлу в сердце. Около него в первом ряду стоял Голд, а позади него около десятка разных людей. Все смотрели на Павла с каким-то отчаянием. Павел проснулся, перед ним сидел Гас.

— Пахан, глянь, какую смешную вещь нам притаранил Мюр из деревни! Глянь, похож я в ней на пирата? Ты гляди, гляди, только не пропадай! — Гас трепал Павла за плечо. — Тебе чего нужно если, ты только скажи. —

— Положение ухудшается — слева от Гаса стоял доктор, который держал в руках планшет, и говорил что-то командиру — Пуля прошла в поясницу, мы делаем что можем, но... —

— Тетрадь... Тетрадь дай... — прохрипел Павел. Гас послушался, и протянул Павлу его тетрадь с ручкой, которые лежали у него в его рюкзаке. Павел принялся делать записки, хоть и испытывал сильную боль и неспособность. Спустя две минуты, Павел отбросил тетрадь в сторону и снова закрыл глаза.

— Что? Кто? Вы не перепутали? — громко заговорил командир, держа в руке рацию — Павел! Ты не поверишь... — но Павел уже ничего не слышал. Павлу было абсолютно всё равно. Ему было безразлично. Всё темно, потом светло. Миру уходит из-под ног. Снова. Это было его последнее мучение, что он испытывал. Это был его последний вздох перед закатом.

— А вера... А Анечка... О чём я думал... —

Хрупкая девушка рыщет в вещах. Хрупкая девушка держит в руках кричащий свёрток, всё ближе прижимая его к себе. Хрупкая девушка смотрит в окно — почти по всей улице идут массовые беспорядки. То драки, то пальба, то истошные крики, которые исходят отовсюду. Выстрелы то утихают, то возобновляются с новой силой. Девушка выбегает из своей квартиры, даже не успев закрыть её. Девушка успокаивает свою дочь, качая её на руках. Вдруг, на лестничной площадке показывается обезумевший мужчина в шапке-ушанке. Он двинулся на девушку с ребёнком, но в лицо ему прилетел удар битой, которую девушка взяла с собой ранее. Мужчина упал замертво, а девушка побежала по лестнице вниз. На выходе её ждал другой мужчина со своей женой, который был к ней на этот раз дружелюбен. Он оказался её старым знакомым и позвал её к себе в машину, девушка положила ребёнка в салон и быстро уселась на заднее сиденье. Мощный взрыв. Девушки с мужчиной пригнулись, чтобы в них не попали осколки. Камни отлетели в лобовое стекло автомобиля, знатно потрепав его. Мужчина надавил на газ. По машине начали попадать камни, палки, и всякий мусор. Девушка испуганно взяла ребёнка, и накрыла его собой. Спустя время, минуя длинные пробки на выезде, мчась по садам и улицам, машина выехала из города. В нужном месте девушка пересела на автобус, который правительство предоставило жителям для эвакуации, но в автобусе она была почти одна, ведь мало кто смог до него добраться. Она поблагодарила мужчину с его женой, распрощалась с ними, и водитель автобуса, бросив грустный взгляд на происходящее, с большой скоростью повёл автобус по трассе, отдаляясь от Смутевска. Девушка заметила, насколько за пределами города гораздо более спокойнее, чем в его окрестностях, её ребёнок даже уснул от такой тишины, она же не могла закрыть глаза, потому что постоянно видела его, а за долгое время ребёнок только перестал плакать и звать папу. Она не понимала, сколько ехала, часа четыре, или пять? Она не понимала, зачем едет, только лишь по зову сердца. Дальше всё как во сне. Девушка приехала к какому-то блокпосту, где автобус остановили и досматривали. Девушка сказала, что едет в лагерь, как и все, военные поверили. На одном из участков, дождавшись остановки для перерыва, девушка, сделав вид, что отдаляется в кусты, бегом побежала в глубь леса, прижав к себе ребёнка, она знала, где ей нужно было выйти, и куда ей идти. Водитель автобуса не стал её долго ждать, поехав дальше. Девушка вышла на трассу, у неё в руках была развёрнута бумажная карта, она шла по дороге пешком несколько часов без отдыха. Она долго продумывала этот план, и хорошо, что она запаслась питанием для ребёнка, сама же она не ела. Она пряталась от иногда проезжающих машин, ей было всё равно на дикую и пугающую безлюдную местность, она думала лишь об одном. Вдруг на пути ей встретился дедушка, за которым тихо шла собака. Девушка испугалась, схватившись за битую, но дедушка спросил её, к кому она идёт, она сказала название деревушки, и оказалось, что дедушка оттуда, и может её проводить. Шли молча, дедушка с улыбкой посматривал на неё, иногда задавая ей вопросы, но позже он сказал ей, что ей не нужно идти туда, куда она идёт, но девушка всё шла, пока не наткнулась на военный блокпост. Когда девушка обернулась, она обнаружила, что тот дед с собакой пропал из виду, и словно след его простыл, но разворачиваться и искать обход у девушки не было сил. Военные посмеялись, предупредив её, что женщине в этих краях лучше не обитать, местные вооружённые аборигены растерзают даже бабку старую, а тут такая красивая! Да и куда с ребёнком то? Но услышав то имя, они передали информацию, и долго совещавшись, её всё-таки пустили, сказав, куда ей нужно идти. Её подвёз один из военных. На другом КПП её долго рассматривали, чего-то ждали, после чего провели в какую-то палатку. На улице она успела заметить, как несколько военных

фотографируются с каким-то самолётом, а правее от них двое военных играют с каким-то измученным человеком в рваной одежде в «собачку» бросая перед его носом друг другу банку с тушенкой, человек в рвани лишь медленно перебежал от одного к другому. Перед ней сидел какой-то мужчина в возрасте, и долго рассматривая её, заполнял какие-то бумаги, после чего протянул ей на подпись документ, напечатанный мелким шрифтом, на котором половина текста была закрыта другим листком. Человек дал ей ясно понять, что если она хочет найти того, кого ищет, то ей нужно подписать эти бумаги, что девушка мигом и сделала, не читая документ. Мужчина улыбнулся, убрал подписанный документ, после чего сложил руки и сердито на неё посмотрел.

— Павел? Какой Павел? Бредишь что-ли? Не видали отродясь здесь никаких Павлов! Так! — мужчина крикнул в рацию на его плече — Почему посторонние в части? Мне что вам, бошки поотрывать? — Девушку выволокли под руки двое военных, и направились с ней на КПП, девушка вырывалась, плакала, кричала, и повторяла одно и то же имя. Её выкинули за пределы лагеря и велели убираться от части, выстрелив ей под ноги, после чего один из военных кинул ей какую-то тетрадь, которую она убрала к себе в рюкзак, потому что сразу открывать не решилась. Её ребёнок молчал, а она же истошно рыдала, и долго шла по безлюдной дороге. Вновь ей встретился дедушка с собакой.

— Паша был хороший, честное слово хороший, не печалься так сильно, он ждёт тебя, ступай за мной. —

— Да что здесь происходит? Что здесь происходит? Я не пойму! Паша, где ты? — у девушки уже не оставалось сил на слёзы и панику, и она молча шла за тем дедушкой по какому-то лесу, пока не наткнулась на безымянную могилу посреди кладбища. Когда она обернулась, то дедушка с собакой снова пропал, но она чувствовала, кто лежал в той самой могиле. Она нарвала траву, нашла какие-то цветки, и украсила ими могилу, обжигая землю слезами. Позже, она по памяти добрела до того самого дома, неся на руках обессиленного ребёнка. Дубликатом ключа она сумела открыть дом, в нём было так тепло, она чувствовала того, кто разжёт это тепло в доме, и уложив ребёнка спать, села за ту тетрадь. В её руках была заряженная сайга мужа, и она не собиралась всё просто так оставлять.

**Октябрь 2019 года.
Анечке и Верочке.**

Я ненавижу себя за то, что я сделал, и ни на этом, ни на том свете мне не будет прощения. Вряд-ли вы когда-то прочитаете эти строки, один человек сказал мне, что я сдохну, и про меня никто не вспомнит в этой глуши. Но вот что: всю свою жизнь я жил только ради вас, даже когда ещё не встретил тебя, Вера, и когда не родилась ты, Анечка, я знал, что живу только ради вас. Прошу простить меня за всё, ведь я реалист, я уже не смогу добраться до вас, не знаю, что здесь произошло за последний месяц, но лучше бы я умер там, с вами, чем жил бы здесь. Я иду к вам, и когда-нибудь я с вами встречу. Ваш любящий муж и отец, коим я не имею права называться.

*Я сердце твоё не раскрою,
Потеряла со мной время зря.
Но знай, что осенью тою,
Умирал, тебя всё любя.
Я пытался сломать все преграды.
Но прошу я, давай без обид.
Ведь кто-то сказал тут однажды:
«Кто убивал, тот и будет убит»
Я подожду тебя в поле.
Где свет всё же правит. Не тьма.
Возвращение стоит разлуки.
Вздых пред закатом. И я.*

**5 октября 2019 года.
Суббота.
22:25.**

Это, наверное, был сон! Да, точно, сон! Этого не могло быть наяву! Я проснулся, а вокруг светло, как летом! Деревня живая, все бегают, улыбаются, ребяшня играет! Афанасий живой, нашёлся! Крон живой, облизывал меня по утрам! Я всё решил! Я поменяю свою жизнь! Я сейчас же, не завтракая, еду к своей любимой, она ждёт меня! Она простит меня, и всё у нас будет отлично! Я в карман куртки заглянул — а оттуда деньги валятся рекой! стотысячные купюры, не меньше! Да у меня же миллионов девять, в одной только куртке! Я так забалую любимую подарками, и наконец отвезу её на тот курорт! Всё у меня будет хорошо! Какое же поле красивое! Как хорошо, что все живы! Только вот в груди неприятно так давит.

Я, видимо, должен прояснить ситуацию!

(Или словарь происходящего из Краснодарии)

1. Краснодария

Вы когда-нибудь бывали в Краснодарии? Нет? Да и нечего вам там делать, и бывать вам там не нужно, мой вам совет. Степи и леса там — бездонные, места — живописные, но люди злые, однако не все. По всей Краснодарии наблюдаются маленькие огоньки — это те самые люди, которые живут не по правилам этой страны. Они дают ей надежду, что не всё потеряно, но кто знает, может они тоже скоро погаснут. Точно погаснут. Краснодария поглотит любого, кто не будет согласен со здешними заповедями. Коррупция, убийства, грабёж и насилие — детские сказки, по сравнению с тем остальным, что ежедневно происходит здесь. Местных жителей ты не удивишь абсолютно ничем, они видали многое. Но если же ты не боишься узнать о том, что происходит в этой светом покинутой стране, то добро пожаловать. Но смотри, не заходи слишком далеко, а то останешься здесь жить, а выход отсюда ты вряд-ли найдёшь, отсюда не летают самолёты, и не ходят поезда. Официальная валюта — Краснодарский рубль, и ради пары цветных бумажек здесь готовы на всё.

2. Военные

Вооружённые силы Краснодарии (если их можно так назвать) отличаются особой ненавистью ко врагу, однако их врагом может стать кто угодно, на кого укажет пальцем старший — тот уже опасный для страны элемент. Вообще сюда попадают далеко не лучшие представители страны, да и далеко не интеллигенция, потому как здесь нужно быть готовым выполнить любой приказ. Но у всего есть свои плюсы, так, например, члены армии имеют неплохое денежное довольствие, различные льготы, а так же тебя отмажут, если ты случайно пристрелишь кого-нибудь не того, ведь «не такие» не встречаются на пути солдат Краснодарии, если убили — значит было за что, значит, что ты враг государства. Попасть сюда крайне просто: нужно иметь хорошее здоровье, навыки, бесстрашие, отвагу, и не иметь жалости, да и приходиться лучше всего со своей винтовкой.

3. Бандиты

Нету чёткого определения, кто же является бандитом в Краснодарии, так как под это описание может подойти любой, как и нету чёткой и организованной сети бандитов, ведь делятся они все на маленькие группы, которые режут и стреляют друг друга, но имеют какой-то «кодекс чести оружия» который знают кое-как.

4. Держев

Крупнейший город Краснодарии, который также является его столицей. Сюда съезжаются почти со всей страны — заработок здесь повыше, чем у захудалых провинций. Поделён на зоны влияния, тесно переплетает в себе колорит дорогих особняков и трущоб. Местные жители ненавидят приезжих, так как те, видите-ли работают, вместо того, чтобы грабить и воровать, как честные и порядочные люди.

5. Смутевск

Провинциальный город на востоке страны. Отличается размеренностью, душевностью, ведь местные жители добры и приветливы. Только особо нечего в нём делать, зарплаты копеечные, да и работу тяжело найти, но отлично подойдёт для проживания тому, кто чист душой и сердцем.

6. Верховск

Промышленный городок, сосредоточивший в себе несколько заводов, только работает там мало кто, ведь жителям проще примыкать к местным мафиозным бандам, так как заводы всё равно под их контролем, да и платят они лучше.

7. Милиция

Самая бездарная структура Краснодарского края. Если вас ограбили, то можете даже не тратить время, и не идти к ним с заявлением, ведь вся милиция давно куплена кем попало, и с особым остервенением они будут искать только того, кого им будет выгодно искать. Если хочешь иметь презрение со стороны местных жителей, но толстый кошелек, то смело записывайся к ним, требований к кандидату нет. Имеют ответвление — ГПР, дорожная милиция, которая только и умеет, что брать взятки. За нарушителем они даже не погонятся, можете смело от них уезжать.

8. Народная Небесная Сила Краснодарского края

Если верить официальной позиции властей — террористы и маньяки, но кто они на самом деле — мало кто знает. О них лишь слагают легенды, так как они очень скрытны, и мало когда идут на контакт. Воюют умело, армия не хочет вступать с ними в бой лишней раз, то есть хочет правительство, но не хочет того армия. Непонятно откуда берут оружие, по словам очевидцев имеют белую форму, которая словно слепит глаз. Ходят даже мифы, что они и не люди вовсе. Официально запрещены по всей Краснодарском крае, за любое упоминание их или сочувствие им — наказание вплоть до смертной казни. Базируются в Смерчеево, но конкретной базы не имеют, и их члены могут находиться во всей стране. Местные жители их не боятся, ведь если ты не идёшь против них — значит, что ты жив.

9. Смерчеево

Регион на севере страны, включающий в себя несколько городов. Имеет в основной своей массе густой лесной массив, прячущий в себе партизан. Неофициально контролируется Народной Небесной Силой, поэтому огорожен дурной славой. В военных частях Смерчеево служит не так много народу, так как даже военные отказываются лишней раз туда отправляться из-за вылазок Небесных на части, а на заработки в Смерчеево народ и не ездит.

Фотоальбом Краснодарского края: (Вам лучше этого не лицезреть, ведь все изображения и рисунки выполнены по имеющимся данным, а как всё выглядит на самом деле — известно только жителям Краснодарского края.)

Дзержев. 6 декабря 2005 года. Фотография неизвестного.

Дзержев. 21 января 1998 года. Фотография неизвестного.

Государственный флаг Краснодарского края.

Неизвестный милиционер города Смутевска. 2007 год.

Военный перед отправкой в Смерчеево. 2000 год.

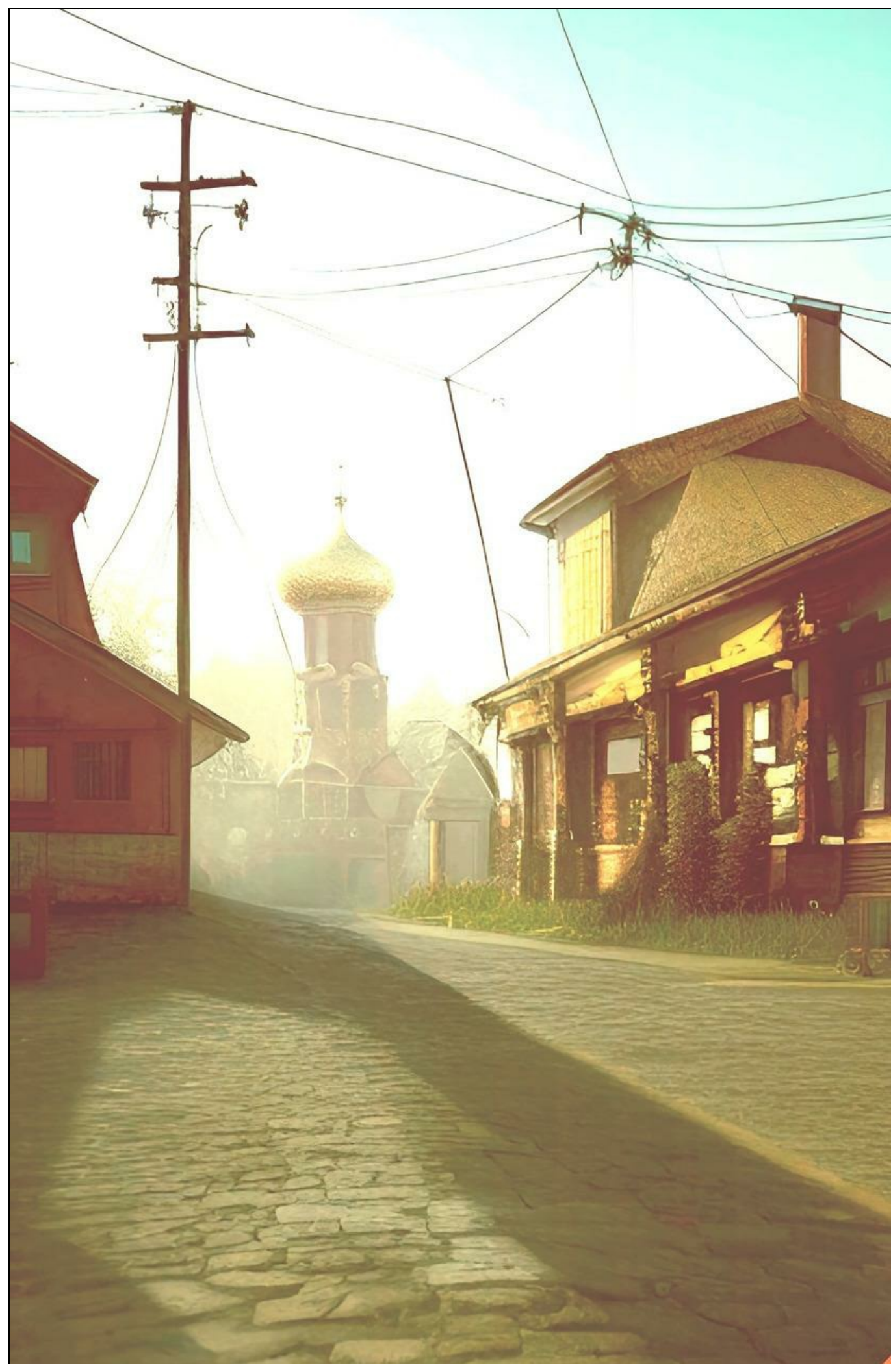
Фазьма. Год неизвестен, автор неизвестен. Фотография, найденная Павлом.

Предположительно Дзержев. Картина неизвестного художника.

Заблудший солдат в Смерчеве. Дата и место съёмки неизвестны.

Окраина Смутевска. 2008 год.

Окраина Держева. Дата съёмки неизвестна.

Смерчеево.

(С) Издательство "Жизнь". Красноярск, 2019 год.